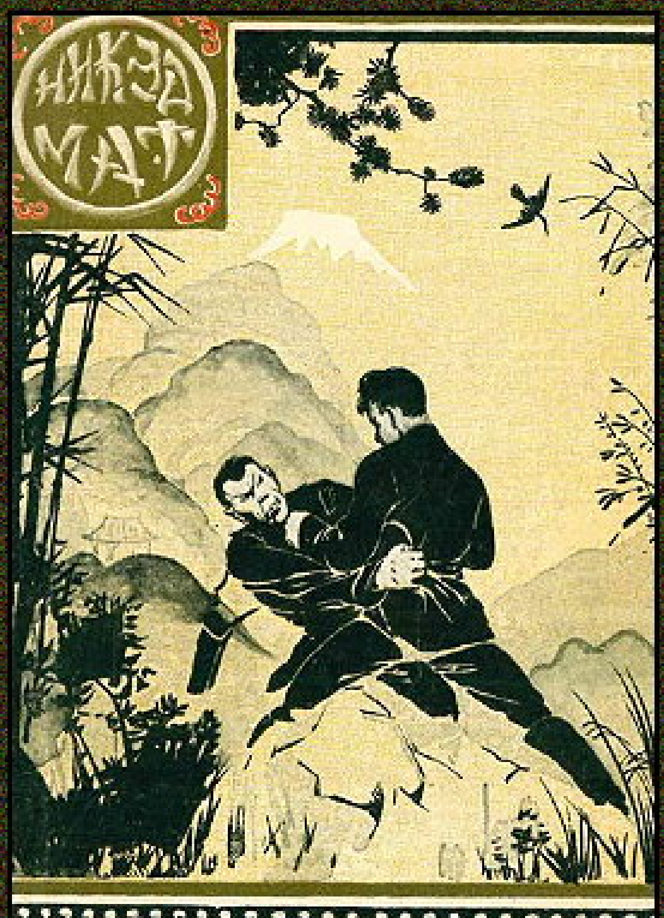
[Polaris]

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Том 1

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ: 1918 ГОД

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXVII

Salamandra P.V.V.

Никэд
МАТ

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Том 1

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ
1918 год

Salamandra P.V.V.

Мат Н. (Костарев Н. К., Март В. М.)

Желтый дьявол. Т. 1: Гроза разразилась. 1918 год. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 270 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXVII).

«Желтый дьявол» — гремучая трехтомная смесь авангарда, агитки, детектива, шпионского и авантюрно-приключенческого романа, призванная дать широкую панораму Гражданской войны на Дальнем Востоке. Помимо вымышленных лиц, в ней выведены и вполне реальные персонажи, от барона Унгерна и атамана Семенова до американского командующего Гревса и японского генерала Оой, красных командиров С. Лазо и Я. Тряпицына и др., а действие с головокружительной быстротой разворачивается на огромном пространстве от Сибири до Китая и Японии. Этот примечательный роман многие десятилетия оставался недоступным для читателей. Авторы, составившие писательский дуэт «Никэд Мат», поэт-футурист В. Март (1896-1937) и прозаик, поэт, очеркист и бывший «красный партизан» Н. Костарев (1893-1941?), сгинули в сталинских застенках, а «Желтый дьявол» оказался под запретом. Но и в «перестроечные», и в постсоветские годы роман так и не удостоился переиздания...

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Слушай Читатель!

тебе надоело пользоваться кабинетными измышлениями, жить в мире воображения, читать о никогда не существовавших героях и никогда не имевших место похождениях

НО ТЫ все-таки ЛЮБИШЬ:

жизнь яркую, красочную, полную героических достижений

ТЕБЯ ВДОХНОВЛЯЮТ

люди огромного энтузиазма и воли, люди, преодолевающие препятствия, проявляющие силу, ловкость и изобретательность

САМ ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ТАКИМ!

ТЫ ЧИТАЕШЬ

М А Т

что .... это .... такое?

ЭТО коллективный автор самого жизнеподобного революционного романа

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

РОМАН 18, 19, 20 ГОДОВ ВОЙНЫ
СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК — ЯПОНИЯ — КОРЕЯ
РОССИЯ КИТАЙ

ТЫ ПО БУ ДЕШЬ С ГЕ РО ЯМИ РО МАНА: В САМОЙ ГУЩЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ИНТРИГ, УЗНАЕШЬ ОБ УЖАСАХ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ЗАСТЕНКОВ, ДЕЛА САМООТВЕРЖЕННЫЕ НАШИХ ГЕРОЕВ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ—ВЫШЕ ФАНТАСТИКИ

страницу за страницей ТЫ научишься ценить

НАШУ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ТЫ научишься НЕ СКУЧАТЬ В НАШ ВЕЛИКИЙ

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

НАШ РОМАН

твоя настольная книга

ОН· яркое воспоминание нашей вчерашней борьбы — он

ДИНАМИТНЫЙ ЗАРЯД

к дремлющим в тебе силам, к смутным твоим влечениям, к

ГРЯДУЩЕМУ

ЗАВТРА

ЕМУ МЫ ПОСВЯЩАЕМ ЭТУ КНИГУ

АВТОРЫ: НИКЭД МАТ

1924 год

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

1918 ГОД

ГЛАВА 1-ая

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСПРЕСС

1. Загадочный чемодан

Петроград-Владивосток
ОСТОРОЖНО.
23+18
верх ↕ низ

— Не переворачивайте!
— Держите!
— Держите!

Поздно. Большой, продолговатый чемодан грузно падает на перрон.

Два японца кидаются к чемодану. Один — высокий, хочет что-то сказать, но останавливается. Другой, маленький, в военной форме, кричит:

— Тащите в вагон! Только скорее. Ас-с...

...Данн, данн...

— Второй звонок экспрессу Петроград-Владивосток!

Экспресс переполнен, точно эвакуируется вся знать Петрограда. На перроне — аксельбанты, звон шпор, французская и английская речь, изящные туалеты дам...

В переполненных купе вагонов — воздух прян от духов, слышны прощальные поцелуи, обещания, надежды. Радость и зависть. Но у всех на лицах одно: тревога...

Данн, данн, данн... третий звонок.

Последние прощания, воздушные поцелуи...

— Баронесса Глинская, не забудьте!

— Будьте спокойны, граф! Молодость не забывает... — огромные серые глаза баронессы загораются злым огоньком.

— Благодарю вас. До свиданья...

— Прощайте, милэди!
— Нет, до свиданья!!..
...Поезд тронулся. Из окна пульмановского вагона высовывается широкоскулое лицо японца и кивает кому-то на перроне.
— Так. Помните 23+18!
Человек в хаки:
— Ол райт, генерал! 82! Как чемодан?
— Коросо! — золотые очки японца поблескивают. Желтая маска лица на миг оживает. — Так, 33!
— Есть, генерал!

2. Налет на поезд

Поезд мчится. Нет, летит. Лишь стук колес:
...Тук-тук, тук-тук.
Брызги искр вдоль окон. В вагонах тишина — все спят. Темно. Так безопаснее.
...Ш-ш-ш-трах-ахх-шш-ссс...
Поезд стоп. От внезапного толчка заснувшие пассажиры вскакивают.
— Что случилось?
Пока возникает несложный вопрос, в купе № 17 три яркие точки гипнотизируют глаза.
В свете электрических фонарей три блестящих револьвера, три черные маски.
— Руки вверх!!
— Ни звука.
— Ваш портфель, господин полковник!
Сизый нос полковника заметно бледнеет. Он хочет что-то сделать, но в тот же миг холодное дуло револьвера приклеивается к виску полковника.
— Где?
— Здесь, — еле слышно выдавливает полковник.
Черная рука поднимает подушку и берет портфель.
— Готово!

Две тени за дверь. У третьей на момент соскальзывает маска. В свете фонаря черные глаза, орлиный нос...

— Ах, — в углу купэ раздается истеричный возглас женщины, — это... это...

Чик — гаснет электрический фонарь. Хлоп — дверь, и опять все темно.

Первым приходит в себя полковник. Он переходит к даме и начинает ее успокаивать.

— Успокойтесь, сударыня. Бандиты уже ушли.

— Это... это, я знаю... я узнала, — бессвязно шепчет дама.

— Что вы знаете, мадам, говорите...

Но дама теряет сознание.

— Она бредит, — иронически бросает третий пассажир. — Откройте окно. Здесь душно.

Полковник предостерегающе поднимает руку.

— Что вы хотите делать? Кругом вагонов вооруженные люди. Нас пристрелят.

— Я не боюсь, — с усмешкой отвечает третий пассажир.

Полковник вопросительно смотрит на него, но в темноте не различает выражения лица третьего пассажира.

За окном раздается несколько выстрелов. Поезд, содрогаясь, трогается и затем, быстро прибавляя ход, точно сорвавшийся с цепи зверь, мчится от своих травителей.

На остановке в Вологде в вагонах зажигают свет, — полковник пишет телеграмму о краже портфеля.

— Я сейчас вернусь, — говорит он даме, — я только отнесу телеграмму.

Дама в испуге умоляюще берет полковника за руку.

— Не уходите! Я боюсь...

Третий пассажир, все время как бы дремавший, вдруг просыпается, встает и одевает шляпу.

— Я иду на станцию. Могу отправить вашу телеграмму.

— Пожалуйста, будьте добры.

Полковник вручает ему телеграмму.

-----

3. Угроза чемодану

Поезд опять мчится. Голые каменистые поля сменяются мелким кустарником. Утро уже рассвело. Кроваво-алое солнце рвет клочья тумана.

...Ту-ту... ту... ту-у-у-у...

Машинист одной рукой беспрестанно нажимает клапан свистка, другой все прибавляет ход.

Его помощник лопатой загребает уголь, швыряя его в ненасытную пасть паровоза. Мускулистое тело, освещенное пылающей топкой, сгибается и выпрямляется.

— Ну, знаешь, Спиридоныч, — бросает ему машинист, — такого хода эти рельсы еще не видали. Как бы нам не слететь под откос.

— С нас потеря не велика, — злобно смеется кочегар. — Ну, а тех, — жест в сторону вагонов, — тем прямая дорога под откос...

— А здорово бандиты их обчистили, — опять заговорил машинист.

— Ерунда! Там еще много добра осталось. А чье добро, спрашивается, наша кровь...

Кочегар сердито сплюнул и полез на тендер разгребать уголь.

— Эй, кто там? — кричит он, увидя лежащего на угле человека.

Человек скатывается с угля.

— Не сердись, братишка. Я безработный, тоже кочегар. Куда ж мне, к буржуям лезть?

Машинист равнодушно бросает кочегару:

— Ладно, пусть едет.

Новый кочегар оказывается парнем разговорчивым.

— Далече едешь? — спрашивает Спиридоныч нового кочегара.

— Я с самого Петрограда.

— И все на тендере сидел? То-то тебя бандиты не заметили.

— Ну, что им от меня. Для них и в вагонах добра доста-

точно.

— И достаточно, и еще осталось, — отвечает машинист, — давеча на станции я видел большой чемодан за печатями...

— Да, да, — подхватывает кочегар, — я тоже видел — макаки[1] что-то очень волновались, когда его тащили: небось, что-нибудь важное...

Новый кочегар прислушивается.

— Чемодан, говорите, за печатями? А что бы это могло быть?.. Ведь сейчас, всякая сволочь нашей власти дело портит, не мешало бы поглядеть.

— Это верно, — соглашается Спиридоныч. — А то, может, и в самом деле что...

Потом, улучив минутку, шепнул новому кочегару:

— Знаешь что... я вот освобожусь на этой станции и могу поехать дальше, как пассажир, а ночью...

Новый кочегар сжимает руку Спиридоныча.

— Молчи...

4. Третий пассажир действует

Третий пассажир из купе № 17 подошел к окошечку телеграфа и подал телеграмму:

Петроград Оперштаб. Был налет на поезд. Портфеля не нашли. Документы спасены. Следую дальше.

Генштаба Скворцов.

— Так будет хорошо, — усмехается про себя третий пассажир. — Дайте, пожалуйста, квитанцию. Благодарю вас.

[1] Японцы (*Здесь и далее прим. авторов*).

Он, насвистывая, возвращается и проходит в салон-вагон.

Там он просит три стакана кофе и, когда ему подают — быстрым движением руки, что-то в два из них опускает, затем поднимается из-за стола и с одним отходит к окну вагона.

— Отнесите эти в купе № 17...

Пока официант разговаривает с другим пассажиром — к столу подходит офицер и, спрашивая у ресторатора: — можно? — берет один из этих стаканов.

Официант заметив, что один из стаканов взят, наливает новый, ставит оба на поднос и уходит с ними в купе № 17.

К офицеру подходит молодая дама.

— Лизи, — он берет руку дамы и целует, — доброе утро.

— Еще стакан, — кивает он ресторатору, и они садятся. Начинается разговор о прошлой ночи.

5. Отравление

В салон-вагоне общее оживление: обсуждают налет.

У дам похищены бриллианты и драгоценности. У мужчин деньги и документы. Многие, еле оправившись от испуга, строят самые нелепые предположения.

— Ах, знаете, графиня, я так испугалась. Мне казалось, что это большевики пришли, чтобы убить меня.

— Что им ваша жизнь? Им нужны были наши бриллианты !

— Господа, не странно ли, что купе генерала Сизо осталось не тронутым. Неужели бандиты забыли про него ?

— Да, это странно...

Вдруг в салон вбегает женщина. Она бледна, как полотно и истерично кричит:

— Господа, это ужасно! Сейчас мы пили кофе с полковником, и он упал без чувств.

Все:

— Что с ним?

— Мадам Гдовская? Вы? что случилось?

— Он отравился... О, боже, что здесь творится в этом ужасном поезде!

— Это дело рук большевиков! Они мстят нам...

— Но полковник, кажется, у них служит, — стонет Гдовская. — Я видела, как он при мне писал телеграмму в Петроград.

— Странно. Как же это могло случиться ?

— Да, вот этот господин... послушайте, вы знаете его, — и она ждет ответа, вопросительно глядя на их спутника по купе.

Третий пассажир что-то заметил... Бледнеет, делает резкое движение в сторону офицера и молодой дамы, — офицер допивает кофе, — но останавливается, как бы раздумав — стискивает зубы...

Вдруг раздается крик — офицер в судорогах падает.

— Я тоже отравлен!.. и умирает.

Молодая дама с воплем падает к его ногам.

Общая растерянность и ужас.

Быстро проходит через застывшую толпу людей баронесса Глинская, наклоняется к молодой даме.

— Вы, — кричит она официантам, — помогите. И подняв ее, уводит.

. . . .

Экспресс подлетает к Иркутску.

На перрон выходит молодая дама и баронесса Глинская.

— Спасибо тебе, Эли, — ты одна меня не оставляешь... Я так изнемогла, что дальше ехать не в состоянии. Что я бы делала здесь одна?

— Ну, вот еще — не говори... И баронесса покровительственно берет ее под руку. Они проходят в вестибюль иркутского вокзала.

Третий звонок и экспресс несется дальше, в глубь Забайкалья, — через зеркальный Байкал — в туннели, а там Китай...

6. На крыше экспресса

Ночь.

Две тени ползут по крыше вагона. Это кочегар Спиридоныч со своим новым знакомым, назвавшим себя Ефимом.

— Надо действовать быстро — скоро рассвет... — А там станция Манчжурия и Китай. Тогда все пропало — будет поздно. Они ползут дальше.

— Кажется этот, — говорит Ефим, спустившись на брюхе к самому краю вагона. — Зацепись за вентилятор и держи меня за ноги. Я спущусь к окну.

Спиридоныч ногами зацепился за вентилятор. Руками же, держа Ефима за ноги, стал медленно опускать его вдоль стены вагона.

— Ну, как? — спросил Спиридоныч.

— Плохо видно, — шопотом отозвался Ефим, — штора опущена. Ба, что это такое. Ну-ка, Спиридоныч, спусти пониже.

Спиридоныч напрягся изо всех сил, спустив Ефима за самый край вагона.

— Так, так! Вот те японская каналья. Ишь ты, здорово...

— Что, — окликнул его Спиридоныч: — ну, что там видишь?

— Погоди, сейчас...

Ефим поднялся на край вагона и наклонился к самому уху Спиридоныча.

— Понимаешь, какая история. Чемодан открыт и...

— Ну, ну!

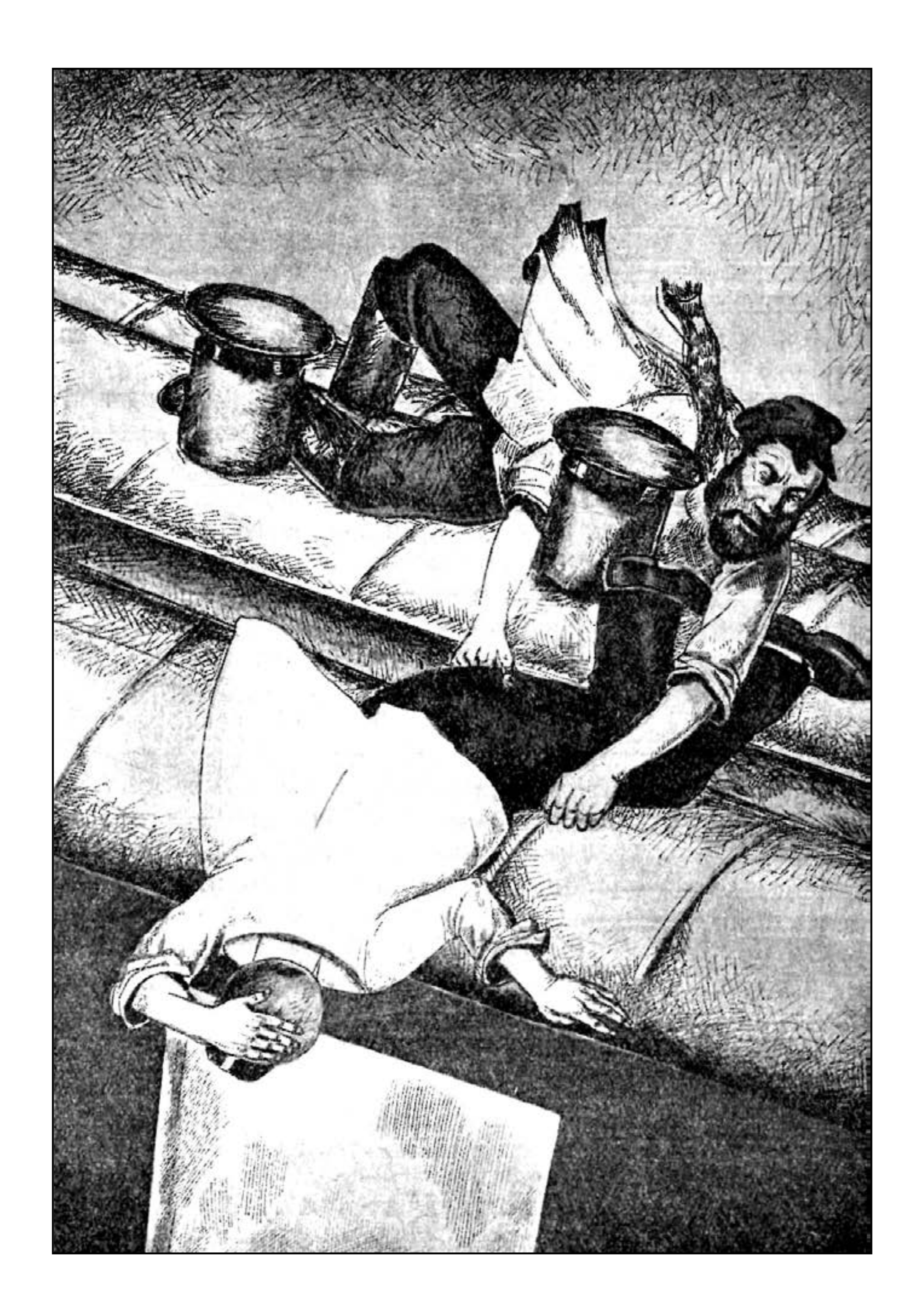
— Пуст.

— Как так?

— Да так. Пуст, как обыкновенный пустой чемодан. Зато в вагоне, вместе с косоглазым японцем орудует какой-то полковник. Что-то быстро пишут.

— Вот так-так. Что же теперь делать?

— Я этих людей знаю. Это важные шпионы. Нам бы только добраться до конца, а там...

— Идет, заметано! А сейчас давай поскорее убираться с этой крыши.

Вон уже видны огни семафора. Экспресс подходит к Китаю. — И Спиридоныч ловко соскочил на площадку вагона.

Ефим хотел последовать за ним, выпрямился во весь рост, собираясь прыгнуть на крышу соседнего вагона, но в этот момент что-то его дернуло вверх. Только на миг Спиридоныч увидел мелькнувшие в воздухе ноги Ефима и услышал его сдавленный крик.

Поезд с грохотом пролетел виадук и остановился у станции Манчжурия.

7. Желтый дьявол

Харбин. У вокзала сверкающий огнями южно-манчжурский экспресс. В середине состава — огромный салон-вагон.

Тишина... Все ждут.

В глубине салон-вагона сидит невзрачный японец в потертом генеральском мундире. На лацкане мундира небольшая бриллиантовая звезда в императорской короне. Это знак, означающий, что генерал член Генро — Верховного тайного совета Японии.

Между ног у генерала огромная плевательница. От времени до времени тишину нарушают звучные:

Хар-тьфу. — Это генерал плюется.

Но присутствующим нужны не плевки генерала. Они ждут его решительных слов.

Князь Кудашев, бывший царский посланник в Пекине, только что закончил свой доклад.

— Момент требует решительной борьбы с большевиками, — сказал князь. — Организация этой борьбы на Дальнем Востоке зависит от Вас, генерал.

— Все? — еще раз отхаркнувшись, спрашивает генерал.

— Все, ваше высокопревосходительство.

— Что вы можете для этого предложить?

— Вы спрашиваете о денежных ресурсах?

— Да!

— Боксерский долг России, концессии в Китае и из личных средств посольства один миллион рублей.

— Всего?

— Около трех миллионов.

Хар-тьфу!

— Так, — О-ой поворачивается к генералу Хорвату и тычет в него пальцем:

— Ты !

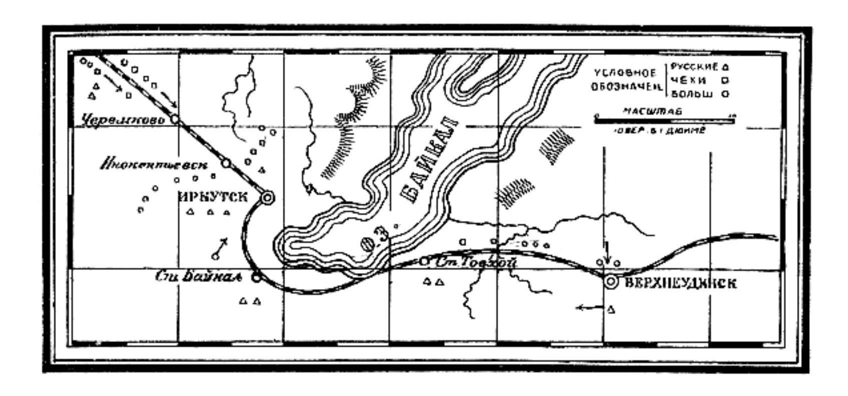
Генерал Хорват вздрагивает, затем поглаживая свою бороду, произносит угодливо:

— К.-В. ж. д.[1] со всеми ресурсами и средствами передвижения в вашем распоряжении.

Опять плевок. О-ой поворачивается к полковнику Солодовникову.

— Ты! Твой план, люди?

Полковник Солодовников спокойно разворачивает карту.

— Вот здесь общий стратегический план. Здесь дислокация войск неприятеля, а вот наш оперативный план: сила и техника.

— А люди?

— У князя Кудашева есть Семенов, Унгерн...

[1] Китайско-Восточная жел. дор.

— Ну, эта рвань всегда найдется, — О-ой по-японски генералу Сизо...

В ответ на его слова японец хитро улыбается.

— Где ты будешь? — спрашивает О-ой Солодовникова.

— Я? Я с мандатом Москвы прикомандировываюсь к оперативному штабу Центро-Сибири.

— Шпион, а дальше!

— Дальше, организация чехо-словацкого восстания в иркутском секторе.

— Что это, приказ Нуланса?

— Да, вернее, нет. Это об'единение плана. Ведь цели у нас одни.

— Ты забываешься! У французских ростовщиков и императорской Японии цели не одни. Ты должен только наблюдать — связь с Сизо, но никакого руководства в об'единении.

— Но, генерал...

— Молчать! — у меня свой план.

— ...Этот дурак наивен, — он не знает, что французские со-баки думают у нас вырвать Северный Китай — а мы хотим весь Дальний Восток, до Байкала. — Опять бросает генерал по-японски Сизо.

— О! Великая императорская Япония, она будет еще величественнее!

— О!..

Генерал выхаркнул целый поток плевков.

Сизо и его ад'ютант вскакивают и прикладывают руку к козырьку.

— О-о!

Полковник Солодовников, задрожав от злости, сжимает кулаки, потом отвернувшись обтирает платком лицо, забрызганное слюной японца.

Пауза. Потом:

— Так... Все. Об остальном сговориться с генералом Сизо. — Вам, князь, — так же... только не распускайте своих людей.

Подумав. Жест руки:

— Можете итти. До свидания, князь.

— Надеюсь, «до свидания»... Россия вас не забудет.

— Да! — И заключительный аккорд плевков сыплется из гнилого рта генерала О-ой — члена Верховного тайного совета Японии — Генро.

Глава 2-я

ГРОМ...

1. Оборванный провод

Большой, просто уставленный кабинет председателя Центро-Сибири. Товарищ Яковлев работает.

Москва требует чехов разоружать, и возможно скорее продвигать на Восток. На Востоке у ворот в Тихий Океан — тоже неладно что-то: какой-то подозрительный флирт союзников с чехами, — союзники медлят с их отправкой на родину.

Входит Гейцман — комиссар иностранных дел Центро-Сибири. У него черное озабоченное лицо, он угловат, покашливает и картавит.

— Знаете, мне сообщили, что «Микасо» сегодня в ночь вошел без разрешения в бухту Золотой Рог, встал на якорь против Совета. С орудий были сняты чехлы.

— Да-а... еще одно лишнее подтверждение моих догадок.

— Каких?

— Сам не знаю точно — многих... Да вы их знаете... Но, давайте-ка, поговорим с Владивостоком.

Товарищ! — И Яковлев вызвал из соседней комнаты телеграфиста.

Та-та-та, тарр-так-так. Р. — — . . — . . . — . . . — . . . — . . — . . — . . . — . . . — . . . — . . . — . . —

— Владивосток... товарищ Яковлев, отвечает Владивосток.

— Кто говорит?

— С-у-х-а-н-о-в...

— Костя? Хорошо!.. Спросите его, товарищ: правда-ли, пришел к ним в гости броненосец «Микасо», и что он с собою привез.

— Может быть... и Гейцман, не договорив, махнул рукой.

— Что? Ах, уж вы пессимист...

Та-та-та... роковая лента идет, телеграфист читает:

— Да, «Микасо» пришел. Настроение у японцев внешне — обычное, но броненосец вошел довольно не корректно.

— Как с чехами?

— Самое лучшее...

— Союзники?

— Обычно сдержанны, горды и...

— И что — и.

— Тр-тр-та-та... и...

— Не отвечают... как будто оборвалась линия... нет тока... трансляция может быть еще работает.

— Попробуйте, возьмите ближе.

— Пробую, не берет.

— Скорее на вокзал — попытаемся по железнодорожному проводу.

— Машину... быстро... едем.

2. На раз'езде

... — Ах, ты красная собака! — Удар саблей ссекает часть груди с рукой, и труп красноармейца валится. Эскадрон врывается на станцию.

— К стенке их, на столбы!

Несколько ударов сабель, несколько выстрелов, хряст позвонков, вопль, тихий стон — и все кончено.

Раз‘езд 86-й в одиннадцати верстах от китайской границы и станции Манчжурии в руках белогвардейского раз'езда.

Офицер дает еще какие-то распоряжения, сам идет смотреть, как подпиливают телеграфный столб, а после того как он спилен и валится, повисая на проводах — подбегает и ру-

бит.

Сообщение между востоком и западом прервано!

Навсегда! Надолго, или

Кто знает?..

Вот уже показался дымок из-за косы Чин-Гис-Хана, — это первый неприятельский броневик вышел на разведку.

— По коням!.. И банда срывается, чтобы нестись дальше, все ближе к сердцу Сибири — Иркутску. И кавалерийский раз'езд уходит в сторону Мациевской.

А вот показались и первые цепи семеновских отрядов, из-за увалов, — прикрывая броневик, они двигаются вместе с ним.

Что-то будет...

Вечером, когда броневик и цепи ушли в глубь Сибири, одиноко, на последнем от раз'езда подпиленном столбе висел человек... Этот человек был железнодорожник, — ремонтный рабочий.

Солнце уходило в монгольские степи, зажигая и расцвечивая их.

Черная фигура, повисшая на проводах, довлела над ней огромным кошмарным пятном, длинной тенью уходя на Восток.

Так вспыхнул в зареве вечера весь Дальний Восток— от легендарного разбойничьего Байкала до берегов Великого океана; там — от тихой незлобивой Кореи, до самых дальних каторжных островов и полуостровов холодного севера. — Вплоть до Берингова пролива: Сахалина — Аяна — Камчатки...

3. Лазо

— Ну? — смотрит на Лазо Яковлев, указывая на горный рубеж на карте, — что ты думаешь?

— Немедленно выехать на фронт, — отвечает Лазо, — а Половников пусть срочно организует здесь резервы и в первую голову — Черемхово.

— Кого берешь? И не поехать ли мне самому с тобой...

— Нет, тыл сейчас не менее важен, чем фронт.

— Чорт разберет, действительно, где теперь тыл, а где фронт.

— Везде, это — гражданская война... После этих штучек Глинской нужно ждать, что когда об этом узнают местные белогвардейцы — сорганизуют еще новые выступления.

Оба задумались.

— Наши бегут, — первым заговорил Яковлев.

— Это обычно вначале, — я беру с собой Карандашвили, он будет хорошим заслоном на первое время.

— А пехоту?

— Пока только железнодорожный батальон. А ты здесь поторопи Москву с броневиками, да с пулеметами...

— Сегодня ночью буду говорить с ней... Да, знаешь, Половников усиленно настаивает послать на фронт этого военспеца, командированного к нам оперативным штабом Петрограда.

— Не нравится мне он.

— Который ?

— Да оба!.. Ну, да пока вообще нельзя — задержи... Входит ад'ютант Лазо Ильицкий.

— Я готов! Суханов... И кобур его револьвера отстегнут.

— Карандашвильцы готовы ?

— Да, и железнодорожный батальон грузится.

— Понтон разыскал?

— Волынят водники.

— Взять пулеметами!..

— Уже — есть... Карандашвильцы действуют...

— С медикаментами как у тебя, Сергей? — спрашивает Яковлев.

— Об’явил мобилизацию и конфискацию...

— Не слишком ли ты поторопился?

— Кажется, и так довольно долго церемонились... пусть боятся, как бы мы их шкур не конфисковали...

— Дождутся! — Ильицкий смеется, и глаза его сверкают: — началось, — думает он, — хорошо...

— Ты знаешь, — говорит Лазо, — у меня почти уверенность, что Семенов пройдет до Оловянной без останови.

— Нужно взорвать мост.

— Уже посланы, а через час выезжает на паровозе Ильицкий — будет руководить.

— Прекрасно.

Ноздри Ильицкого раздуваются парусами от удовольствия.

— Мне можно итти? — спрашивает он.

— Да, — захвати только двухверстки, да бикфордова шнура побольше.

— Есть!

— Поменьше разговаривай там — я тебя под утро догоню.

— Есть! До свиданья, товарищ Яковлев.

Яковлев жмет ему руку. Ильицкий по-военному делает поворот через левое плечо и легким шагом выходит из кабинета.

— Ну, мне тоже пора, — и Лазо крепко жмет Яковлеву руку. На миг у обоих в глазах загорается что-то теплое, близкое, товарищеское.

Лазо выпрямляется — высокий, стройный — он смотрит на Яковлева уверенно, улыбается по-детски, всем своим круглым, краснощеким лицом.

Яковлев отечески ласков. Он думает: настоящий офицер Коммуны.

Лазо, уходя, бросает:

— Говорить с фронта буду только с тобой и нашим шифром.

— Идет...

Дверь затворилась...

Яковлев знает — на Сергея можно положиться, хотя и молод, очень молод... Но что-то Половников с военспецами очень ему не нравится. Да и тот его не жалует — не соглашался послать Лазо командующим фронтом.

— Что-то тут есть: но что, разобрать трудно. Лазо прав — всюду фронт.

-----

4. Нагайка Карандашвили

Ночь.

Оперативное совещание закончено.

Пол халупы покрыт спящими.

Сквозь здоровый храп командиров и штабников гудит монотонно тягучее ду-ду-ду. Это работает находящийся в углу халупы фонический телефон.

— Кто идет? — Из дверей раздается отрывистый возглас часового.

Ответа не слышно. С шумом раскрывается дверь, и в халупу вваливается окровавленный человек.

— Фронт прорван!

Все вскакивают.

— Где?

— Что? Что случилось?

— Спокойно! говори по порядку — и Лазо берет прибывшего под руку.

— Батальон спал, — рассказывает красноармеец. — Наскочили казаки. Изрубили. Артиллерия сдалась. Я еле добрался до вас. Скорей на помощь.

Металлический голос Лазо:

— Командиры к своим частям! Ординарец — лошадей! Марш!

. . . .

Серый утренний туман. Силуэты монгольских увалов. Фронт уже восстановлен. Чернеются стрелковые цепи.

Туман рассеивается. На горизонте дымки неприятельских броневиков.

— Бух-у-ух...

Это наша артиллерия встречает броневики. В ответ на их приветствие броневики начинают нащупывать нашу цепь.

Частый шрапнельный огонь заставляет нашу артиллерию переменить место. Один из неприятельских броневиков

заходит под правый фланг нашей стрелковой цепи, открывая пулеметный огонь. Цепь поднимается. Еще момент, и она обратится в бегство.

В кепи, военный какой-то, с ординарцем бросается к цепи.

— Стой! — выхватывает он из кобура браунинг. В это время падает неприятельский снаряд и вырывает из-под него лошадь.

Цепь дрогнула...

— Назад! Трусы! — неистовым голосом кричит Карандашвили и, отделившись от эскадрона, стрелой летит к цепи, нагайкой загоняя стрелков в лежаки.

Без лошади — бегом, в это время, к мадьярскому отряду, тот же в кепи, — уставил пулемет и косит надвигающуюся кавалерийскую лаву. Но через скошенные цепи мчатся другие. Не задержать лаву нашим пулеметчикам.

— С левого фланга показался неприятель, — передается по цепи.

— Не устоять нашим стрелкам, — думает.

...Бу-бух-бух.

Сзади в табуне лошадей разрывается неприятельский снаряд. Перепуганные лошади обалдело бросаются в гущу неприятеля.

От неожиданности неприятельские части обращаются в бегство.

Мадьярские пулеметы скашивают кавалерию. Карандашвили бросается за пехотой. Берут пленных...

Броневики отходят.

Спасены!

. . . .

Уже ночь.

Неприятель далеко.

Говор... Шум.

Откуда он?.. Кто?..

К нему:

— Ты что ругался!.. Дрался!.. — со штыками к нему...

А он уже на лошади — кепи надвинул — смотрит, смеется... — Ночь, не видать...

Озлобились:

— Что молчишь? — ближе к нему.

Мадьяры заскрипели зубами:

— Слышь... там... когда стрельба — молчаль... трусиль... бежаль...

Еще озлобленнее:

— Ну?..

— Ну!.. — теперь неприятель далеко... будем говорить...

Шум... — все насторожились...

С увала — две белые полосы в ночь по лощине, кругом, и прямо в отряд...

— Автомобиль!

Остановился.

— Кто начальник отряда ?

Молчание.

... — Я — выходит! — лошадью к автомобилю.

— Вы, товарищ ?

... — Я... отступал с ними... здесь задержались. Меня не знают... Я их не знаю, — глупо так все вышло — приказа не было...

— Чушь!.. — важно — удержали, а остальное... отдайте лошадь вашему заместителю, — есть он у вас?

— Да, назначил, вот...

— Садитесь, едем в штаб... Там оформим...

— Есть, товарищ Лазо!..

5. Штаб фронта

— Ну! Говори! Зачем стрелял?

— Моя деньги получай — моя стреляй.

В штабе хохот.

За столом Лазо, черный, как цыган, в рваной шинели. Несмотря на его сдержанность и спокойствие, ответы китай-

ца вызывают на его лице улыбку. Он берет планшетную сумку и начинает что-то записывать.

— Вас, китайцев, много у Семенова ?

— Моя не знай. Моя мала-мала služи...

Кто-то из штаба бросает:

— А твоя бабушка есть?

Раскосое лицо китайца начинает собираться в морщины, — это он улыбается. Страх из его глаз проходит, и он начинает отвечать более разумно.

Оказывается, все пограничные китайские войска в распоряжении семеновских банд. Китайцы — пушечное мясо белых. Управляют ими офицеры и юнкера. Ходя[1] болтает о том, что он из Чифу, что он когда-то торговал и что он тоже был хунхуз. О Джан-Цзо-Лине он говорит:

— Шибыко большой капитана!! Хо! — и большой палец правой руки китайца энергично выставляется вверх.

Штабные смеются. Ильицкий подходит и треплет китайца за косу:

— «Шибыка большой капитана!» — подражая китайцу Ильицкий показывает на Лазо. — Больше твоего Джан- Цзо-Лина.

— Японцы есть в отрядах? — резко прерывает Лазо шутки штабных.

— Есть мала-мала...

— Твоя, что делал?

— Моя пулеметчика!

— Хочешь у нас служить?

Китаец ободряется и произносит совершенно спокойно:

— Моя игаян![2]

— Ну, довольно, отведите его — и два ординарца уводят китайца из халупы.

Лазо уже у трубки телефона.

— Кто говорит?.. Мятелица?.. Я слушаю... Ну... 93-й раз'езд взят... Хорошо! Кавалерийским налетом?.. Так!.. Ай, да Аргунский полк, молодцы! Раз'езды идут дальше. Неприя-

[1] Эй, ты! — употребляется на Д/В, как оклик китайцев.

[2] Все равно.

тель отступает в направлении Борзи. Где броневики?.. Ах, чорт! — Неизвестно... Товарищ Мятелица, сегодня же в ночь два эскадрона пошлите по правому флангу в обход за Борзю в стратегическую разведку. Сами приезжайте в штаб на оперативное совещание.

Во время разговора в халупу, сильно сгибаясь, стуча шашкой, входит красивый мадьяр Либкнехт. Он говорит, захлестывая слова:

— Товарищ Лазо, Иркутский интернациональный полк прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, товарищ. Вы командир полка ?

— Да!

— Фронт неприятеля сломлен. Сегодня в час ночи оперативное совещание о наступлении. Приходите.

— Есть!

6. История кочегара

Борзя взята.

Штаб расположен на станции.

Привели шпионов. Красноармейцы их обступили и злобно рассматривают.

В штабе бешеная работа. Подготовляются последние операции под Манчжурию.

— Товарищ Лазо! Китайцы хотят с вами говорить.

— Слушаю, — и Лазо подходит к аппарату.

— Да, здесь командующий войсками Забайкальского фронта Лазо. Что надо?

Телеграфист по ленте читает:

— Прекратите стрельбу по китайской территории... У нас паника среди гарнизона и населения... Выезжайте для переговоров о совместной ликвидации белых.

Ад‘ютант Лазо, Ильицкий, не выдерживает :

— А-а-а, сволочи!

. . . .

— Введите шпионов, — приказывает Лазо.

В комнату вводят нескольких человек. Среди них один, увидев Лазо бросается к нему.

— Сергей!

— Ефим, ты! Откуда?

— Я из Петрограда. С документами оперативного штаба к тебе. Ехал на экспрессе нелегально. Белогвардейцы напали на поезд и взяли у нашего полковника портфель с документами. Полковника отравили...

— Как отравили? Но ведь к нам в Иркутск приехал один полковник из Петрограда и тоже с документами.

— А как зовут полковника?

— Его фамилия Солодовников.

— Солодовников! Тут что-то... Скажи, чтоб увели шпионов и чтоб удалились посторонние.

Когда все вышли, Лазо подвинул скамью Ефиму. Ефим в кратких словах рассказал Лазо о том, что он увидел в купе генерала Сизо. Рассказал, как потом, сорвавшись на виадуке, он еле живой пополз к станции. По дороге его подобрал кочегар Спиридоныч.

— Дальше — я очнулся уже в больнице, в Манчжурии, а по выходе из больницы меня мобилизовали семеновцы. Настоящие документы полковника все время находились при мне.

— Поезжай немедленно к Яковлеву и передай ему документы, — говорит Лазо.

— Хорошо, — Ефим собирается уходить.

— Постой, тут какая-то новость, — говорит Лазо, принимая от ординарца телеграмму.

Штаб фронта, Лазо.

Чехи восстали.

Яковлев.

Глава 3-я

АВАНТЮРИСТКА

1. Арест авантюристки

Предместье Иркутска Глазково. В меблированных комнатах «Звездочка» баронесса Глинская делает свой утренний туалет.

В соседней комнате ее ждут несколько переодетых в штатское белогвардейских офицеров.

Разговор.

— Да, чорт возьми! Если-б не эти проклятые Черемховцы, Иркутск был бы нашим.

— Да, еслиб вы раньше овладели портфелем, может быть восстание было бы выиграно.

— Ничего. Еще не поздно. Портфель в верных руках полковника С.

— Он уже назначен комиссаром Центро-Сибири.

— Ну, а тот настоящий?

— Мертв! Можете быть покойны.

— Расскажите, как обстоит дело с организацией восстания в Иркутске.

— Здесь вдохновительница восстания — наш штаб — баронесса Глинская. Она всего неделю как из Петрограда. А вот и сама...

В комнату, шурша шелками, входит изящная, надушенная баронесса.

— Здравствуйте, господа!

Присутствующие в комнате вскакивают со своих мест и, торопясь, один за другим прикладываются к выхоленной руке баронессы.

— Господа, — говорит баронесса, опустившись в кресло. — Мы можем открыть наше совещание. Полковник Эллерц Усов — ваше сообщение.

— Оно очень краткое, — отвечает полковник, — чехи на днях восстанут. Тайным советом Японии гарантирована поддержка... Я хотел бы...

Полковник делает паузу и прислушивается.

— Какой-то шум на лестнице, — шопотом замечает один из офицеров.

Моментально все настораживаются. Баронесса Глинская бледнеет и выхватывает из-за корсажа браунинг.

— Господа, мы окружены!

Все хватаются за револьверы. Слышны гулкие удары в дверь. Офицеры громоздят к ней шкафы, столы и стулья.

— Сдавайтесь! — кто-то кричит сквозь импровизированную баррикаду.

Офицеры отвечают залпом.

Вдруг что-то блестящее мелькает над загромождениями и . . . .
. . . .

В соседней комнате баронесса Глинская лихорадочно связывает концы сорванных портьер, выбрасывает один конец их через открытое окно, другой конец привязывает к оконной раме. Еще момент — и баронесса вскакивает на подоконник, цепко ухватившись за спускающуюся вдоль стены портьеру . . . .

. . . .

и гулко об пол ударяется граната. Затем оглушительный взрыв, и в воздух взлетают окровавленные куски человеческого мяса...

На баронессу валятся осколки стекла... Баронесса выпускает из рук портьеру и падает вниз...

—————

2. Оперативный штаб в тюрьме

В камере № 59 баронесса Глинская. Она уже второй день, как в тюрьме, попавшая прямо с побега в руки ЧК.

Баронесса не унывает. Она уже успела познакомиться со своими тюремщиками. Она уже связана с волей и свободно переговаривается с соседними камерами.

Удивительная красота баронессы оказывает ей не малое содействие во всех ее замыслах.

— Глинская, выходите!

— Куда?

— На допрос, — отрывисто бросает конвоир.

По узким коридорам он проводит ее в неуютную накуренную комнату следователя.

Следователь — маленький белобрысый старичок, поправляя золотое пенсне, вскидывает глаза.

— Вы Глинская?

— Я!

— Очень приятно, — нечаянно вырывается у следователя. Как ни старается он, но не может скрыть своего очарования красотой баронессы.

— Разрешите сесть, — говорит баронесса, видя его смущение.

— О, пожалуйста!

Баронесса садится сбоку следователя. Два дня тюрьмы не могли развеять волнующий запах духов баронесы, а ее пышная грудь, — как раз в том направлении, в котором сейчас смотрит следователь.

Кокетливо улыбаясь, баронесса трогает какую-то вещичку на столе, приковывая этим взгляд следователя к своим тонким выхоленным пальцам, изящно оманикюренным ногтям. Конечно, следователь не замечает, как другая рука баронессы опускает в наружный карман его пиджака какой-то конверт.

— Не пора ли приступить к допросу, — говорит баронесса, — хотя я сегодня так устала, что если-б можно было отложить допрос, я бы...

— О, не беспокойтесь! Я ведь могу навестить вас и в камере. Я сам зайду. Да-да!

И неуклюже ковыляя на старческих дряхлых ногах, следователь провожает баронессу до двери.

— Не забудьте прийти в этом пиджаке. Вы мне в нем очень нравитесь.

И очаровательно улыбаясь, баронесса удаляется.

3. Смерть или симуляция

— Скорее в камеру 59! Врача. О, это ужасно! А где начальник тюрьмы? Нужно составить акт.

Белобрысый старичок суетится не в меру. Похоже, что в тюрьме открыли склад динамита, или удрали все заключенные.

Ни то, ни другое не случилось. Просто часовой заглянул в глазок камеры 59 и увидел спящую Глинскую.

Можно спать неподвижно час-два, но нельзя спать в течение всего дня. Неподвижность Глинской показалась надзирателю подозрительной. Не разбудив баронессу окликами, он побежал к начальнику.

— Неужели она отравилась?

Следователь, врач, начальник тюрьмы и два надзирателя отправляются в камеру. Врач прикладывает трубку к груди баронессы, щупает пульс...

— Она мертва! — после быстрого осмотра лаконично заявляет врач.

— Вот так-так, — говорит начальник тюрьмы. — Это здорово! Ну, давайте составлять акт, да поскорее уберем эту дрянь...

Сердито сплевывая сквовь зубы, он вытаскивает из портфеля лист бумаги и размашисто пишет акт. Под ним подписывается начальник тюрьмы, следователь, врач и двое надзирателей.

— Труп прикажете убрать? — спрашивает надзиратель.

— Да, суньте в мешок и заройте у стены.

— Постойте, — вмешивается следователь. — Не будет ли это слишком поспешно. Баронесса — видный белогвардейский организатор, и ее внезапная смерть в тюрьме может вызвать разные толки.

— Что же вы хотите предложить? — недоумевает начальник.

— Завтра сюда приезжает комиссар Центро-Сибири. Было бы удобнее, если бы он лично убедился в смерти Глинской.

— Да, это лучше, — соглашается начальник. — Отнесите труп пока в сарай.

4. Труп в мешке

— Алло! Да, это я, Берзин — председатель Губчека. Что, умерла Глинская? Ну туда ее... Почему же в сарае? Какого комиссара? Ладно. Я сейчас приеду.

— Товарищ шофер, машину. В тюрьму.

В сопровождении начальника тюрьмы и надзирателя Берзин отправляется в сарай. Мешок с трупом баронессы небрежно брошен на дрова. Мешок такой длинный, неуклюжий, что даже совсем близко похож на тоще набитый соломенный тюфяк.

— Снимите мешок, — приказывает Берзин, подходя к трупу; надзиратели поспешно стягивают мешок.

У присутствующих вырывается невольный крик. Даже Берзин в изумлении отступает назад.

— Это... Это, по-вашему, баронесса?

Иллюзия на этот раз не обманула. В мешке оказался самый обыкновенный соломенный тюфяк.

— Товарищ Гаврилов,—обращается Берзин к начальнику. — Я обязан вас арестовать. Но не скажете ли вы, как это могло случиться?

— Товарищ Берзин, — у Гаврилова заплетается язык. — Я право... Врач констатировал... Следователь...

— Позовите сюда их обоих, — приказывает Берзин над-

зирателю.

Надзиратель бежит к телефону. Но из квартиры следователя сообщают ужасную новость: следователь убит ночью в своей комнате и только что обнаружили его труп...

— А где врач?

— Врач не возвращался домой со вчерашнего вечера, а где — неизвестно.

— Ага! Так...

Берзин что-то соображает. Потом коротко отдает приказание:

— Отведите начальника тюрьмы в Губчека. Усильте охрану тюрьмы. А сейчас — скорее мне машину...

5. Бегство

Полуночный час. Тихо в сарае. Только где-то крысы скребутся в углу. Бледный лунный луч одиноко проникает сквозь щель в крыше.

Но, чу... В самом ли деле так явственно скребутся крысы. Пожалуй эти звуки более похожи на звук распиливаемой доски...

Да, да, да... В углу сарая за дровами копошатся двое, мужчина и женщина.

— Ну, как? — спрашивает женский голос.

— Поддается... сейчас. Доски это пустяки...

— А веревки с вами?

— Есть все. Надеюсь, справитесь сама.

— О! Я не ваш следователь. Кстати, крепко ли вы его?..

— Будьте покойны! Окончательно... Главное — как там будет за стеной.

— Об этом не беспокойтесь. Письмо, которое я положила в карман следователя, было по пути уже перехвачено нашими. Воображаю, как удивился старичок нападению бандитов.

— Да, он рассказывал... Ну, довольно. Доски все. А теперь будьте осторожны. Нам лучше пробраться вдоль стены

к угловому выступу тюремной ограды.

Баронесса и врач осторожно вылезают из сарая и ползут к стене.

Двадцать шагов часового в ту сторону — десять шагов беглецов вдоль стены. Так — шаг за шагом. А вот и угол.

Выждав момент, врач перекидывает через ограду веревочную лестницу. Еще момент и баронесса уже наверху. За ней — врач.

Но не все совершается с заранее определенной регулярностью. Везде бывают исключения.

Неожиданно часовой оборачивается на пятнадцатом шагу и, моментально осмыслив происходящее, вскидывает к плечу ружье.

— Стой!.. Стой!.. — Пах!.. Выстрел. Резкий свисток часового.

— На помощь!

По эту сторону ограды валится тело врача, по ту баронессы.

В тот же момент к падающей баронессе подбегают несколько вооруженных людей.

Глава 4-я

ДРАМА В ПЕКИНЕ

1. Деньги союзников

Солнце в зените. Выжженная асфальтовая площадь. Никакой тени. Огромные пагоды буддийского храма нависли шапкой над парком Шид-зу. Напротив него ограда русского посольства в Пекине.

В изящном, бесшумном лимузине, к самому под'езду посольства подкатывает генерал Сизо. Через минуту из друго-

го под'ехавшего автомобиля выходят генерал Семенов, барон Унгерн и полковник С.

Спустя некоторое время под'езжают еще два автомобиля. В стосильном Форде — посланник французский. На длинном Паккарде — английский.

Два образцово вышколенных мулата в золотом вышитых ливреях встречают прибывших.

. . . .

— Господа, — говорит Кудашев. — Чехи восстали. Им там помогает Нюланс. Ну, а здесь как?

— О, здесь тоже, — заявляет французский посланник. — Мы уже получили директивы правительства. Королевство Англии также согласно субсидировать чехов.

— Гм... Зачем же только чехов? — недоумевает Семенов. — А здесь... нам... работающим...

— Господа, — перебивает его английский посланник. — Мы же не можем вмешиваться в русские внутренние дела...

— Ну, что ж, — говорит Кудашев, — мы будем работать самостоятельно и используем все возможности.

Барон Унгерн и генерал Семенов, переглянувшись, улыбаются. У Кудашева в лице тоже появляется что-то веселое, но глаза его хитро щурятся.

Похоже, что улыбнулся и генерал Сизо. Но может быть это просто показалось.

— Значит, деньги для чехов будут в ближайшие дни? — обращается Кудашев к французскому посланнику. — Разрешите мне их отправить?

— Я думаю, что мы их отправим совместно, — любезно отвечает француз.

Кудашев морщится, но тотчас же отвечает:

— О, пожалуйста!

―――――

2. Удар кастетом

Вечер того же дня.

Белогвардейцы все в сборе.

Неудачи последних дней сильно нервируют. Лазо загнал отряды белогвардейцев в Китай... Средств нет...

Ждут прихода Кудашева.

— А вы думаете, Кудашев даст? — спрашивает Семенов Унгерна.

— Даст, если спросишь, — отвечает Унгерн. — По правде сказать, мне что-то странным показалось его сегодняшнее согласие быть посредником между чехами и иностранцами.

— Ну, это он делал вид для иностранцев. А использование денег — вопрос другой...

— Вот именно! А Кудашев, пожалуй, не прочь их заполучить у иностранцев. Только... для себя. Вы меня понимаете...

— Неужели?..

Часовая стрелка ползет к двенадцати. Кудашева все нет. Он приезжает в половине второго. С нетерпением все его обступают.

— Сколько?

— Получили уже?

— Господа, — удивляется Кудашев. — Что за вопросы? Деньги я получу завтра. Сколько — еще неизвестно. И потом...

— Нам нужно немедленно обсудить вопрос об использовании этих денег, — заявляет Калмыков.

— Господа, — дайте мне докончить. Я совсем не намерен надувать иностранных представителей. Есть дела, в которых честь...

— Будет вам говорить о чести! — резко обрывает его Семенов. — Мы догадываемся о ваших планах. Деньги должны быть распределены между нашими организациями, или...

— Простите, я немного погорячился, — заметно убавив тон, говорит Кудашев. — Вы меня не так поняли. Я не прочь... Если только это будет возможно...

— Это будет подлостью! — совершенно неожиданно для всех заявляет полковник С. — Я никогда не соглашусь на обман наших союзников.

Все взгляды скрещиваются на полковнике С.

— Вы? Вы это говорите? — шипя от злобы выдавливает барон Унгерн. — Вы захотели служить французским собакам? Какому же богу вы веруете?

И прежде, чем присутствующие успевают опомниться, барон ударяет полковника кастетом в висок. Полковник, взметнув руками, падает глухо на ковер.

— Что вы наделали, барон! — бросаются к Унгерну присутствующие.

— Убил французского лакея! — отвечает Унгерн.

И, повернув свои злобные, налитые кровью глаза к Кудашеву, точно заканчивая какую-то мысль, он бросает:

— Деньги значит будут?

3. Японский бог

Небольшое замешательство среди офицеров быстро проходит. Те же люди, час тому назад рассуждавшие о высоких идеалах, любви к родине и прочем, сейчас прячут следы своего преступления не хуже заурядных убийц.

Залитый кровью ковер свертывают, засовывают в камин и сжигают. Барон Унгерн и генерал Семенов поднимают труп и несут на балкон.

Город еще спит. Особняк белогвардейцев белеет на откосе прямо над рекой. Мутный туман над водой голубеет утренним рассветом.

Нет разговоров. Молчанье. Могильщики всегда работают молча.

Барон и Семенов быстро раскачивают тело полковника и бросают его зниз.

Присутствующие напряженно следят за всеми движениями барона и генерала. Они не замечают, как сзади них, точно отделившись от стены, проходит на балкон какая-то фи-

гура.

Это — генерал Сизо.

— Падаздите, пазвольте!

Он смотрит вслед брошенному трупу. Желтая маска его лица расплывается в уродливую гримасу, и он хлопает барона по плечу...

— Карасо, карасо... Очень карасо!..

Все глаза впились в каменное лицо японца. В глазах испуг и страх. Отвисшая нижняя челюсть Кудашева отбивает мелкую дробь.

— Да! Это — он... он...

А внизу балкона, покачиваясь на волнах реки Желтой, в утреннем тумане медленно уплывает тело полковника С.

Неправильно отчеканивая русские слова, японец говорит:

— Японское... Императорское правительство... поручило мне... передать вам для продолжения военных операций против большевиков — один миллион иен.

Глава 5-я

НАЧАЛО КОНЦА

1. Совет трех

Военный комиссар П. положил на стол измятый листок.

ПРИКАЗ

Командиру Аргунского полка —

тов. Метелице.

1.— Сегодня ночью сделать кавалерийский рейд в тыл станции Манчжурии.

2.— Задержать эвакуацию семеновцев.

Лазо.

Присутствующие вопросительно взглянули на военного комиссара.

— Вы ждете комментариев, — говорит П. — Они просты. Лазо разбил семеновцев, загнал их в Китай и там произведет разоружение. Наша игра проиграна.

— Спокойно! Не все еще потеряно. — Солодовников выпрямляется за председательским столом. — У нас еще есть шансы. Во-первых, — чехи, восставшие хотя и не сплошным фронтом, но по всей России. Во-вторых, — взята Самара. Это начало хорошее.

— Это там, в России, — говорит П. — Но почему молчит Восток?

Японский поручик прищуривает глаза.

— Он скоро заговорит. Я имею поручение передать вам информацию о том, что консульский корпус уже подготовил восстание во Владивостоке. Оно состоится на днях.

— Значит тыл обеспечен, — говорит Солодовников. — Теперь ваша очередь, — обращается он к П. — В вашем распоряжении находится Иркутский военный сектор. Постарайтесь передать его без боя чехам.

— Но не будет ли это слишком рискованно, — колеблется комиссар П.

Японский поручик предупреждает его опасения.

— Японские и английские паспорта вам готовы. Деньги также. Генерал Сизо все предвидел.

— Последний вопрос, господин поручик. А как военная помощь Японии?.

— Помощь? Вам?

— Да, нам...

— Ровно через 14-ть дней японский десант высадится во Владивостоке.

2. Кто провокатор?

— Где комиссар Лыткин?

— Не знаю, вероятно куда-то ушел.

— Лыткину телеграмма. Срочно. Нужно найти Лыткина.

— Зайдите, посмотрите, может быть, он там.

Красноармеец открывает дверь и останавливается на пороге. В кресле, скорчившись над письменным столом, сидит Лыткин. Стол, стул и платье Лыткина обрызганы кровью. Лыткин мертв.

В записке, оставленной на столе, несвязные слова...

— «Не могу.... провокатор... прощайте»...

Маленький свинцовый шарик врезался в мозг комиссара Лыткина и навсегда вытеснил из него всякие мысли и заботы.

Что произошло?

Неделю тому назад. Ползут темные слухи о неудачах красной армии. Части, отправленные под Иркутск, терпят поражение за поражением. И вдруг — страшная весть: один из полков лыткинской бригады, отправленный по распоряжению военного комиссара П. целиком взят в плен и расстрелян чехами. Как это произошло? Кто виноват? Кто? Кругом паутина предательства. Не остается сомнения, что полковник провокатор. И вот Лыткин не выдержал. Свинцовая пуля. И все.

Красноармеец бросается к товарищам, сообщая о случившемся. На привыкших к боям и смерти красноармейцев весть о самоубийстве Лыткина производит сильное впечатление.

Тотчас же собирается митинг, и помощник комиссара простыми прочувствованными словами об'ясняет красноармейцам причины смерти товарища.

— Самоубийство Лыткина, — говорил докладчик, — это слабость. Нельзя поддаваться слабости... Победят только сильные мыслью, люди, руководимые единой идеей, борющиеся за нее до конца.

На угрюмых лицах красноармейцев сосредоточенная решимость. И если не для всех, то по крайней мере для большинства присутствующих цель их борьбы и лишений ясна:

Советская власть.

Помощник комиссара раскрывает только что полученный приказ Лазо:

Немедленно продвигайтесь в туннели. Если поздно—во что бы то ни стало удержите Танхой.

Лазо.

3. Москва молчит

Иркутск. Чехи уже совсем близко. Советские учреждения эвакуируются. Товарищ Яковлев прибыл с фронта, чтобы прибегнуть к последнему средству — снестись с Москвой.

Положение фронта отчаянное. Непонятные неудачи, Чьято провокация... Отсутствие подкреплений...

Вся надежда на Москву. Там — резервы, оружие, руководители.

Телеграф.

— Вызывайте Москву.

Монотонно стрекочет аппарат:

...Черемхово... Красноярск... Ново-Николаевск...

...Москва... Москва... Москва...

Ответа нет. Где-то за Красноярском сообщение прервано.

Со станции Зима передают:

...Чехи... взят Омск... броневики двигаются на Красноярск...

Перерыв. Продолжения нет.

— Неужели это конец? — проносится в голове Яковлева. — Чем об'яснить такое стечение неудач?..

— Товарищ Яковлев, вам пакет! — и подает конверт вошедший красноармеец.

— Пакет от Лыткина. Что это?

«...Я распоряжением Половникова предал тринадцатый полк своей бригады. Теперь уверен, что это было провокационное распоряжение. Половников — предатель»...

. . . .

Яковлев сжимает листок. Так вот в чем разгадка. Нужно вызвать Лазо.

Где Лазо?

... Штаб фронта... Лазо? Нет! Где он? Неизвестно! За Карымской взорван мост... Половников выехал в Иркутск...

— Скорее Губчека. Алло! Кто? Берзин? Немедленно приезжайте! Что? Ваш помощник? Ладно.

Через несколько минут вбегает помощник Берзина, Чудновский.

— Белогвардейцы подожгли тюрьму, чтобы освободить своих. Берзин там. Едем!

Серый автомобиль быстро проносится по улицам города. Кое-где советские учреждения спешно укладывают дела и бумаги на грузовики. Проходящие мимо торговцы улыбаются. Обыватель, как всегда, робко жмется в стороне. На одном из узких поворотов улицы, через открытое окно, раздаются несколько выстрелов. Пули ударяются о кузов автомобиля, не причинив вреда едущим. Нужно было бы остановиться — расследовать это дело, но сейчас некогда... дальше...

Автомобиль врезывается в толпу около тюрьмы и через открытые ворота в'езжает во двор.

Явтомобиль встречает Берзин. Яковлев бросается к нему.

— Скорее! Арестовать Половникова — он предатель. Вот распоряжение.

4. Капитан на посту

— Кто там еще? — спрашивает французский консул своего секретаря.

— Там, этот Гейцман, — отвечает секретарь, — от большевиков...

— Пустите его!

Входит Гейцман. Посланник морщится точно от неприятного запаха, не торопясь, обрезывает кончик ситары, закуривает ее и,с удовольствием выпустив два изящных кружеч-

ка дыма, наконец, обращается к Гейцману.

— Ах, это вы? Ну-ну! Я вас слушаю.

— Вот что, — отрывисто говорит Гейцман. — У нас с чехами недоразумение. Американский консул согласился быть посредником. Желательно также ваше и итальянского консула участие.

— А японский представитель поедет?

— Японский консул уже уехал из Иркутска. Остался резидент, которого мы и пригласим.

Через несколько минут от Центро-Сибири от'езжают два автомобиля к вокзалу. Едут французский, итальянский, американский консулы, японский резидент, Яковлев, Гейцман, Чудновский.

— Нам нужен поезд, — обращается Яковлев к начальнику станции, предъявляя свой мандат.

— Поездов нет, составы вагонов все заняты.

— Дайте нам паровоз...

— Сейчас посмотрю... — Начальник звонит в депо.

. . . .

Через несколько минут к платформе под'езжает, кряхтя и пыхтя, старый ремонтный паровоз.

— Господи! Как же мы на нем поедем? — ужасается французский консул.

Закоптевший тендер, маслом и угольной пылью покрытые ступеньки — прямая угроза его безукоризненно белому выутюженному костюму. Его ужас разделяют также представители Англии, Америки и Японии.

Но ничего не поделать. Всем приходится лезть на паровоз. Ежеминутно давая свистки, паровоз от'езжает.

На станции Иннокентьевской остановка. Яковлев запрашивает Гайду о гарантиях. Вместо него отвечает поручик Елец.

— Гарантия полная. Переговоры на раз'езде № 119.

Дальше едут на броневике. При посадке в броневик кто-то подходит и здоровается с японским представителем. Но

странно — вместо приветствия человек говорит японцу какие-то цифры. Японец утвердительно кивает головой.

— 23+18. Есть!

. . . .

На площадке броневика стоит Яковлев.

— Первый коммунистический полк — за Советы! Ура! — приветствует он полк, выстроившийся около полотна.

— Ура! — проносится по рядам красноармейцев.

Броневик бесшумно скользит дальше. Яковлев смотрит на мелькающие перед ним проволочные заграждения, окопы, отдельные группы красноармейцев. Он думает про близкую победу, про мирный труд на этих полях, про радостную новую жизнь, которую несет с собой Советская власть.

Мощная фигура старого революционера на броневике, медленно продвигающегося к передовым позициям, точно олицетворение этой новой жизни, которая шаг за шагом двигается к осуществлению своих целей.

— «Коммунизм нужно завоевать», — вспоминает он слова Ильича. И сейчас, когда ему изо дня в день приходилось практически осуществлять этот лозунг, он знал, что его силы и силы его товарищей только маленькие ступеньки к этому великому завоеванию.

И еще неотвязная мысль — где-то Лазо, что с ним, как его армия...

Раз'езд № 119.

На площадке раз‘езда — почетный караул чехов.

Гортанные слова команды:

— На краул! — они окружают прибывших плотным кольцом и сопровождают их.

Комната начальника раз‘езда, приспособленная для заседаний.

По платформе бегают и о чем-то хлопочут несколько офицеров.

— Похоже, что наши переговоры будут удачны, — говорит Гейцман Яковлеву.

— Хорошо бы! Хоть на время, — отвечает Яковлев.

Вдруг перед самым входом в здание раз‘езда, сквозь цепь конвоиров прорывается неизвестный, в форме русского офицера, и в упор стреляет в Яковлева.

Яковлев моментально теряет сознание. Через несколько минут перестает биться его пульс.

Капитан погиб на посту, но команда еще на местах.

— Проклятье палачам! — стискивает зубы Гейцман, — не забудем!

Чудновский выхватывает браунинг.

Глава 6-я

ВО ТЬМУ

1. Во тьму

Ряд серых блиндированных вагонов, во главе с мощным паровозом медленно подвигается вперед. Эта ползучая стальная змея, несущая с собой смерть. Это — сторожевой наших позиций — бронепоезд «Коммунар».

На передней площадке, у дальнобойного орудия, положив на колени планшетку, Лазо что-то пишет. Пламя свечки в железнодорожном фонаре медленно колышется в такт хода поезда и играет тенями на его молодом, энергичном лице.

Он берет трубку телефона, соединив его с паровозом.

— Товарищ! прибавьте ход.

— Опасно, — отвечают с паровоза. — Ничего не видать. Мосты взорваны... шпалы...

— Без разговоров!..

Медленный ход поезда действует угнетающе. Лазо напрягает зрение, стараясь рассмотреть местность. Пустынно. Ничего нет. Смерть свершила здесь свою прогулку. Следы ее

шествия: изредко мелькающие строения, брошенные на произвол судьбы раз'езды, одинокие водокачки... и трупы, трупы, валяющиеся то тут, то там вдоль полотна дороги.

Какая-то остановка. Станция.

— Включите провод!

— Есть!

— Где полк Метелицы? Где Аргунский полк?

Отвечает комбриг Артамонов: — Отходит вниз по Селенге!

— Держитесь, скоро буду...

Затем вновь к телефону. К машинисту.

— Поезжайте быстрее. Как можно быстрее...

...Поезд мчится. Без огней во тьму, ничего не видя впереди. Машинист — весь внимание, со спокойной решимостью управляет паровозом. Но еще спокойнее тот, который на первой блиндированной площадке, при свете огарка намечает план дальнейших действий. Не может быть для него двух мнений: победить или умереть. Он знает только одно — сейчас нужно победить.

— Куда мы едем? — спрашивает Лазо проснувшийся ад'ютант.

— Вперед, — к Байкальским туннелям!..

2. Динамитный поезд

— Сволочи! Это саботаж! Поезд третьи сутки стоит в тупике, как будто вам до него нет дела. Никакой охраны.

Начальник подрывной команды Петров не может сдержать злость. Рука его, описав в воздухе красивую дугу, вцепляется в воротник начальника станции, и голова последнего начинает трястись, как повешенный на нитке мячик.

— Товарищ начальник... товарищ начальник... Ей-богу!

— Брось божиться, каналья! Если народное добро не бережешь, дурак, то хоть себя береги. Ведь это же состав с динамитом.

— С динамитом? — у трясущегося мячика глаза собираются выскочить из орбит: Я — сейчас... сейчас...

Он высвобождается из руки Петрова и бежит, как ошалелый, мотая головой.

— Динамит... динамит...

. . . .

На выехавший из депо паровоз вскакивает переодетый японец.

— Куда лезешь, желтая рожа? — кричит на него кочегар.

— Твоя подожди немного... Хочешь заработать? — Японец машет перед глазами машиниста и кочегара толстой пачкой иен.

— Ну ладно, а дальше что?

— Очин немного, очин... Твоя едет состав передвигать... Твоя толкай вагон в тупик. Толкай покрепче. Все!

Машинист с кочегаром не соображают, зачем это. Но деньги японца обоим нравятся.

— Ладно, нам какое дело... Теперь путаница...

Оставив деньги, японец соскакивает и быстро скрывается. Паровоз начинает маневрировать с вагонами.

— Как? Еще не перевели? Ты хочешь, чтоб я тебя пристрелил как собаку, прежде чем ты взлетишь в воздух со всей своей станцией ?

— Сейчас, сейчас! Паровоз уже прибыл и сейчас передвинет ваш состав.

— Где машинист? Нужно сказать ему, чтобы был осторожен. — И Петров направпяется на платформу к маневрирующему паровозу.

Что это такое? Что? Два вагона, отделившись от состава, толкаемого паровозом, несутся прямо к тупику. Еще минута, и они ударятся о передний вагон состава. Гигантскими прыжками Петров бросается к стрелке и изо всей силы ее переводит. Вагоны с грохотом пролетают мимо Петрова,

но уже на другие рельсы.

Динамитный поезд спасен.

3. Красавец горит

Ярмия отступает.

На станции Байкал — как в эвакуационном лагере. Красноармейцы деморализованы — в одиночку и группами бегут вдоль полотна на восток, лишь подальше от фронта... По пути брошены части военного имущества. Некогда думать о мелочах, когда нужно защищать тыл и выбрать позиции отступления.

На станцию прибывает броневик Лазо. Суматоха среди частей заметно исчезает. Точно со стальной цепью вагонов прибыла и стальная воля.

Лазо отдает приказ за приказом. Он заранее взвесил то, что можно кинуть и то, что нужно спасти.

— Постарайтесь увести ледокол «Байкал» на Танхай. — Товарищ Ильицкий — поезжайте немедленно...

На ледоколе оружие, снаряды и порох...

Все время идет беспорядочная перестрелка. Чешский броневик продвигается к самому «Байкалу». Один из снарядов броневика попадает на ледокол, взрывается и зажигает его.

— А, чорт, не успели раньше! — и Лазо сжимает крепко губы. — Ну, ладно!..

— Петров, собирайся немедленно и поезжай взрывать туннели.

. . . .

Поздно вечером, нагрузившись с головы до ног запалами, бикфордовым шнуром и динамитом, отряд под руководством Петрова гриступил к работе.

— Бикфордова шнура на 15-ть минут!'

— Есть! — Отметь время.

— Закладывай динамит, скорее, уходите...

— Зажигай конец!

— Есть! Едем дальше!..

Черные тени работают решительно и верно. Закладывается запал за запалом. Месть палачам!

Зажженный белогвардейским снарядом красавец «Байкал» покрыл всю гладь воды отблеском красного зарева. А на фоне фиолетового, огнем насыщенного неба взлетают камни, содрогаются откосы скал.

Это рвутся туннели Забайкальской дороги.

4. Прощальная речь Лазо

Уходят... Отступают... Бегут...

Эшелон за эшелоном проносится мимо станции Танхай; идут поезда с обмундированием — вагоны полураскрыты, виднеются разваленные тюки сукна; громыхают продовольственные маршрутные поезда. Охраны никакой, или очень незначительная. Железнодорожники, измученные, ворчат и озираются.

По станции ползет зловещий слух:

Большевики все города ограбили и вот теперь бегут, бросая рабочих и край на растерзание чужеземцев...

Железнодорожники в панике:

Говорят — большевики хотят все паровозы угнать к Амуру, а там спустить под откосы...

— Им-то что, они награбили и уедут заграницу, а мы тут с семьями останемся без куска хлеба — говорит какая-то кепка, хитро подмигивая группе растерянных железнодорожников.

— Не давать им паровозов и все тут... — кто-то в толпе огрызается.

— Иди, попробуй — они вооружены, сами возьмут...

— А если нам отказаться, не ходить — они-то не сумеют без нас: далеко-то все равно не уедут...

— Верно!.. — раздается несколько голосов.

— Дурачье, да они вас заставят ехать под дулом револьвера — поедете, — и кепка презрительно сплевывает. — Привыкли рабствовать... Вы бы вот лучше захватили эшелон с оружием, вооружились — ну тогда... Армия у них деморализована, бежит, справиться легко— вот и не дали бы паровозов, да и добра много спасли бы...

— Для кого, для чехов? — кто-то иронизирует.

— А хотя бы... Они вас тоже не помилуют, когда придут да узнают как вы большевикам помогали увозить русское добро.

— Верно, не помилуют... — и этот перемигнулся с кепкой.

— Идем! Не дадим наших паровозов... не дадим.

— Стойте, товарищи. Здесь провокация... Кто эта кепка?

— Бей его! — большевик тоже, — и кепка сзади ударил гаечным ключом говорившего, — тот ткнулся к стрелке. Железнодорожники ринулись к эшелонам.

— Остановить... Не пускать ..

...Ту-у-у... ту-ту... Ту... у-у-ту... — Пронзительный свисток броневика, и паровоз врезается в толпу возбужденных, озлобленных людей.

— Вот он!..

— Кто?

— Главный большевик, их командир — взять его, стащить...

. . . .

— Товарищи! — Что такое? — вы не хотите дать нам паровозов... Кто это говорит?

Толпа гудит: бежите, — нас бросаете...

Лазо стоит во весь свой огромный рост на броневике. В его глазах боль и страшная усталость — он не смыкал глаз целую неделю, — как он еще держится на ногах...

— «Предатели!»

Резким движением руки Лазо останавливает шум толпы.

— Кто сказал — предатели? Кто?!.

Гробовое молчание.

Кепка ныряет в толпу.

— Десятки, сотни лет мы ждали, когда загорится восстанием Россия.

Тысячи наших товарищей вот здесь, в Забайкалье — в Зерентуе, на Каре — гибли за освобождение трудящихся.

Этот день настал — Октябрьская революция сбросила тысячелетнее наследие рабства, — мы начали строить нашу первую в мире республику трудящихся.

...Теперь мы отступаем... Все силы обрушились на нас... Мы — полураздеты, голодны... Сейчас мы отступаем в тайгу — но знайте, товарищи, — только по нашим трупам пройдут к востоку предатели-чехи. Горе несут они вам, не радуй-тесь.

...Но еще не все потеряно — Москва стоит: она напрягает все свои силы и борется с целым миром врагов — Франция, Англия, Германия — все они об'единились, чтобы задушить пролетарское государство... Но погодите — Москва еще придет к нам на помощь — за ней стоит мировой пролетариат.

Долой малодушие! Все сильные, смелые — к нам в эшелоны. Будем бороться, пока не поздно.

Товарищи железнодорожники! Вы много выстрадали во время этой войны... Но мы отдали все — наши силы и жизнь: сколько... сколько здесь пало наших товарищей!

В толпе робкое движение.

...Идем с ними — чехи придут, хуже будет... — кто-то говорит.

— Но наши семьи...

Все взоры устремлены на Лазо.

— Вот, товарищи! Здесь несколько эшелонов муки и обмундирования — все это я приказал раздать вам, — рабочим по станциям и крестьянам окружных деревень. Наша армия берет только самое необходимое, а это... — поделите... Вы достаточно голодали вместе с нами...

Прорываясь сквозь толпу:

— Нам только умереть вместе с ним! — И рабочий быстро вскакивает на броневик.

— Идем, товарищи, идем все...

Но толпа робко жмется.

От черных корпусов депо тянется длинная тень — близится вечер.

— Товарищи! Хорошо... Оставайтесь... Но помните Советы — власть трудящихся — вашу власть, — вы еще будете за нее бороться... Долго...

...Долго бороться за Советы.

...Прощайте!

Юношеское лицо Лазо страшно серьезно — как никогда.

Броневик трогается...

— Товарищ командующий...

— Лазо!

— Товарищ... Возьмите... нас...

Несколько смельчаков прыгают на ходу в броневик.

Лица рабочих угрюмы, шапки у всех сняты. В толпе кучками—рыдание женщин...

Издали по Байкалу доносятся взрывы туннелей.

Рокотом говорят горы.

5. Сталь сердца

— Трус!

— Товарищ Лазо...

— Ты не исполнил приказ: бросил со своей частью фронт...

— Что я мог сделать — они бежали...

— Один... зубами ты должен был разворачивать рельсы... или — умереть там... Ты предал фронт — ты открыл неприятелю наш тыл...

— Трус — расстрелять!..

— Сергей! Что ты?

— Ну! — и голос Лазо зазвенел сталью.

Караульный взвод выстроился у штабного вагона. Команда... — чей-то голос дрожит:

— Взво-од... — Пли!..

Только на миг вздрогнула рука, но это от неожиданности — Лазо продолжает писать приказы и отдавать распоряжения... Но что-то слишком крепко, до боли в пальцах он сжал поручень кресла левой свободной рукой. Или это может быть так... или... ведь, все-таки товарищ... они с ним столько вместе боролись... он был славный товарищ, неутомимый... жизнерадостный... но революция не шутит.

И ни один мускул не дрогнул на его лице, сильно возмужавшем за это короткое боевое время, не дрогнул — никто не мог бы сказать этого...

На глазах целого штаба, это — командующий железной воли и силы — не останавливающийся ни перед чем.

Это человек, твердо знающий, куда он идет.

Штаб молчит.

Тишину нарушает стук телеграфного ключа.

Лента: — хочу говорить с Лазо...

Телеграфист смотрит на командующего.

Пауза.— Лазо несколько медлит, не сразу:

... — Здесь командующий! — Кто говорит?

Лента: Преддальсовнаркома Краснолобов... Чехи во Владивостоке выступили. Наша армия отступает... Помощь...

— Полк кавалерии и броневик посылаю. Держитесь в Амурском секторе. Я с армией отхожу на Шилку.

Начинает усиленно гудеть телефон, к нему подходит ад'ютант.

— Вам, товарищ Лазо, — и передает трубку.

Лазо берет и, слушая, продолжает диктовать телеграфисту:

— Там мы укрепим фронт — будем форсировать Манчжурию и...

По фонопору передают:

... — Сегодня в ночь на Карымской у предмостного укрепления в бою на передовой линии тяжело ранена санитарка Ольга. — Она в агонии... бредит — просит передать...

— Что?.. Она!.. — еще крепче сжимается трубка фонопора.

— Но... Вы... Держитесь?..

... — Д-е-р-ж-и-м-с-я...

— До конца! До последнего человека!..

_____

Нет! За один день слишком много: расстрелял товарища, смертельно ранена любимая... Нет... — там прорван фронт... в бой...

— Ординарец — коня!

Глава 7-я

ЗОЛОТО НА РЕЛЬСАХ

1. Обывательская дрожь

— ...И еще там, часто кто-то приезжает, с тележкой... Как-бы что-то спрятано... вроде пулемета...

— А ты не врешь?

— Ей-богу — сам видал. Разве я бы стал... Сами понимаете — раз приказ такой. . .

И действительно на стене:

ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА
гор. ЧИТА.

В 24 часа, с опубликованием сего, сдать все имеющееся на руках у частных граждан огнестрельное оружие и части боевого снаряжения.

Лица, укрывающие оружие, равно как и лица, знающие о таковом укрывательстве, будут привлечены к строжайшей ответственности.

Такие же приказы расклеены по всему городу...

— А кто он такой?

— А кто его знает. Немец. Раньше торговал чем-то, теперь сидит запершись...

— Ладно. Бобров, возьмите человек десять. Идем.

— Куда?

— Идем к немцу. Посмотрим, что у него там.

...Уже близко к полуночи. Фонари тускло горят. Улицы пустынны, безмолвны, точно притаились, присмирели, кого-то как будто ждут.

...Пппапаххх... раздается одинокий выстрел. Ему отвечают три других выстрела с разных концов города. Затем еще, еще...

— Ох-ох, черти, — ругается начальник отряда Пережогин. — Зря патроны изводят.. .

Гулко отдаются шаги шествующих по мостовой. Пустынно. Около особняком стоящего здания останавливаются.

— Здесь ?

— Здесь, — отвечает шествующий впереди отряда доносчик.

— Бобров! Поставьте караульных. По человеку с каждой стороны. Остальные — за мной.

Долго стучат. Не открывают. Пережогин нетерпеливо:

— Подохли, видать. Ломай дверь!

С треском разбивают стекло, через отверстие открывают задвижку.

— Эй, кто там? — кричит Пережогин в коридор. Слышно, как в комнатах спешно закрывают шкафы, передвигают мебель, щелкают ключами. Затем везде гаснут огни и становится совершенно темно.

— Выходите, чорт вас возьми! — кричит рассерженный этой комедией Пережогин. — Кто тут хозяин?

Где-то сбоку отворяется дверь. В открытой щели появляется чья-то трясущаяся голова и не менее трясущаяся рука со свечкой.

— Я, я, — издает звук голова.

— Что у вас тут за маскарад? — резко спрашивает Пережогин.

— Так... так просто. Вечеринка... Свои.

— Свои? Пусть все приготовят документы. Бобров, примитесь за осмотр комнат.

Немец бросается к Пережогину.

— Помилуйте, товарищ, поми...

— Мы тебе, сволочь, не товарищи. Говори, где оружие.

— У меня нет... Нет оружия.

— Врешь! Открывай шкафы.

Дрожащими руками немец открывает сундуки, шкафы, ящики. Из одного шкафа кубарем, как тряпочная кукла, вываливается молодой человек.

— Эге! Неудобное место нашли, молодой человек, — смеется Бобров.

Однако, оружия нет. Только в подвале находят какой то подозрительный, довольно увесистый узел. Немец старается незаметно укрыть его в угол под старой рогожей.

— Чего ты там? — бросается к нему Пережогин. Остальные обступают немца кругом.

— Что у тебя там?

У немца испуганная физиономия. Трясется.

— Оставьте, оставьте... Это не надо.

— Ага, попался, — кричит Бобров. — То-то! А говорил, нет оружия. Ребята, развязывай узел.

В одну минуту узел развязан; там длинными рядами, тщательно упакованы черные стержни копченой колбасы.

— Вот это здорово!' Вот так патроны. Откуда это у тебя ?

— Так. Привозит один знакомый. Торгую маленько...

— Ладно, забирай, ребята, и колбаса пригодится.

— Куда делся этот доносчик? — ворчит Пережогин. — Надо бы ему всыпать за ложный донос...

Но доносчика уже след простыл. Без шапки мчится по улице. Вот сейчас поймают, пристрелят...

И после ухода Пережогина, тщательно забаррикадировав все входы, немец собирает своих напуганных гостей.

— Гот зей данк!.. Хорошо отделались. Ведь это же зверь, а не человек. Ему расстрелять — раз плюнуть.

— Да-да, — подхватывает молодой человек, так неудачно обнаруживший свою трусость. — Помните, на прошлой

неделе расстреливали Фишмана, Натансона и Герке. Все он — Пережогин.

— О, мейн гот! Когда же все это кончится? Герр Кушкин — вы русский, ну скажите, что этим людям надо ?

Герр Кушкин — учитель словесности. О, — он знает.

— Им надо грабить, — вот что я вам скажу. Побольше грабить. И народ, и Россию — все.

— А что же дальше, герр Кушкин?

— А дальше... мы их прогоним. У нас будет настоящая власть...

— Такая же? — наивно спрашивает немец. Он скептик и не верит в русский народ.

— Зачем такая же! — возмущается Кушкин. — Настоящая! Учредительное собрание. Парламент... Равноправие.

— О! герр Кушкин. Это будет гут. Ошень гут.

И немец прищуривает глаза. Он уже видит вывеску своей будущей колбасной лавки.

2. Страшилище

На краю города, в плохонькой комнатке с ободранными обоями, за грязным деревянным столом сидит человек. У него седая голова, жесткое тощее лицо, серые сверлящие глаза.

Взглянув со стороны, можно подумать: ученый, углубившийся в свои научные открытия и забывший про все окружающее.

Но нет. Этот человек науками не занимается. За поясом у него бомбы, с плеча небрежно свесилась пулеметная лента, на столе под рукой огромный кольт и куча патронов. Этот человек — страшилище местных обывателей, начальник отряда отчаянных, как и он, людей — анархист Пережогин.

— Трррр...

— Да! слушаю...

— Говорит Карандашвили. Тебе, Пережогин, поручается сбор теплых вещей для армии. Сбор произвести среди ме-

стного населения.

— Есть! Когда ?

— Как можно скорее и безболезненнее. На твой отряд жалуются...

— Кто? Кто смеет! — Лицо Пережогина исказилось. Брови сдвигаются. Он, жертвующий всем для дела, не жалеющий ни себя, ни других... Кто смеет на него жаловаться.

Нет ответа. В телефон шипение. На другом конце трубку уже повесили.

Пережогин сжимает кулаки. — Ух, сволочи — пусть подождут, настанет момент.

Поворот головы к дверям. — И что нужно Карандашвили? Ведь тоже анархист. Уж больно ручной стал... В соседнюю комнату:

— Бобров!

За дверью, в соседней комнате — попойка. После недельной бешеной работы — можно позволить .

На столах хлеб, мясо, водка, под столами пустые баночки.

Эх, гуляй, гуляй, головушка моя,
Эх, головушка моя да разудалая...

Самые разнообразные люди в этой компании: тут и деревенские парни с залихватским присвистом, тут городские бродяги — сорви-голова, тут дезертиры, случайно приклеившиеся к отряду матросы — клеш...

Все сплотились, об'единились в одном деле. А какое дело — не всем же думать. Знают одно : надо делать. Чтоб без буржуев. А как это сделать, знает он — человек с бомбами — Пережогин.

— Бобров ! Тебя зовут.

Сутуловатый, широкоплечий парень пробирается сквозь сидяших. Он слегка покачивается и морщится, точно прогоняя из головы остатки дурмана.

— Опять? Пьянствуете, — строго говорит ему Пережогин.

Бобров с'еживается.

— Немножко! Что-ж поделать. Ребята...

— Довольно! Завтра приступаете к сбору теплых вещей для армии. Смотрите, чтобы без эксов.

Бобров угрюмо смотрит. Потом медленно:

— А кто за всем уследит. Вообще... Товарищ Пережогин, — и уже не сдерживая накопившиеся в себе мысли Бобров выбрасывает:

— Мы так не можем! Настроение у ребят отчаянное. Везде идем, рискуем жизнью, а тут еще следи за пустяками. Справедивость. Вот на днях эвакуация Читинского банка... Хорошо бы...

Пережогин ударяет кольтом по столу.

— Молчать! Ступайте.

Бобров уходит. Суровое лицо Пережогина не меняется в своем выражении. Но он о чем-то задумался.

3. В мутной воде

— Ваня! Ты не слышишь? Стучат.

— Где? — Иван Федорович вскакивает.

— В нашу дверь.

— Не может быть! — Иван Федорович хватается за голову.

— Что это? Обыск? Конфискация?

У Ивана Федоровича волосы дыбом. Его жена Марья Григорьевна спешит к комоду. Скорее — кольца, серьги, часы. В старый чепчик завернуть — бросить на верх печки. Костюм мужа, летнее платье — в узелок, в амбар под дрова.

Стучат.

— Сейчас, сейчас откроем! Ключи ищем, — кричит в коридор Иван Федорович. Коленом зацепился за умывальник, падает на пол. Глаза на выкате.

Шопотом:

— А вдруг расстреляют... Надо письма уничтожить. Сжечь. Где спички? Маша, спички.

Марье Григорьевне некогда. Губы матовые — лихорадит. Куда спрятать деньги? За люстру, под шкаф, в матрац — найдут, найдут. Везде найдут. О, проклятые. К себе за кофту. Не отдаст. Пусть убьют.

Сама к дверям. Долго возится: ключ, цепочка, затем крючек, заслонка.

— Ну, идите!

У дверей хорошо одетый японец. Спокойно покуривает папиросу. Улыбается.

— Здесь квартира банковского служащего Передрягина?

Марья Григорьевна ничего не понимает. Но японец держит себя чрезвычайно свободно.

— Мне нужно повидаться с Передрягиным по делу. Здесь он ?

— Здесь! Войдите.

«...что касается Читинского банка, примите все меры предосторожности...»

Начальник комиссии по эвакуации морщится. Легко предписать. А, ну-ка попробуйте справиться с этими людьми, в каждом из которых сидит мелкий авантюрист, каждый из которых не прочь наживиться.

— Есть у вас надежные ребята? — спрашивает он своего помощника.

— Есть, некий Передрягин — аккуратный служака и, повидимому, честный человек.,

— Поручите ему наблюдение за погрузкой золота, — говорит начальник.

— Слушаю-сь!

На вокзале спешная работа по погрузке золота. Подводы с ценными бумагами и деньгами под усиленной охраной под’езжают к товарной платформе. То тут, то там шныряют банковские служащие с папками дел и связками ценных бумаг.

Передрягин у буфета нервно пьет чай стакан за стаканом, по временам боязливо поглядывая на часы.

Наконец он расплачивается, нервно закуривает папиросу и быстро направляется к выходу.

— Нет ли у вас спичек?

— Пожалуйста !

Спросивший японец берет коробочку ленивым движением, зажигает спичку и рассеянно кладет коробочку к себе в карман.

— Ах, простите, я совсем забыл, это ведь ваши. Благодарю. — И он возвращает Передрягину спички.

Но тут уже другая коробка, не та, которую дал Передрягин. А на дне той под спичками крошечная записочка:

30 слитков по 5 фунтов.
20 слитков по 3 фунта.
Золотой монеты на 200 тысяч.
Банковоких билетов 102 милл.,
3-й и 5-й вагон.

— Йес, — ухмыляется про себя японец, развернув бумажку. Вдруг он чувствует, как сзади вплотную к его голове наклонилась чья-то другая голова. Голос:

— Ни с места!

Твердая рука сдавливает кисть японца.

Группа белогвардейцев расположилась за курганом около полотна железной дороги. Нетерпеливо кого-то ждут.

— Где он? Пора уже. Сейчас прибудет поезд.

— Он должен на вокзале получить сведения о вагонах.

— Кто-то идет! Слышите?

Вблизи показываются несколько человек. Впереди них японец.

— Кто там? — все вскакивают на ноги.

— Свой! — отвечает японец. Все опять спокойно усаживаются.

В то же время из-за кустов с криками и выстрелами выбегает несколько человек, затем еще и еще... Плотное кольцо окружает белогвардейцев. Это ребята пережогинского отряда. Их около сотни. У белогвардейцев опускаются руки.

— Что, попались, голубчики! — смеется Бобров.

— Ну, сдавайте оружие и убирайтесь, пока пули вас не догнали.

...Вдали уже показывается дымок паровоза. Через несколько минут с грохоюм и шумом приближается поезд, вблизи под’ема заметно замедляя ход. Несколько пережогинцев бросаются к паровозу и ловко вскарабкиваются к машинисту.

Поезд — стоп.

Все бросаются к запломбированным дверям 3-го и 5-го вагонов.

— Даешь золото! — кричит Бобров.

— Золото — наше!

4. Бесхитростный дележ

Там, где кончаются Байкальские туннели, лента рельс вырвавшись из-под сводов, делает крутой поворот на юг, убегая в тайгу, там, под Верхнеудинском; легкими мостами она перебрасывается через Селенгу, Ингоду — скатываясь к песчаной, терпкой смоляными запахами Чите — ключу всего Дальнего Востока.

Отсюда две дороги: в Китай и на Ямур.

В этом повороте близко надвинулась тайга.

Бесшабашный поезд летит, качаясь на закруглениях, то ускоряя, то замедляя ход... — неопытная рука им управляет; гремит тайга, переливается, — ей вторят холодные ключи, да крики птиц.

Осень горит всеми цветами озноенных, обожженных листьев и зачервленных сгорающих игл.

Гром поезда по временам заглушает пулеметный чекот и одиночная беспорядочная винтовочная стрельба.

Напуганный, настороженный, он мчится неизвестно куда, удирает... Тревожные гудки от времени до времени нарушают его беспорядочный грохот бега. — Точно подбадривает он себя этим гулом, грохотом колес, залпами выстрелов.

Но вот на тормозах все задрожало. Крики, выстрелы... и пачками из товарных вагонов сваливаются к насыпи вооруженные, разношерстно одетые люди.

— Тащи их !..

— Сюда тащи! — и несколько человек гурьбой бросаются к вагону, рвут дверь, вскарабкиваются туда и через минуту ящики один за другим, обитые железом, продолговатые, спускаются с вагона и грузно увязают в балласте насыпи. Другие подхватывают их снизу и тащат в конец эшелона на рельсы.

— Сюда, братва!.. — кричит какой-то истошный голос.

— Эй, вы, обормоты, что затеяли? — и взлохмаченная седая голова свешивается из оконного люка заднего американского вагона.

— Иди сюда — узнаешь! — кто-то кричит.

— А то опоздаешь, — смеются ..

Голова скрывается на миг, а потом — упругий, совсем не старческий прыжок на насыпь, и Пережогин бегом бросается к толпе, махая нагайкой:

— Черти, рано!

— Чего там, крой, ребята — некогда ждать!

— Хотя бы караул поставили. На паровозе есть кто? — и Пережогин клином врезывается в толпу.

— А бес его знает!.. — отзывается взводный Бобров, необорачиваясь, и начинает рубить ящик.

Трах!.. — ящик разламывается и золотые слитки звеня разваливаются, скользят на рельсы.

Миг — все замерли: обалделые лица, горящие глаза, раскрытые рты, настороженные в порыве жесты, зачарованные гипнозом золота.

Еще через миг —все бросаются к слиткам...

— Стойте!.. Обалдели!.. По порядку... — и несколько ударов нагайкой остановили толпу.

Все злобно смолкли, — щелкают затворами винтовок.

— Повзводно, подходи — сам буду делить, чорт с вами, — и Пережогин садится на сломанный ящик — ногами на золото.

— Митька, получи на взвод!

— Эй, подходи! — и ребята, как картошку, слитки золота растаскивают по котелкам.

— Тяжеленько...

— А как поделим слитки — каждый кусок, почитай фунтов пять будет, — и Митька чешет затылок.

— Потом поделим, идем по вагонам, — решает кто-то и все двигаются в перемежку скопом, каждый норовит поближе к котелку.

Сзади начинают кричать:

— Ну, нет, даешь сейчас! — и несколько человек бросаются к Митьке и вырывают у него котелок.

— Петров! — кричит один из них коноводу в вагон, — дай сюда бебут...

Пробуют рубить золото. Вязкое — оно не поддается легкому пулеметному тесаку. Другие пробуют его ломать. Подходит Пережогин:

— Ты, косоглазый, что делаешь? — все оглядываются.

Лицо китайца Ли-фу, тоже кавалериста, с Иркутска идущего с отрядом, расплывается в улыбку, блестит на солнце.

— Моя знай! — в зубах у него также блестит, это слиток золота, — он пробует его на зуб...

Пережогин рычит и дергает за слиток.

— Дурни, давай колун! — кто-то быстро подает.

Взмахи — сильный звенящий удар отскакивает от рельс.

— Вот! — и Пережогин рубит еще и еще. Остальные надламывают и прячут по карманам и сумкам.

— Не сори, Палыч... — Это Митька иронизирует Пережогину, подбирая, слизывая языком с рельс, как крошки хлеба, маленькие кусочки золота. Глаза у Митьки горят...

Пережогин рубит с остервенением. Рубят и другие, торопливо, жадно.

— Ишь, как ведь солнце-то играет на золоте, так и блестит, — и кочегар Спиридоныч мотает головой, свесившись с паровоза. — Вот черти проклятые, свое же добро грабят — бандиты... Бросили эшелон, вот кто-нибудь наскочит — будет делов... И куда они с ним денутся, — думает:

— Ишь, как стараются, аж пот льет с бедненьких, — договаривает он.

— Эй, машинист, а ты что не идешь... что зеваешь — иди получать свою долю, — и кавалерист, стуча шашкой, лезет к нему на паровоз.

— Не надо мне грабленого...

— Да ведь наше, дурья голова...

Кочегар машет безнадежно рукой и скрывается в будке.

Молчат оба. Кавалерист отирает пот сорванной с ноги онучей.

— Ну, жарко сегодня...

5. Кто куда

— Сволочи, трусы, банда, ложись в цепь! — хрипит Пережогин, прыгая за насыпь к паровозу.

— Та-та-та-та... та... щелкают пули по эшелону, по рельсам.

— Вон-от, вон туда стреляй, — и Пережогин сам направляет пулемет и начинает спускать ленту.

За поворотом, небольшой кавалерийский отряд рассыпался, в цепь спешившись — это казаки. Другой двигается в обход...

Слышно, как хрустит валежник...

— Обходят!..—кричит на самое ухо Пережогина Митька, — зубы его чакают, — в эшелон ба...

— Собака, золото делить мастер, а защищаться?.. — лежи тут, готовь ленты. .

— Вы куда? Раз...такая ваша мать, — и пулемет его повертывается по своим стрелкам, начинающим уходить за насыпь:

Пах... — Перестреляю!.. — гремит он из-за шума пулемета.

Сзади эшелона уже начали сгружать лошадей.

— Ура!.. и казачий эскадрон бросается из-за деревьев к насыпи.

Жжж... та-та-та...

— Подождите, голубчики!.. так-так — пулемет горгочет, скашивая кавалерийскую цепь.

— Митька, ленту...

И опять...

— Уходят, проклятые, — и Пережогин в догонку им посылает еще несколько очередей. — Митька... ленту!.. — Он оглядывается, но Митька улепетывает к эшелону.

В хвосте поезда раздается взрыв, потом несколько голосов:

— Броневик!.. броневик!.. — все кидаются к лошадям, — стаскивают их, знуздают, садятся, бросаются в рассыпную — кто куда, в кусты, в тайгу...

Из-за поворота, там, за деревьями, показывается дымок броневика.

— Эх, дьяволы!.. — и, взвалив на себя пулемет, Пережогин двигается к эшелону.

— Митька, застрелю!.. — тот остановился — давай лошадь!.. Подвел: взвалили на нее пулемет — вьючат, садятся...

Бабах... разрывается снаряд с броневика...

— Товарищ Лазо, это пережогинцы золото делили... Прикажете догонять...

— Нет время, забирайте то, что есть. Дальше едем.

— Есть!..

— Эшелон под откос, паровоз прицепить в голову, — соединить проводами.

— Есть!

— Товарищ Лазо, они много побросали — вот ящики, — смеются красногвардейцы-рабочие, тащат ящики в броневик.

— Скорей, товарищи! — и Лазо продолжает смотреть в бинокль.

— Товарищ Смирнов, — говорит он начальнику пуле-

метной команды, — снимите дрезину, поезжайте вперед, там что-то неладно: прощупайте пулеметом тайгу... кажется их обстреливали и другие. . . казаки...

— Да, кочегар с эшелона только что говорил...

— Ну, быстро!.. — и Лазо углубляется в карту, делая отметки на планшетке.

Гремят вагоны эшелона, сваливаемые под откос. Включают паровоз. Готовят дрезину. Быстрый, уверенный темп работы.

— С такими ребятами можно сделать чудеса, — думает Лазо, смотря за работой команды броневика.

— Скорее в Карымскую, — невольно срывается у него, — там... Оттуда — из тайника его дум: — надо во что бы то ни стало поспеть туда, удержать ворота к Амуру... иначе — армия погибла... иначе... что то с Ольгой, —- и еще глубже уходит мысль...

— Скорее!.. не выдерживает он и берет трубку аппарата:

— Готово?

— Готово! — отвечает невидимый.

— Трогайтесь!.. развейте максимальную скорость: у нас теперь два паровоза — надо наверстать потерянное.

— Есть! — отвечает невидимый и броневик срывается.

Глава 8 я

ПРИМОРСКАЯ ТРАГЕДИЯ В 5 ЭПИЗОДАХ

1. «Братушки»

На мирно голубевший рейд
Был, как перчатка, брошен крейсер.

Н. Асеев.

Ночь во Владивостоке. Желтые отблески фонарей сгущаются на перекрестках улиц, ложатся серыми пятнами на

фасады домов. Сверху с сопок — город притаился, как чудовищный спрут, вытянул свои длинные кривые щупальцы-улицы. Со стороны бухты — огни города — сказочный остров среди океана тьмы.

Ночь необыкновенная. То-есть необыкновенной она явилась бы для нас. Жители Владивостока уже привыкли к этим ночам, полным нервного напряжения и беспокойных снов.

Метлы прожекторов перекрещиваются с разных концов бухты. В их свете мачты кораблей, ползуче-лениво дымящиеся трубы пароходов.

Вот луч упал на фок-мачту с развевающимся японским адмиральским флагом...

Через окно Совета внучка сторожихи смотрит на бухту.

— Что это за пароход? — спрашивает она выходящего из здания члена Совета Лифшица.

— Это... это «Микасо» — японский броненосец, — отвечает Лифшиц.

— Японцы? А откуда они — наивно спрашивает девочка.

— Известно, откуда — из Японии, — раз'ясняет Лифшиц. И вслух смеется:

— Владивосток ведь гостеприимный город. Всем места хватит.

—————

Из утренней газеты:

> ...в конце концов надо понять, что мы стремимся не к возврату капиталистического государства, а к самой широкой демократии. Права всех наций должны быть для нас святы и неприкосновенны.

— Ишь, как расписались, — прислонившись к тротуарной тумбе, говорят двое грузчиков, просматривающих газету.

Утреннее солнце ласково пригревает обоих. На Светланской уже много народа. Спешат по своим делам, в учреждения... Как-то особняком, более медленно шагают чешские солдаты, офицеры...

— Ишь — «братишки»! — сердито, сквозь зубы, цедит один из рабочих.

— Ты что это на них вз'елся, — говорит его товарищ, — Ведь и чехи страдают.

— Очень — как же! Чем же они страдают? Если бы завтра началась война между нами и японцами, то вряд ли братишки будут в нашем лагере.

— Ну, это ты брось. Чехам не до войны. Им на родину надо. Где им воевать. Да притом они ведь социалисты — противники войны.

— Да-да! Говори! Они все словами социалисты и против войны, а на деле — вдоль арсеналов и складов шныряют...

— Ну так что-ж. При чем тут арсенал...

— А то, что того гляди, опять что-нибудь подгадят.

— А Совет на что? Чай свои ребята — глаза зорки.

— Верю, верю, что свои... только на счет зоркости не скажу. Уж слишком они няньчатся с этими чехами. Вот уж и японцы приехали — гуляют, как дома...

—————

Таковы разговоры, настроения.

А «Микасо» сидит, сидит твердо в спокойных водах бухты и из труб его лениво ползет серая лента дыма, медленно вьется над городом все выше и выше...

2. За кулисы

— Ну?

— Это план крепости — место казарм красной армии здесь... Вот — экипаж... Там — пороховые склады...

— А это? — и палец тонкий, сухой, желтый, с большим холеным ногтем останавливается на заштрихованном участке карты.

— Артиллерийский парк! — говорит поспешно маленькая сухощавая фигура, с нервными порывистыми движениями.

— Парк, — это хорошо!.. — закуривая папиросу, говорит обладатель тонкого, сухого, желтого пальца. И седая голова с коротко остриженными волосами наклоняется над картой; рука начинает делать какие-то отметки в блокноте.

Люкса сбоку и сверху видит только небольшое ухо и тонкий и острый нос собеседника. Собеседник производит впечатление старого аристократа, русского генерала, дворцовой выучки, хитрого, тонкого, обходительного.

— Что говорят о чешской армии в Совете? — не подымая головы, спрашивает русский генерал в чешской военной форме. На левом рукаве у него, немного выше локтя, золотой щиток-погон с синей бархатной вертикальной лентой.

— Что?

— Нового, я хочу сказать! — добавляет тот.

— Вот! — и Люкса подал телеграфную ленту.

— А, это интересно! — доктор, смотрите сюда.

Тот подходит к нему, наклоняется, читает и —

— Ну, вы еще будете медлить?..

— Да-да!.. Сегодня же ночью надо решить... — и доктор Гирса нажимает кнопку. Еще...

— Что угодно, братче? — входит ад'ютант.

— Автомобиль, пожалуйста!

Ад'ютант выходит и тотчас же возвращается:

— Там, братче, приехал Суханов... Хочет с вами, братче доктор, говорить срочно.

Седая голова быстро подымается от карты, и генерал торопливо собирает сводки и план со стола. Звонит. Через другую дверь появляется молодой офицер.

— Возьмите это! Люксу отведите через черный ход и вывезите в закрытом автомобиле к бухте Улис.

— Слушаюсь! — рука к козырьку.

— Идите!

Оба уходят. Люкса пытается протянуть руку, но ее как будто не замечают.

— Шпион, а туда же с этикетами, — беззвучно смеется генерал, — и все-таки он молодец.

— Как бы они не встретились с Сухановым.

— Не беспокойтесь, доктор. Через минуту я ухожу, не хочу видеть этого... он останавливается.

В дверь стучат.

— Войдите!.. — говорит немного необычным голосом доктор Гирса, член национального совета чехо-словацкой армии в России.

Быстро входит Суханов, — простое, открытое русское лицо его чуть-чуть освещено улыбкой; чесунчовая косоворотка и поверх ее студенческая тужурка дополняют его молодость и жизнерадостность. Но здесь надо быть на чеку и серьезным, и — он серьезен.

— Генерал Диттерихс, — знакомит их Гирса. Оба нехотя протягивают руки. Здороваются. Все садятся.

–––––

— Товарищ Тонконогий, автомобиль готов.

— Вижу! — он в это время смотрит через окно на улицу и видит, как проходит небольшой отряд чехов. Коренастые, крепкие, они чеканно и легко шагают по асфальту.

— Видите?.. — говорит он товарищу.

Смотрят, не говорят, потом:

— Я вечером уезжаю на фронт — держите со мною самую тесную непрерывную связь. Информируйте меня чаще. А сейчас позовите этого... — он остановился.

— Кого?

— Ну, как его, эмигранта, маленького, черного, сухощавого... Ну, что работает по связи с чешским штабом.

— А, Люкса!.. Сейчас, — уходит.

Тонконогий углубляется в сводку. Молодое черное, с едва пробивающимися усиками лицо, даже очень молодое, чуть-чуть пухлое; плечи покатые, слабые; узкая впалая грудь.

Но зато какие тихие ясные глаза, такие глубокие и грустные. Как он стал военным? Был офицером в царской армии. Сейчас — командующий войсками Приморской Области. — Про это знает только одна гражданская война, да Великая Русская Революция.

Вошел Люкса. Панибратски поздоровался и, бесцеремонно развалившись в кресле, вынул портсигар, — хлопнул по крышке, открыл и протянул его Тонконогому. — Тот мотнул головой.

— А! я и забыл, что ты не куряйшь.

Тонконогий улыбнулся на его постоянное и как-бы намеренное неправильное произношение слов.

— Знаете, Люкса, — чехи что-то уже очень стали разгуливать... Потом ребята говорят, что у них там под лагерями у Черной речки роют окопы. К чему это все... Ваши сводки неопределенны. Дополните — все, что знаете нового.

— А что я знайт... знайт, что все чепуха: они верят Суханову... ждут пароходов... ухаживают за бабами, ну и... немножечко побрякивают своими австрийскими винтовками без патрон — и все.

— Все ли? — Разоружить их бы надо...

— Вот как раз то, что надо Диттрихсу, который ждайт только этого, чтобы устроить провокации, на которую никак не может сговорить Гирсу. А Гирса — умный, но трусайт чуть-чуть... — он знайт — чехи не хотят воевать... А вот это их заставит взяться за оружие... Слышал — как было Иркутске.

— Да-а, может быть так.

— Так, я говорю... Я сегодня ночью достану такой документик, что вы все ахнить — как они любят друг друга. А это — гарантий, что ничего у них не выйдет — уедут себе. Только не надо дразнить гусей. — Пауза. Потом, как бы вспомнив:

— Да, ты едешь на фронт?

— Сегодня ночью.

— Я поеду с тобой — надоело здесь болтаться в тылу да возиться с этими олухами...

— Ну, что же — едем...

Большое здание Чосен-Банк. Находится оно в самом центре города, по Светланской.

Быстро оглядываясь, юркнула в его зеркальные двери фигура в сером.

Бегом по лестнице.

К окошечку кассира за решеткой:

— Чек, пожалуйста чек! — и рука в черной перчатке в окно.

Здороваются — на пальце перчатки горит рубин с крестом.

— Коросо... коросо... — и японец улыбается, приседает, — как здоровье английского посланника?

— Он вполне здоров — и глаза на подпись на чеке; а там — английский росчерк красным.

Оба улыбаются. Из большого стального шкафа пачка иен вынута и вкладывается в руку в черной перчатке.

— Вот, поджалюйста, господин Люкс...

Быстро палец к губам и охват глазом зала. — Никого! Палец с рубином грозит через окошечко. — Японец скалит зубы:

— Коросо... коросо...

3. Заседание Совета

— Заседание Совета считаю открытым!

На председательском месте Суханов. Ему лет двадцать восемь-тридцать. Интеллигентные тонкие черты лица.

Его знает Владивосток. Он подпольный работник. Для кого товарищ Суханов, для кого Суханов, а для кого просто Костя.

Его доклад:

— Товарищи! Мы получили приказ Троцкого. Он предостерегает нас от чехов, находит их скопление в Владивосто-

ке нежелательным...

— И верно! Верно! — раздаются голоса с мест.

— Товарищи! — продолжает Суханов. — Я все-таки думаю, что опасность тут преувеличена...

Он останавливается, подыскивая подходящих слов для выражения своей мысли.

— Вы идеалист! — резко перебивает его Раев — у вас розовые очки. — Дайте мне слово!

Суханов смущенно заканчивает свою речь двумя, тремя фразами. На трибуну поднимается Раев.

— Мы не должны идеализировать права наций. В революционной борьбе нации — орудие в руках классов. На чьей стороне будут чехи завтра? Кто нам может это сказать, гарантировать?

— Чехи — друзья японцев! — кричит кто-то с места. — ...Долой чехов...

— Успокойтесь, товарищи, — говорит Суханов, наружно спокойный, но волнуясь не меньше кричащего, — давайте высказываться по порядку.

— Какая опасность от чехов? — говорит один из ораторов — учитель Буржин. — Это самый миролюбивый народ. Им нужно на родину — вот они и сидят во Владивостоке — ждут парохода. Причем тут японцы?

В середине дебатов входит взволнованный товарищ Лифшиц. Он подходит к председательскому столу. В руках у него телеграфная лента.

Суханов поднимается:

— Товарищ Лифшиц хочет сделать важное сообщение.

— Просим, — кричат с мест.

— Товарищи,—говорит Лифшиц, передвигая между пальцами ленту. — Это... это сообщение от Краснолобова — и, запинаясь, читает по ленте:

...предлагаю... разоружить чехов... учредить строгий надзор... поторопитесь эвакуацией...

В зале тихо. Суханов нервно кусает губы.

Члены Совета колеблются.

— Товарищи, — наконец, говорит Суханов — мы достаточно высказались. Вносите предложение.

Постановляют Суханову поручить переговорить с Гирсой об ускорении эвакуациии чехов.

— Опять полумеры — говорит недовольный Раев — ведь не так надо действовать! не так!..

Но сильна еще в членах Совета вера в социализм чехов и в миролюбие японцев.

4. Переворот

— Что, я вам говорил, говорил!.. Наивные люди, — это говорит Лифшиц, а все его по-товарищески зовут просто — Джером. Он эмигрант, маленький, сгорбленный, машет руками и трясет часто носом. — Ах! наивные люди, — и он нервно продолжает ходить по залу Совета.

А в окно видно, как Совет уже окружили чехи и вот-вот ворвутся. У окна стоит Раев.

— Да, табак дело, ерунда! — чешет он в затылке своей лапищей.

— Оставьте вы, скептики — это недоразумение...

— О-о!!.. — только и может выговорить Джером.

— Ну, вы, известно, панический человек, — и Суханов убегает в соседнюю комнату. Через минуту оттуда возвращается переодетым и через сад спускается к бухте на автомобиле. За ним убегает комиссар труда Губельман. Он встревожен, но еще надеется:

— Ничего — еще не так страшно, товарищи... — бросает он на бегу, — ждите, сейчас вернемся...

— К Гирсе поехали... сговариваться, — бубнит Раев.

У дверей тревожно возится сторожиха.

— Сговорятся, — отчаянно плюется Джером — и боком-боком проходит по коридору к выходу.

. . . .

— По команде — марш, с бомбами на Совэт!.. и чешский поручик идет к Совету.

Ультиматум:

— Двадцать минут для сдачи Совэта! — и смотрит на часы. Поднимает руку. Стрелки пригибаются, ждут...

— Ма-арш!..

— Ура! — цепь чехов веером разбрасывается по улице, замыкая кольцом Совет; перепрыгивая через забор, заполняет сад. С бомбами они врываются в Совет.

Никого — пустые комнаты... Только сторожиха, тетя Дора, за стеклянной перегородкой энергично трясет головой, да машет угрожающе своими старческими кулаками чехам — она их не пускает в зал.

Треск — дверь ломается...

Совет взят.

Сторожиха сдалась...

Грузчик, поднявший смерти куль,
Взбежавший по неба дрожащему трапу,
Стоит в ореоле порхающих пуль,
Святым протянув закорузлую лапу.

Н. Асеев.

Утро.

— А хорошо сегодня, солнышко...

— Ну-ка, поддай, миленькие, — и грузчик подмахнул под семипудовый куль с жмыхами, — крепко! — И крякнув, зашагал врастающими в землю ступнями ног к штабелю.

— Эй, стой, — бросай грузить!.. — и вбежал на конвеер молодой грузчик: слышишь, стреляют — смотрите, на Совете чешский флаг...

— Что? — и все впились глазами в сад, за которым, на берегу бухты виднелся желтый карниз Совета, а над ним из-за деревьев на флаг-штоке колыхал краснобелый флаг.

— Остановить конвеер! — кто-то гаркнул. Подбежал, рванул рычаг. И визг роликов спал. Тишина — напряженная, ждущая.

— Смотрите — смотрите: японец повернул орудие на Со-

вет... снимают чехлы...

— Что это?..

Все вздрогнули — склянки на судах начали отбивать девять.

— Что ждать? — тот-же голос рявкнул, что остановил машину; — идем выручать Совет!

— Идем! — загудела толпа.

— Открывай амбар, — оружие!..

— Вон-вон! Так! — и грузчик прильнул к подоконнику и прицеливается в крайнего чеха, что лежит рядом с пулеметом. Спустил курок. Так его...

— Чок — по стеклу, косяку — в стену.

— Ишь — палят...

— Ну-ка, ребятки, зараз по братушкам:

Тар-рах... тах-тах... — в разнобой рванулись винтовки.

— Ишь, заворачивают... Так их крой... — и еще через окна и балконы чекотня выстрелов.

Квадрат площади между зданиями штаба и вокзала, как на ладони у грузчиков. Чехи не пустили их к Совету. — Пришлось им засесть здесь. Но невыгодная позиция и у чехов. Они отходят перебежками на Пос'етскую; часть отделилась — бегом за вокзал...

— И-эх... дьяволы... — и грузчик рванул левую руку: пониже локтя капала кровь. Разорвав рубаху, стал перевязывать. — Перевязал, положив винтовку на подоконник, приложился и опять...

Где-то сзади застрочил пулемет.

— Обошли, проклятые! Крой, ребята, через подвал к бухте.

Бросились в разные двери по черной лестнице. Кто-то хватил на балкон — хотел спрыгнуть, но подстреленный свис, а потом рухнул...

— Не разбегайсь — вместе... будем отстреливаться...

Задняя широкая дверь была забаррикадирована трупами — все, кто пошел, попали под пулемет — не вышли.

— Патронов!.. — и грузчик с размаху ахнул о чугунный переплет лестницы винтовкой...

У главного входа залегло несколько отчаянных: не дают подойти цепи и только — на выбор, прямо в лоб кроют.

...Погорячились — все выстрелили и смолкли, затаившись, вольнув в плиты ступеней.

Чехи подкатили пулемет и засеяли горохом по входу. — Не было спасения.

Смолкли — решили — все кончены.

Цепь поднялась, рванулась к под'езду. Впереди — чешский офицер белый, безусый, с браунингом.

— Братушки, за мной!.. — и первый в дверь.

— Вот вам, иуды! — рявкнул грузчик и, обрушив что-то огромное на голову поручика, раздавил его.

Один миг — несколько чехов к нему... Опять взмах — это скамья, — и сбил наступавших с ног.

— Вот вам!..

Тах, — выстрелил в упор подбежавший чех.

— Иуды! — еще успел выдохнуть грузчик, захлебнулся и рухнул...

— Ур-ра!!..

Штаб крепости был взят: грузчики сдались — ни одного живого.

5. Похороны

Их тысячи суровых, непокорных,
Спускались с гор, сбирались с сумрачных окраин
В великую толпу к алеюшим гробам.

В. Март.

Когда свершилось это — никто не поверил: так было все необычно, неожиданно, невероятно, нелепо.

Братушки свергли Совет...

Боролись только одни грузчики.

И вот, когда ошеломленный город проснулся — Совета уже не было, члены его были все арестованы, и надо было хоронить павших.

Волнами, лавиной с гор двинулись рабочие окраины в центр города и затопили его главную улицу — Светланскую...

Это было стихийно...

Красные гробы, подхваченные этой могучей волной, были перенесены туда, на площадь, к штабу крепости, где бились вчера живые и где пали они за Советы.

И все время похоронный марш в этом городе, полном врагов, сегодня чужом, он звучал гордо призывно — своим, и вызывающе — чужим, врагам.

Эти чужие, враги, сегодня победители — жалкие, трясущиеся, прятались по своим балконам и издали, из-за занавесок наблюдали картину народного гнева — сплоченности против них, бесстрашия...

Гробы точно говорили: нас убили, а смотрите — сколько новых идет за нами, готовых на жертвы и подвиги.

Придет время, говорили они:

Настанет час
И наведут они на вас
Не хрупкие бинокли из балконов
Нет! Жерла пушек и штыки...

В этом городе победителей — побежденные чувствовали себя сегодня хозяевами.

И свисали гирляндами с гор новые толпы, вливаясь в общий поток похоронной процессии.

Сотни, тысячи женщин белыми венками окружали гробы.

Сомкнутыми колоннами шпалер двигались твердые, как сталь, рабочие ряды.

Город не видел такой демонстрации никогда!

Вооруженные чехи испугались безоружной толпы — они не посмели ей противиться, когда она потребовала на похороны представителей арестованного Совета.

И председатель Совета — Суханов поднялся над толпой.

Вопль радости и горя вырвался из тысячей грудей.

Костя не мог говорить — он только, указывая на гробы, призывал клясться навсегда в верности Совету.

Бурей ответила толпа, в этот миг готовая на все.

И если бы Костя, этот товарищ грузчиков и слесарей, воскликнул: — идем за Совет!

Лавиной, все сметая на своем пути, ринулась бы толпа.

Но на рейде стояли:

«Микасо» — японский броненосец, с наведенными на демонстрацию орудиями;

«Бруклин» — американский крейсер.

И —

«Суффольк» — монитор просвещенных мореплавателей.

Глава 9-я

...ГРЯНУЛ

1. Никольская каша

Широкий светлый станционный буфет первого класса. В буфете — никого. Только вон там, у окна, на солнечной стороне, за столиком, сидит человек. Он читает газету, пьет чай. По временам он откладывает ее и скучающим взглядом обводит пустой зал. Ему все равно — он закуривает папиросу. Можно подумать, что он обладает большим терпением.

Бритая голова его блестит. Кто он, пассажир? — Но через плечо у него бинокль — больше никаких вещей.

— Николай, слушай, как ты сюда попал? — и Ильицкий быстро и цепко схватил сидевшего за руку.

— А ты? — тот спокойно.

— Я? Ну, я понятно, — я тут со своим вагоном, — еду по поручению во Владивосток.

Бум-м-м...

— В чем дело? — Ильицкий вздрогнул.

На перроне Никольск-Уссурийского вокзала забегали. Промелькнул мимо окон красный околыш дежурного по станции.

_____

— Через полторы минуты еще ахнет, — смотрит на часы молодой подрывник. Щеки его горят, молодое лицо сияет, глаза возбужденно блестят.

— Где ты, скорее! Баранов! сюда к дрезине.

— Есть! — доносится из глубины туннеля.

Бум-м-м! И грохотом наполняется туннель.

Маленький толстенький коротышка выныривает из дыма.

— Есть, Адольф! — вскакивает на дрезину.

На задымленном, скуластом его лице — глаза как щелочки, да зубы.

— Едем, ребята! — и двое подрывников начинают крутить передачу.

Через несколько минут, из дыма и холода на солнце.

Туннель Раздольного позади.

Скорее в Никольск-Уссурийский.

Туннель взорван!

Первая преграда чехам есть.

_____

Броневик дрогнул и откатился назад.

— А!... проклятые, — взломали и туннель... — и чешский поручик спрыгнул с полувагона на насыпь. За ним несколько солдат. — Команда двинулась в разведку во внутрь туннеля.

Сзади подходил эшелон чешских войск 5-го стрелкового полка.

От эшелона к броневику бежал офицер:

— Братче, что случилось?

Из броневика высунулась голова:

— Братче, поручнику — болшевики взломали туннель.

Штаб полка сейчас же был соединен по телеграфным проводам с командующим и доносил:

— Братче, командующий!

. . . .

— Большевик взломал туннель...

. . . .

Поручик улыбается — командующий в ответ выругался русским матом.

— Есть, братче!

—————

Команда:

— Эшелон, выгружайсь...

— Саперы, в тоннель!

И 5-ый стрелковый полк двинулся обходной колонной через сопку к городу Никольску.

—————

Вокзал гудит.

Эшелон за эшелоном прибывают красноармейцы.

Буфет мигом наполняется — все хотят есть, кричат, разговаривают, — спорят.

— Вот тебе и Владивосток...

— Приехал, — закончил Ильицкий и улыбнулся. Они вышли из буфета и пошли по перрону.

Мимо них, пересекая дорогу, быстро прошел на ходу, поздоровавшись с Ильицким, военный. Он скрылся в дверях телеграфа.

— Это комвойсками — Тонконогий... — Ильицкий понял поворот головы Николая вслед удалявшемуся.

Когда они повернули обратно, Тонконогий уже вышел из телеграфа.

— Так и знал! — они снова встретились — Тонконогий шел с ад'ютантом.

— Ничего не слышно из Владивостока? — Ильицкий подошел.

— Ничего, — сообщение прервано...

— А оборона?

— Вот, как раз то, что сейчас надо организовать. Но со мной штаба нет. Гродековский еще не прибыл.

— Может, я чем могу помочь?

Невероятно глупая обстановка...

— Да! Вы?

Тонконогий думает.

... — Вот и еще товарищ, мы с ним вместе были в армии Лазо, на Забайкальском... Он там командовал участком фронта...

— Николай! — зовет Ильицкий.

Тот подошел.

— Вот, товарищ Тонконогий... — поздоровались... — можете нас использовать.

Буум-м м — доплыло эхо, глухое в солнечном ярком дне, как бы растворилось, заглушенное жарой.

Все повернулись...

— Это Раздольнинский туннель!.. хорошо — задержка чехам...

— На долго? — Николай смотрит на Тонконогого.

— Нет... вот почему и надо здесь организовать оборонительный рубеж — идемте в мой вагон, — там набросаем план обороны... пока стянутся части...

— А во Владивостоке есть какие-нибудь наши войска? — на ходу Ильицкий.

— В том-то и дело, что нет: все были отправлены на Гродековский фронт.

— Легко начали чехи...

— Легко!..

— А кончат?..

Вошли в вагон.

Уржжжжжшшш... — мотор заведен.

Крыло семафора прямо.

Жезл в руках моториста.

— Едем?

— Едем! — дверка захлопывается.

На полотне у стрелки стоят Тонконогий и Ильицкий.

— Живей возвращайся!.. — в догонку.

Автобус плавно ускоряет ход.

Вот мелькнул семафор... Диска... и увалы пошли, потянулись слева от Китая... А справа — бледные очертания Сучанских хребтов.

На раз'езде замедляет ход...

Кто-то машет фуражкой...

Начальник раз'езда красный флаг выставил...

— В чем дело? — Николай из окна.

На подножку автобуса вскакивает военный в гимнастерке... на поясе наган... лицо потное, глаза мигают — и растерянные.

— Вы, товарищ, куда? — спрашивает.

— А вам что, товарищ?

— Подвезите меня — мне нужно до следующего перегона.

— А вы кто?

— Скажу потом — здесь неудобно...

— Едем! — мотористу.

Автобус ускоряет ход.

— Ну, товарищ?

— Я... в Хабаровск... от фронта — организовать тыл... сформировать отряды.

— Вы?... Кто послал?..

— Я!..

— Вы... Кто?

— Я! Комфронта Гррдековского...

— Кто?

— Абрамов...

— Моторист — стойте!..

Жжжжиии... шшшшшшиии...

Дверь автобуса настежь:

— Сейчас же вылезайте.

— То-есть, как?..

— Без разговоров!.. — и челюсти Николая хрустнули... Глаза недобрым огоньком:

— Ну?..

Вылез...

— Место командующего там, на фронте!

— Я... знаю... вы...

— Вы — трус!..

2. Крепкая сила

...Колоссальные возможности! — думает: край, который таит в себе неисчерпаемые богатства, бесконечные возможности.

— Нет! — говорит — вслух: этот край должен победить. Вы знаете, что здесь есть?

— Ну? — несколько голосов.

— Как нигде, здесь есть удивительный материал: кованные люди, крепкие, таежные... С метким глазом и твердой рукой... — Они победят — не отдадут край...

— Сейчас?

— Все равно, когда — их будет!.. Посмотрите — вот они!

И он опирается о косяк окна, смотрит. Высокий, здоровый, с крепким затылком и шеей, широкоплечий.

— Ну! — и он поворачивается: золотая оправа очков блеснула — крупный нос, резко очерченные бритые губы, квадратный подбородок, — сила, чуть-чуть ирония чувствуется в этом большом открытом лице, темном от рамы кудрявых черных волос, с широкого лба — назад.

А внизу, под окнами корпуса на лужайке плаца и ниже в лог и на шоссе к вокзалу тянется колонна вооруженных людей.

Это — красногвардейцы с базы. Все здоровые, крепкие, загорелые ребята, есть и старики; все это — грузчики, возчики, крючники...

Словом — база Хабаровская, широкоштанная, живописная. Винтовки они несут, как хорошие дубины.

— Что, товарищ Краснолобов?

— Ничего!..— они будут драться не плохо. Надо им только твердую руку, да военную голову... И этот человек — сам твердый и уверенный — любит настоящую кованную силу. Недаром он Преддальсовнаркома.

— Вот, задача — вам, военным, сделать из этой разношерстной буйной силы — крепкую, стойкую, дисциплинированную.

— Это значит — сделать Красную Армию!..

— Да-да! А теперь — доклады, товарищи, — Краснощеков[1] отходит от окна, садится к столу и начинается работа.

Заседание уже кончено — начали с рассвета.

Теперь проведение в жизнь решений.

И, как машина, методично, по-американски работает Краснолобов.

— Мобилизационный отдел окончен: его начальник сделал доклад — двадцать тысяч двинуты на фронт, уже в дороге...

— Амурские канонерки довооружены и уже форсируют в Уссури, к Ханке и на Амур к Николаевску, — докладывает только что назначенный молодой матрос — начальник Амурской флотилии.

— Продовольствие? — и Краснолобов подымает очки от блокнота, чуть улыбается: он знает — богат край продовольствием и фуражем.

Цифры быстро столбиками ложатся на блокнот.

Кончено. Точка. Итог:

Солидный — можно быть пока спокойным.

Добавляет только:

---

[1] Далее в тексте А. М. Краснощеков (Краснощек), председатель Дальневосточного Совнаркома в 1918 г., фигурирует то под своей реальной фамилией, то как «Краснолобов» (*Прим. ред.*).

— Не стесняйтесь! — где надо — крепче, тверже... вот план... — большая графика цифр и пунктов комиссару продовольствия передана.

«Фронт — это самое главное», — думает он, нажимает кнопку; коротко:

— Товарища Саковича.

. . . .

Быстро, боком, с бегающими маленькими глазами, сутулый, худой, в очках, с высоким торчащим воротничком — шея в нем, как у гуся, болтается, — входит:

— Я, товарищ Краснолобов.

— Фронт?

— Самое неопределенное...

— Что?

— Будто бы наши немного потесне...

— Не будто бы, товарищ командующий, а точно — что?

Плечи командующего — треугольником — голова недоуменно качнулась.

— На фронт нам с вами надо, вот что, товарищ Сакович... А сейчас — к аппарату идемте!

— Товарищ Мировский, Тонконогий?

Говорит Краснолобов, — как фронт?..

И тягуче идет по ленте:

...тревожно, слабые участки фронта — мало сил... Только что подорван наш броневик. Началькик штаба сам выехал на броневике на выручку... — Шлите скорее организованную силу и командный состав.

Последняя буква на ленте, точка, и:

— Еду сам, — резко телеграфисту...

— Еще? — телеграфист остановился.

— Точка! Саковичу — идемте в мой вагон... На ходу:

— Скажите своему ад'ютанту: сейчас же паровоз — на фронт...

—————

Ни зги.

...Свист ветра, да грохот колес.

А по бокам, по насыпи мелькают какие-то тени, что-то кричат, но...

— Ни черта не разберешь!..

Броневик — визгом в ущелье, еще темнее... Рельсы заворачивают влево, а там, из-за поворота — два глаза: фонари...

— Что?...

Паровоз! — столкновение!!.

— Стой!!!...

И с насыпи воплем:

Стой!-стой!-стой! Тени машут, кричат что-то.

Тормаз рванул.

Как в лихорадке трясет броневик: искры из-под колес — не катится, а скользит по рельсам.

Близко глаза, огромные фонари — вот:

Трах... — треск...

Миг — и всем ясно.

Крушение: где? Что? Почему?

Но с насыпи уже раздается звонкая команда начальника штаба:

— Команда броневика, сюда, к эшелону... — Один за другим в темноте, кубарем скатываются красногвардейцы с броневика: ничего — благополучно... Только — передняя площадка броневика — вдребезги, в щепы, да бедняге артиллеристу оторвало ногу...

— Несите в задний вагон товарища, — быстро та же команда.

К эшелону:

— А ты что, машинист, — знаешь, что броневик из Евгеньевки вышел... Почему выехали, где жезл?

— Нет его... Заставили...

— Что-о?.. — сообразив:

— Назад, к Мучной!..— и одним прыжком на паровоз, за ним — команда с броневика.

\-\-\-\-\-

— ...Я... я...

К печке прижат штыками человек. Его лицо не отличишь от изразцов: как мел! Только глаза в огне.

— Давай жезл!.. — один из обезумевших в панике.

— Что, вы с ума сошли? — и браунингом на трусов.

Расступились штыками — трупом валится обессиленный начальник раз'езда.

Потом к этому, с браунингом — штыки:

— А ты кто такой?

— На фронт, там чехи подорвали броневик, — вместо ответа им.

Но паника цепко сдавила их душу — сорвала маски, глаза в безумии:

— Окружены!.. Ты тоже предатель! Едем с нами обратно... В штаб...

— Трусы — один останусь! Ни шагу ко мне — и прямо в гущу наступающих браунинг втиснул.

— Ту-у-у-у...

— Айда, бросай!.. Скорей — эшелон уходит, — как волной схлынули и догонять эшелон.

И — командир за ними...

К фонопору:

— Товарищ Мировский — Никольский батальон бросил фронт, встретьте надлежаще.

— Пулеметами!.. Ты тоже не оставайся один — что сделаешь?

— Остаюсь, все-таки...

— Приказываю...

— Остаюсь!

— Расстреляю!

— Можете!

— Сумасшедший, чорт с тобой... Оставайся...

— Правильно!

Николай один...

Побелевшими губами шепчет, дрожит стрелочник, ему:

— Товарищ, ваш броневик тоже ушел за эшелоном...

... — И эти струсили, значит... Совсем один остался: вот так авангард... Выручил...

Сел к телеграфному аппарату, а возле положил браунинг.

Подумал про себя, а вслух вышло:

— Ловко...

–––––

... — А ведь они разорвут его в клочья, заколют... — и проводник в страхе зажмурил глаза и присел на пол в коридоре вагона.

...Нет! — Тише... Все тише бурлит за обшивкой вагона море людское... вот застучали, захлопали железные листы крыши вагона — кто-то поднялся, прошел, стал и...

— Товарищи! — в жуткой тиши — не поверил проводник, приподнялся, чуть выглянул в окно:

— Он, заговорил: ну, значить все в порядке... — подумал и смело прошел по вагону. Заглянул в купэ — пусто...—Разбежались все, оставили его одного... Вот — товарищи... и штаны тут... Ай-ай, без штанов... — струсили — убьют... А еще на фронт едут... А он — крепкий, молодец... И проводник стал слушать.

. . . .

А Красношеков все говорил и говорил... Просто, понятно, немного с акцентом, но ясно, и главное, — так просто и вразумительно и нужно. И все больше и сильнее чувствовалось — ну, теперь они его поймут и — послушают:

— Правильно!..

— Дельно говорит!..

Вот уже там, здесь раздается в толпе вооруженных людей с такими возбужденными лицами и злыми и недоверчивыми глазами.

И чувствуют, что правда: и никуда им не уйти от чехов — все равно будут бить, край разорят; драться, как ни прикладывай, все равно придется... хоть сейчас... али — потом...

И ясно всем — сейчас легче побить, потом будет труднее.

И разве он гонит насильно:

— Идите по домам, — слышал, говорит...

— Только, что вы там найдете — чехов, которые по одиночке вас расхлещут, да поперевесят, а здесь, вот сейчас вы — сила... И мы спасем от разорения край и завоюем революцию.

И так кончил.

Все знали теперь, что уж это так, и что надо драться... а раз драться, так серьезно... и — решили тут же, ночью:

— На руки его, качать!.. В вагон... да с ним на фронт...

— На фронт!.. — гудела толпа...

Сами прицепили эшелон к его поезду и айда... С песнями и твердостью.

А Красношеков спокойно у окна, один — смотрит в ночь, в искры, полосы огня от быстро мчащегося паровоза... а сзади — громыхает эшелон хороших ребят.

— В штабе недочет... думает он и чуть-чуть улыбка, но никто не видит: в купэ темно и один.

3. Цепи желтого дьявола

Гудит... Стонет протяжно, колышет, качает воздух, забирая за собой хвостом:

У-х-х-хху... у-хуу... у-хуу...

Тяжелый снаряд через легкие блиндажи окопов в прорыве между железной дорогой и цементной сопкой — левого фланга боевого участка фронта.

Грузчик сорвал шляпу и крестится:

— Господи, пронеси!..

Пролетело.

Голова из блиндажа высунулась, а рукой:

— Вон она, туды ее мать, вон! — и грузчик толстым зукорузлым пальцем туда за снарядом в тыл.

А другой, поглубже уткнувшись:

— Разве мы в силах воевать против всех наций?..

— В силах — потому, мы пролетариат!.. — нас везде много, больше всех...

— А что толку: оружия нет, а тут — техника...

...У-у-у-ух... у-ух...

— Вон она, вон она — опять загула...

Глубоко в блиндаже:

— Я, брат, всю германскую воевал — старый солдат, знаю... а ты чего — красногвардеец... ты и пороха-то еще не нюхал, и в штыковой не был...

— Буду — значит... не бойсь, не подгадим...

У у-ух... жжжеееиии...

— Их засыпает... в наступление собирается... вот погоди — к ночи... а то под утро...

Всю ночь косили пулеметы болотную траву у цементных сопок.

Свистала, визжала трава, как под литовкой, а сопки гремели, перекликались.

... — Как у тебя на правом? — по фоническому плотно к уху трубку, лежа на карте.

... — Весело поливают...

— А ребята? — опять с левого фланга... лежит, повернул голову.

Фонарь на полу, светом в лицо — молодое, загорелое, бритая голова.

— Молодцом! — И неунывающий голос Шевченко Гаврилы прерывается командой по флангу...

А потом к нему, на левый:

— Слышишь, я собираюсь сделать вылазку... темно, ни черта не видать, как бы не прошли проволоку чехособаки...

— Хорошо... у меня уже двинут батальон под прикрытием пулементых сопочек — ушли...

— Держи связь в случае заварухи — может быть, завяжется бой к утру...

— Ну, само собой... Только что-то не нравится мне это утро...

— Что?

— Да видно будет все... — желтые близко... патронов мало, да и ребята...

— Ни черта... хоть бы сам дья.......

Уух-жжи-жи...

. . . .

Начальник фланга на ухо Флегонтову, шопотом:

— Видишь — японцы... цепями... в лощину... на наш участок:

— Вижу... — смотрит в биноколь.

— Иди к батальону в цепь — ближе с ними... предупреди ротных... а я здесь буду, с пулеметами...

В бледном рассвете из под тумана, над высокой болотной травой красные околыши шапок цепочкой рассеялись... колеблются — двигаются перебежками...

Ближе...

Уже развиднело... и солнце.

Полыхнуло траву — зарозовело в росе, заискрилась омытая.

И — как красные маки — японские картузы близко поднялись... и широкой цепью с равнением по рядам — в атаку марш...

. . . .

.... — Японцы!.. японцы!.. — по редкой цепочке батальона.

Высокая тонкая фигура в папахе, бегом по цепи...

— Ребята — крепко!.. — не пори горячки... не стреляй... дождем, а потом в штыки... — и Флегонтов присел в середину батальона, опершись на винтовку.

Горгочет, двигаясь, японская колонна... Громкая гортанная команда офицеров...

Вот блеснула шашка — сейчас бросятся.

... — Японцы... японцы... — дрожью по рядам батальона.

Мертвая ждущая тишина да солнце!

Вдруг:

— Банзааай!.. — в ста шагах.

Дрогнул батальон, поднялся, и...

Но с пулеметных гнезд во время:

Тррррррр... та-та-та... та-та-та... та-та-та-та-та... — зарезали, застрочили и — стоп.

— Батальон, вперед!!. — хриплое...

— Урр-р-аааа!!! — ринулся...

. . . .

— Все, Николай? — нагибается Ильицкий с броневика.

— Нет, вон еще один! — смотрит в бинокль Тонконогий, комфронта.

— Подождем?

— Конечно!.. — и по вертикальной лесенке, на броневую площадку и к Тонконогому:

— Какого черта, ведь отбили атаку — чисто!.. ни одного японца — видите?..

— И уходим с фронта!..

— Что за чертовщина?..

Бууух...

— Видите? Сзади стреляют... а?

— Скорей! — кричит Ильицкий подходящему красногвардейцу, — скорей!

Тот бегом...

— Табак дело!..

Подбежал. Не может влезть — устал очень...

— На, руку! — и Николай принял от него винтовку, а другой за шинель...

Влез... тяжело дышит:

— Я ж говорил... разве мы... в силах воевать... против всех наций!..

Ильицкий не выдержал и раскатился: — сзади стреляют, впереди — никого.

...А здесь — «все нации»...

Броневик тихо стал отходить.

Фронт покидали без выстрела.

А в тыл — навели орудия.

Едем — приготовились...

На всякий случай...

4. Хвосты

— Чехи обошли, вот и отступили...

Длинный, черный капитан Сакович — спец, командующий войсками Приморского сектора, защищается.

Часто он вытягивает свою тонкую, жилистую шею и пальцем за воротник — выправляет его, точно он ему мешает.

Длинный салон-вагон.

Расширенное заседание командного состава фронта и Дальсовнаркома.

... Как быть дальше — японцы выступили...

Всех занимает неотвязная мысль.

— Вот кого нам благодарить! — и Краснолобов Ильницкому газету, через стол, передает: — Меньшевиков!

... — Вот, читай: «Нам не надо Дарданелл»... — и пальцем на заголовок — видишь, как упрашивает подлец Ходоров англичан снять с «Суффолька» дальнобойные орудия... Распинается...

— Упросил, сняли... а позавчера ими и садили по нам. — Николай из угла Ильицкому.

— А потом японцы пошли в наступление, — Сакович ободренно...

— А потом вы бежали... и со страху по своим стреляли... — Николай озлобленно.

— Ну, ну, это кончено! — и Краснолобов громко...

Чувствовалась накаленность атмосферы недоверия, плохой распорядительности командующего.

Краснолобов:

— Теперь нужно думать, как исправить... и все-таки перейти в наступление — обязательно... — разряжает атмосферу конфликта...

Но наступать!..

— Надо организовать партизанские отряды — хорошо вооружить, дорогу взорвать, да с магистрали долой... в сопки.

Никто не верит серьезности слов начальника левого фланга.

... — Паника... думают многие — струсил...

Но Ильицкий и Тонконогий поддерживают Николая.

Краснолобов молчит: он хочет бороться фронтом...

— Лазо бы сюда — думает.

А Сакович наклонился к Чумаку на ухо:

— Жена бросила: к белогвардейскому офицеру ушла...

Тот на него недоуменно...

А командующий еще:

... — И воротничков нет...

Чумак отвернулся, ничего не сказал... Не мог...

Встал, сплюнул, подошел к товарищу, говорившему о партизанских отрядах, хлопнул его по бритому затылку:

— Верно, брат — партизанить надо!

И вышел из салона.

\-----

... — В очередь! В очередь становись!.. — кричат из длинного хвоста.

Жарко, душно на станции... А хвост, извиваясь, бежит из станции на перрон, в станционный садик, там на пути к эшелону.

У столика в углу, потные, грязные сидят двое:

Гапон — комиссар финансов Дальсовнаркома и

Чумак — начхоз фронта.

— Получай! — и Гапон передает пачку косарей[1] красноармейцам.

А Чумак ему же — чистый паспортный бланк:

— Заполни свое имя и фамилию! Просто...

И движется хвост.

Приморская армия получает деньги и паспорта...

— Довольно, повоевали!.. — разговоры.

— Разве мы можем против всех наций!..

— Верно!

---

[1] Деньги выпущенные Дальсовнаркомом с изображением косаря.

— Ну, ты — «верно». — Гапон через дымчатые очки на него: — уже получал, хочет второй раз...

Шум, гам, ругня...

Не удалось — узнали...

— Дальше! Следующий...

И тянется хвост...

И это — не на одной станции — на многих: на Имане, на Бикине, на Розенгардовке...

Такие же хвосты.

Решили — приморскую красноармейскую часть армии мобилизованных распустить...

Распускают — рассчитывают:

— Даешь косари!..

В хвосте.

— А мы — в сопки! — и рабочий Временных Мастерских с Первой речки прикручивает покрепче ремешки сумки: — верно, товарищ Тонконогий!..

С ним уходит отряд, далеко — в тыл, к неприятелю...

Бодрые веселые ребята, все — красногвардейцы, все — рабочие.

Николай и Ильицкий прощаются с Тонконогим:

— Во Владивосток?

— Во Владивосток!

— Увидимся!

5. Кружево техники

Без края в ширь, серым стальным зеркалом лег у Хабаровского крутика полноводный таежный Амур. Такой же неверный, изменчивый, как гуран[1], сахалинец со своим метким карабином в тайге, на шурфах, как обманчивое близкое марево синего Сихота-Алиньского хребта.

[1] Амурский казак.

То безмолвный, беззвучный он катится в песчаных плесах хлебородной амурской житницы; то гремит, кричит и клекочет, прорываясь в Хинганских ущельях...

Вот по этому простору, от города Хабаровска, через трехверстную ширь переброшено чудо...

Амурский девятнадцатипролетный мост.

. . . .

— Мост! — Ильицкий в купэ Краснолобову.

Гром — точно в туннель эшелон:

Переплеты, радиусы, широкие угольники длинными линейками быстро вбегающие в воздушную высь. Там — крепко схваченные верхней дугой пролета... Вертикальные угольники—столбы перемычек.

Легкость переплетов — кружево, тенями полос в окна пульмановского вагона.

Краснолобов к окну.

Тайшин, Максим и Гапон — в купэ считают оставшиеся от хвостов косари.

А внизу, под вагонами — хрустят и трещат шпалы — мягко поют рельсы. А ниже — бездна десятисаженная:

Серое полотно Амура.

Шумит, бурлит, окатывая быки, пенясь вокруг — урчит недовольный волнами...

Широкий полноводный Амур.

Последним за Амур уходит Дальсовнарком и штаб.

За ними — прикрывая отход — броневик с подрывниками.

. . . .

... — Глупость! дурной, говорю, глупость... — широкий длинный начальник подрывной команды Лунев подбоченясь на броневике:

— Вот уедем, не взорвем — а они за нами... Шапкой нас накроют... И до Зеи не успеем доехать...

— Нельзя, он прав...

— А война? А мы... — армия...
— Какая там армия!..
— А крестьяне просили, слышал? — Наш питомник, говорят... ведь этакую махину исправить — года надо... Замучает край — хлеб подорожает в Приморье — а они только амурским и живут...
— Из Китая привезут... — и Лунев плюет в пролет моста, смотрит вниз...
— Тебе что — заложил под башмак[1], отмерил пятнадцать сажен шнура да и чирк спичку, — и скинул пролет— нет его...
— Да, брат — зато преграда...

. . . .

Эшелон заворачивает с моста.
Насыпь вниз, в закругление...
Мост в перспективе, чуть сбоку: белым бесконечным кружевом воздушные дуги ферм над гладью вод, на лазури горизонта...
— Красавец... —смотрит Ильицкий.

6. Зверь по пятам

«... Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...»

... — Играйте, играйте, мадьярские собаки! — и стэком по воздуху.
И вот, когда музыка грянула припев, — душу раздирающим воплем подхватил женский голос:

---

[1] Место, на котором лежат концы ферм.

«Это будет последний
И решительный бой.
С Интер...»

— А-а, заткните ей глотку, мать вашу... — и он рванулся к девушке, стоящей над обрывом:

. . . .

Разодрано платье — грудь открыта, черная коса бьется по ветру, огромные костры глаз,

квадрат корейского лица — смуглого загорелого, открытый, окровавленный рот — криком:

—Стреляйте, палачи! — и опять:

. . . .

«Это будет последний»

Хряст зубов и в раскрытый рот — браунинг:

— Б... комиссарская... подскакивает к ней сам атаман Калмыков:

нажим гашетки — глухой разрыв и

девушка валится под обрыв — в Ямур...

— Играйте... — к музыкантам с окровавленным браунингом.

Молчат...

... — Играйте!!.. мать... вашу... — играйте... и хохот:

— Ну!..

Мадьярская команда музыкантов спокойна: они выстраиваются на обрыве, как раз против памятника Муравьеву-Ямурскому.

Обнажают головы и —

Гром интернационала над обрывом, над простором Аму-

ра вызовом бросается атаману пленной командой.

— Пулемет! — ревет мальчишка-атаман.

— Есть!

Взмах стэком и ссск — хлест удара по желтому лампасу, по голенищу.

Тар-р-р... та та та тар-р-р

пулемет режет:

Интернационал замирает.

Один за другим валятся с обрыва мадьяры.

Все.

Обрыв чист. Только несколько музыкальных инструментов смятые, простреленные, в крови—на обрыве.

— Марш! — команда карательному отряду, и Калмыков на коня:

Желтые рейтузы, желтые лампасы, желтый околыш фуражки — желтый атаман.

— Ма-а-рш!

—————

— Сми-ир-на-а!..

— Равнение на-а середину! —

— Гаспада офицеры...

На скоку с рапортом командир дикой дивизии Скворцов к Калмыкову.

К желтизне атамана прибавилась еще одна: желтая бархатная попона лошади с императорскими гербами — тонкого английского рыжего мерина.

Кавалерийское карре замерло —только лошади стригут ушами да постукивают копытами, переминяясь.

Рапорт принят.

— Здорово, приморцы!

Гав-гав-гав-гав — рявкает карре.

Публика, прижатая к собору, шарахается...

— Ах!.. какой он душка... — и несколько лорнетов из белой группки стоящей у карре.

... — И как легко сидит — еще и еще:

... — ах!..

Танцуя, идет рыжий мерин по рядам карре: атаман здоровается — он сегодня победитель — после ухода большевиков из Хабаровска первый вместе с японцами вошел в город.

Атаман гарцует, приближаясь к белой группе дам.

Воздушные поцелуи, белые платочки, лорнеты, зонтики, веера — все приведено в движение, — в порыв приветствия:

— Ах, ах, ах!

Рыжый мерин — шарах...

Едва усидел атаман — больно впивается в бока лошади и на дыбах к белой кучке:

— Вам что здесь надо? мать вашу... Разогнать!..

Бомонд Хабаровска — ошеломлен, шокирован — шарахается к толпе:

— Ай!.. ой!.. ах!.. их!.. ох!..

Ад'ютант атамана сконфужен.

Но атаман — хоть бы что...

Приказ:

— По церемониальному маршу!..

... и заливается высокий тенор командующего парадом:

...По-це-ре-мо-ни-аль-но-му!!.

Калмыков стягивает мерина, собираясь пропустить колонну. Оборачивается.

Из толпы — рука: браунинг — в упор:

тах!..

одновременно:

— марш!

Колонны двинулись и спутались.

—————

А ночью рыдала тюрьма.

Калмыков со своими опричниками и одним другом — японским офицером, обходил камеры хабаровского Централа:

Каждого третьего застреливал он сам, а пятаго — штаб, по очереди.

В эту ночь было убито 513 пленных красногвардейцев — рабочих и крестьян Приморья.

Так мстил за выстрел испуганный, остервеневший атаман.

―――――

А через неделю застонала вся область: атаман Калмыков мстил крестьянам Приморья за поддержку большевиков.

Глава 10-я

В ТАЙГЕ

1. Улыбка осени

— Ать, черт...

— Ха-ха-хо-хо!.. Что думаешь?...

Лошадь Ильицкого споткнулась, — он ткнулся в гриву, больно ударился о луку, левая нога вылетела из стремени... и в тряске, не овладев еще тактом хода — Ильицкий и Либкнехт взбегают на конях к обрыву.

Ильицкий, восторженный, экспансивный — он привстал на стремена и смотрит на ту сторону широкой, полноводной реки, в степь, в золото осенних обожженных полей.

Либкнехт — спокойный, точный вынимает из кобуры Цейс и радиусом охватывает простор. Через минуту —

— Ты, что думаешь?..

— Я думаю... — стой Васька, стой! — он потрепал по шее своего рыжего монгола, — я думаю о Калифорнии, об аме-

риканских прериях — там такой же простор... широко, хорошо...

— Да-а, — и мадьяр Либкнехт незаметно для себя также увлекается, уносясь в воспоминания: Дунай, песни косарей, шумные голоса белокудрых девушек, — потом — гулящая Вена и острые, как лезвие ножа, и пряные блудливыми запахами венки.

Обоих отделяла действительность на тысячи, десятки тысяч верст. Здесь была глушь амурской тайги и только недавно, каких-нибудь пару десятков лет, благодаря золотоносным пластам — сделавшаяся обитаемой.

Здесь — была чужая, загадочная и такая близкородная вздыбленная гражданской войной, взволнованная до глубины, до самых отдаленных и маленьких уголков необ'ятная Россия Великой Революции... Там... —

— Алло — марш! — и он махнул хлыстом, пришпорив свою красавицу-полукровку кобылицу — на дыбах, круто повернув ее, понесся в гору, навстречу спускавшемуся отряду.

Ильицкий остался.

Здесь река Зея делала крутой поворот, широким плесом огибая плоскогорье, и уходила в даль, теряясь песчаными отмелями там, на той равнинной лево- бережной стороне.

Внизу, в лощине, на самом выступе плеса белела станица.

Отряд лентой спустился к плоскогорью, повернул в лощину.

— Стой! — гаркнул Либкнехт, подскакав к авангарду отряда, — здесь — лагерь...

— Составь! — команда: — повзводно и эскадронно! — И отряд, сначала сдвинувшись, быстро разливается по лощине.

Подтягивается, громыхая, взвод легкой полевой батареи: вьючные пулеметы снимаются с лошадей. Быстро там, здесь загораются костры, дымят походные кухни.

Конная разведка ушла в направлении города Зеи; выставлена застава, заложены секреты.

— Все? — принимает рапорт Либкнехт.

— Так точно! — говорит черный скуластый ад'ютант.

Это мадьярский отряд, — сильно потрепанный, но все-

таки цельный и бодрый. Он уже и сейчас является ядром, вокруг которого нарастают разрозненные, потерявшие своих начальников, части.

Много среди них местных. Разговаривают, прощаются... расстаются...

Вот и сейчас из станицы пришли девушки, молодки, старики... Кучей стоят на пригорке — спрашивают своих. Кто-то всхлипывает.

В кучке запела гармоника...

— Эх, была не была, повидала... крой, браток, веселую, — и неунывающий аргунец выскакивает вперед, — ну, дивчины — на пару, кто?

Но девушки робеют, мнутся, молчат...

Грянула гармоника.

Топнул казак, подбоченился и... залился в трепаке.

И снова воскресла сечь, вольница.

Молодки ближе надвинулись, появились улыбки на лицах девушек. Подошли мадьяры.

— Иех, ну, и-и-дем!.. — плясун, проходя по ряду девушек, выхватил одну и завертел, закружил. Та не выдержала и тоже пошла-поплыла.

Суровые лица мадьяр улыбаются, старики кряхтят. Но у всех веселый огонек в глазах. Как будто сдуло все заботы, страх... и надвигающийся ужас будущего — идущих по пятам японских карательных отрядов.

. . . .

С холма спускается конный, его сопровождают до отряда с заставы. Это ординарец по связи с отрядами.

— Начальнику отряда пакеты! — подает он ад'ютанту сверток.

Ильицкий и Либкнехт читают: первому — немедленно выехать в штаб на совещание, второму — с отрядом в ночь подтянуться к Зее для прикрытия разгрузки пароходов.

Пока Ильицкий и Либкнехт совещаются — ординарец успевает у походной кухни «пошамать», запастись на дорогу

буханкой хлеба, поболтать с ребятами о фронтовых делах, присоединиться к плясунам.

— Сними хоть бомбы то! — кто-то говорит.

— Не мешай!... — отмахнулся он, отдувая вприсядку, с перебором.

Бомбы на его поясе стукаются, бьют его по ляжкам — ничего, некогда парню.

— Взорвется, окаянный... — кто-то из стариков солдат сплевывает.

Молодки задорно смеются... — ординарец готов разбиться в лепешку — заело мастерового — с казаком тягается...

— Ординарец! — кричит Ильицкий, протискиваясь в толпу, — едем!..

— Иэх... не доделал!..

— Стружку взял, срезало, смеются, провожая ординарца из толпы.

— Едем, товарищ Ильицкий... — и через минуту два всадника скрываются за холмом.

. . . .

Вечереет. Все уже поужинали. Артиллеристы готовят батарею в поход. Пулеметчики вьючат пулеметы.

А пехоте что: встала и пошла.

Не утихает веселье — еще не остыла встреча, а сейчас проводы... и поют кружком.

Солнце уходит за плес, розовеют пески отмелей той стороны; светятся новые бревенчатые хаты станицы, желтеет долина — горят в закатном зареве лица раскрасневшихся девушек.

— Ста-а-навись! — команда.

На минуту суматоха, потом — быстрое подравнивание рядов.

— Ма-арш!.. — разведка тронулась. За ней авангард — загромыхала артиллерия, пулеметы... арьергард — тут и кавалерия, и пехота, и обозы.

— Не отставай, не отставай!.. — кричат в отряде, — подравнивайся...

Либкнехт на коне пропускает отряд: все ли в порядке походной колонны.

Несколько ребят поотстало от отряда — это все из местной станицы. С одним идет молодка: они держатся за руки и молча шагают за отрядом; неловко свисает у красноармейца за плечом винтовка — она ему мешает...

А вот кавалерист.

Конному хорошо — он нагнулся с седла, обнял свою дивчину и целует, ему можно поотстать, — он нагонит...

Колонна отряда выравнялась, вытянулась и змейкой уходит за увал.

Последним с пригорка скачет кавалерист, карьером догоняя отряд.

Ему вслед смотрит девушка. Глаза ее, наполненные слезами, блестят, — заходящее солнце золотит ее щеки — она, раскрасневшаяся, улыбается, ветер холодком перебирает ее спутавшиеся косы — играет волосами. Она смотрит туда, в долину, куда скрылся отряд, прижимает руки к груди и смотрит-смотрит...

Смотрит и улыбается...

2. Мы еще повоюем

Хряст...

— Держи, держи! Эх — черти...

Поздно. Сходня ломается и гаубица вместе с передком обрушивается в воду, увлекая за собой сгружавших ее красноармейцев-артиллеристов.

— Сюда! На помогу — скорее, — и Ильицкий, вбежав по пояс в воду, начинает распоряжаться...

— Скажите Либкнехту, пусть даст роту... Да, ну же, поворачивайтесь живее...

Вскоре, зачаленная канатами, с дубинушкой гаубица вылакивается, увязая в илу обмелевшего берега, на лужайку.

Ильицкий, как лягушка, мокрый, отряхивается, фыркает, вылезая из воды последним; хлюпая болотными сапогами, идет к группе товарищей, стоящих поодаль.

— Ваши ребята — молодцы! — говорит он Либкнехту подходя,—золото...

— Что-то ты очень потолстел? — шутит Кальманович. Все смеются.

Но Ильицкий, сам зубастая щука, — от'естся за десятерых. И, ловко огрызаясь и парируя шутки, он садится на траву и начинает стягивать с себя кожухи.

— Вот лучше помогите, — протягивает он сапог одному из них. Кто-то ему помогает.

— Ну, как выгрузка? скоро кончите? — подходит Краснолобов.

— Часа через два все сгрузим, — подходит грязный, запыхавшийся Тайшин. Револьвер у него болтается на спине — Тайшин типичный штатский, бывший народный учитель. Он не знает, как обращаться с револьвером, как его прицепить. Это было всегда предметом шуток, но теперь не время шутить.

— Можно к двенадцати назначить поход! Командующий знает?

— Командующий... — и Краснолобов зло кривится в улыбку, — баба он! — Решительно:

— Либкнехт, возьмите командование над эвакуацией и всеми колоннами. — Подумав: — Саковичу скажите: пусть остается начальником штаба.

— Ест! — и мадьяр прикладывает руку к козырьку, хочет итти.

— Чтоб к двенадцати все было готово, — бросает ему вслед Краснолобов.

Подумав — вот если бы Лазо... потом вслух:

— Японцы на одном переходе от нас... сумеем ли оторваться от них?..

Все молчат.

С барж доносится грохот сгружаемых снарядов, продовольствия, амуниции.

— Сумеем! — и Ильицкий, закончивший процедуру обсушки, вскакивает на ноги, — вот только бы скорее...

Вопрос о плане отхода отрядов был решен уже с того момента, когда армии покинули железнодорожную магистраль. Судьба их была решена — они все были обречены на распыление.

— Так и выходит, — думал Краснолобов, идя по берегу с Либкнехтом, — совещание кончилось; вопрос сводился только к тому — кто куда пойдет...

Подошел Ильицкий.

— Ну, ты что думаешь?

— Надо воевать, — ответил тот, не задумываясь.

— Так и я думаю, — вот почему ты должен сейчас же прорваться к Лазо.

— А вы здесь?

— Ну, я пока с ними двинусь.

— Куда?

— Туда! — и Либкнехт показал рукой на северо-восток.

Краснолобов пояснил:

— Он с отрядом думает пробраться на Керьби, а потом на Аян.

Ильицкий к Либкнехту: — смотрит-ждет...

— Там укрепимся: будем ждать и драться, — чеканит Либкнехт.

— Во-о!—самое правильное: мы еще повоюем, чорт возьми, — и быстро и легко Ильицкий зашагал к штабу, весело насвистывая.

Скоро оттуда он вышел совсем готовый к от'езду: сборы Ильицкого были кончены в миг. Вот он уже сидит на лошади и прощается с Краснолобовым и Либкнехтом. Подходят Тайшин и Калманович.

— Ну, Америка, выручай! — и Ильицкий, щелкнув по кобуре седла, двинулся на своем рыжем монголе.

Все переглянулись — у каждого мелькнула мысль: на верную гибель поехал. Не вернется...

— Да... мы еще повоюем... — подумал Краснолобов, глядя, как удалялся по берегу в гору Ильицкий.

Отряды, навьюченные уже становились, вытягиваясь в походную колонну.

Точно в ответ на думы Краснолобова мадьяр Либкнехт сказал:

— Это все, что осталось от трех армий.

...Это значит: Уссурийской, Амурской, Забайкальской. Каждая из них прошла не одну тысячу верст все время в арьергардных боях — все неся на плечах противника. И каждая верста вырывала из этих армий куски — устилая дорогу кровавым следом: армии распылялись, бескровели.

Осталось только маленькое крепкое ядро — мадьяры, которым было некуда итти, да рабочие с заводов, которым было все равно: куда ни итти, где ни работать, где ни воевать, лишь бы за пролетарскую революцию.

А крестьяне, казаки — те распылялись по тайге, оседая по своим деревням и станицам.

Это — крестьяне.

А то — были настоящие пролетарии — им нечего было терять...

— Да, немного осталось, — и Краснолобов вспомнил, как мало осталось и их: из Дальсовнаркома и других областных Советов — все распылилось, расползлось; другие — легли смертью храбрых. А вот это — остатки стальной когорты, идут в глубь тайги туда, куда даже не осмеливался ходить хищник-золотоискатель, даже беглый сахалинец опасался Олекминских трясин. Я вот эти — пойдут... до последнего патрона, до последнего человека — чтобы биться там, на обрывах скал Великого океана за Советы... — хотя бы за Камчаткой, во льдах...

— На Камчатку пойдем, если понадобится! Верно? — и он хлопнул мадьяра по плечу.

— Верно! — сказал тот твердо, серьезно.

— Лишь бы была жива Москва.

— Верно!

3. На утро

Три десятка строений двумя рядами — вот вам главная улица. Несколько пересекающих ее боковых — периферия. И если не считать базарной площади — вот и весь городок Зея.

Он расположен на реке Зее в восьмистах верстах от Благовещенска. И не было города среди тайги, но вырос город, — потому что было золото.

После продолжительных скитаний и изнурительной работы сюда приезжают «старатели», «хищники» и, любовно перебирая меж пальцев золотые крупинки, покупают за них отдых и веселье, как расплату за труды.

С утра до ночи тогда несмолкаемый пьяный гул голосов. Главная улица живет, и шум несется по всему городку. В кабаках и «номерах» горят огни, истребляется неимоверное количество водки, покупаются любовь и ласки, проигрывается все вплоть до рубашки...

И утром, когда осовелые от бессонных ночей трактирщики вешают на весах выручку и зейские девицы, проснувшись, проверяют цельность спрятанных в чулках самородков, усталые от «отдыха» «хищники» бредут опять в тайгу в поисках новой улыбки их переменного счастья...

–––––

На этот раз городок Зея встречает нежданных для него гостей. У них та же бесшабашность «старателей», жажда разгула и пьяного веселья. У них также деньги — много денег: у кого пачками керенки, у кого цельными кусками золото.

— Но они не „старатели" и никогда ими не были.

Они — разбежавшиеся остатки отрядов Забайкальской армии и пережогинцев, устремившиеся со своей добычей кто куда.

В трактире «Перепутье» пир горой.

Пережогинцы угощают всех желающих. Из сдвинутых вместе столиков образован один большой стол. На нем все запасы питья и яств трактирщика.

— Давай еще, — орет Митька косой — бывший матрос Черноморского флота, ныне дезертир, атаман своей шайки.

— Больше нет, — испуганно отвечает трактирщик.

— Нет, — еле держась на ногах кричит Митька. — Так ты говоришь, что нет! А это видал?

Он вытаскивает из кармана кусок золота величиной в трехфунтовую гирю и отводит руку в сторону.

— Выбирай, что хошь! Или в морду, или давай еще.

— Что еще?

Митька Косой смотрит непонятным взором. А чорт его знает, что ему еще надо. Он и сам не знает. А надо.

— Давай девочек! Побольше. Всех, какие есть. Слышишь. Тащи.

— Играй, машина, — кричит с другого конца комнаты Васька Косарь — помощник Митьки. Он раньше служил в городе, интеллигент, и ему надо музыки.

— Машина испорчена — отвечает половой. — Сами испортили.

— А я хочу, чтоб играли, — пристает Васька. — Сыграй мне марш.

— Никак нельзя!

— Полезай в шкаф. Играй.

Под гиканье и хохот заставляют полового залезть в шкаф и руками и ногами изобразить марш.

— Зачем музыка, когда нет свадьбы, — говорит цыган Яшка. — Надо свадьбу играть.

Мысль Яшки понравилась.

— Свадьбу! Свадьбу!

Сейчас же все быстро выстраиваются попарно с девицами. Митька изображает попа; Васька, зажегши пучек пакли, привязанный к веревке, идет с кадилом и целуется со всеми.

Затем решают устроить крестины.

— Кого?

— Давайте хозяина, — кто-то предлагает.

— Даешь! — отвечают все хором.

Схватывают хозяина и, несмотря на протесты, раздевают.

Затем вкатывают пустую бочку и начинают туда вливать водку.

— Давай, давай еще...

―――――

Когда бледный рассвет лижет окна домов, все спят. Кто где. Вповалку — мужчины, женщины, распростершись на заплеванном, изгаженном полу, под столами, под стойкой...

... Японский отряд входит в городок.

―――――

Освободившись из-под чьего-то навалившегося на него тела, Васька Косарь поднимается на локте.

— Что это за шум? Точно топот копыт.

Голова тяжелая. В желудке что-то давит, режет. Шатаясь, Васька поднимается и подходит к окну.

Он сперва не верит своим глазам. Потом безумный страх искажает его лицо.

— Ребята, вставай, — полусдавленно кричит Васька. — Японцы!

— Вставайте, японцы!!

Один, другой морщится, открывает глаза, но мысль острым клином врезывается в мутное сознание.

— Чего орешь, мать твою, — сердито ворчит Митька, вскочив на ноги.

— Японцы пришли. Уже на улице.

— Надо защищаться, — говорит Митька. Ударами сапога он будит остальных. — Вставайте! Вставайте!

Но уже поздно. В комнату врываются японцы и начинают бить прикладами и штыками направо и налево.

— Буршуика, буршуика, вставай!

Японцы хватают невстающих за ноги и тащат на улицу. Всех пленников, погоняя прикладами, отводят на базарную площадь.

С площади несутся неистовые крики. Там, привязав к столбам пленников, японцы обрезывают им носы, уши, выкалывают глаза... забавляясь этим зрелищем.

— Дафай есе сорото, — пристает к одному пережогинцу японец, нашедший у него кусочек в кармане.

— Нет больше!

— Вресь! — и японец вгоняет ему штык прямо в рот.

На разведенных кострах добела накаливают шомпола. Это специально для Митьки-главаря. Трое японцев еле удерживают его, так здорово, несмотря на побои, отбивается Митька.

— Говори, свороць, где красный?

— Не знаю, мы не красные.

— Я твой кто — белый?

— И не белые!

— Вресь! — решает японец, запутанный двусмысленными ответами Митьки.

— И черт нас дернул покинуть отряд, — ругается про себя Митька. — Вот теперь выпутайся... Эх, нет Палыча... убит...

А японцы не унимаются. Несколько офицеров выстраивают часть пленников подряд и упражняются в рубке голов с разбега. Во весь карьер мчатся мимо пленников офицеры, размахивающие саблями.

...Ж-ж-ж-ж... слетает голова, скатываясь далеко по откосу площади.

— Эй, вы там, — кричит японский полковник офицерам. Дайте им лопаты. Пусть сперва выроют себе могилу.

–––––

Крики истязуемых оглушают пустынные улицы. Жители все попрятались в погребах и ямах. Всего накануне было: золото, и веселье и не верится, что сегодня пришла смерть, конец...

— О, господи помилуй, — крестится старушка перед иконкой в запертой на засов часовенке.

— Слава богу! — Теперь достанется этим большевикам, — говорит почтовый чиновник, залезая под кровать за ящики и чемоданы.

...У дверей трактира «Перепутье» валяется какой-то окровавленный комок...

Это — голова трактирщика.

4. О чем знает тайга

Зорко оглядываясь по сторонам, шествуют двое. На обоих защитного цвета солдатское обмундирование, котомки за спиной, котелки сбоку...

— Как настоящие красноармейцы — смеется Ольга.

Несмотря на все дорожные тяготы и лишения, на еще едва поджившую рану, она не теряет бодрости. Может быть потому, что у нее такой характер, а может быть потому, что она идет к Лазо...

Ее спутник — наш знакомый — кочегар Ефим, незаметный герой, преданный друг революции. Но он и прекрасный товарищ и друг Лазо и никому другому, как ему, Лазо доверил сопутствовать свою любимую.

— Скоро ли? — не терпится Ольге.

— Далеко еще итти, — спокойно говорит Ефим. — И еще неизвестно, что впереди.

— А что?

— Да все вот: то бандиты, то семеновцы...

— Кто это там прилег около холма? — не без тревоги спрашивает Ольга, указывая рукой на виднеющийся недалеко холмик.

Держа наготове револьверы, оба приближаются к неподвижно лежащей фигуре.

Не доходя несколько шагов, они смущенно опускают револьверы. Перед ними труп. Он без головы. Голова лежит несколько дальше и представляет из себя застывший кро-

вавый комок.

— Это дело японцев — решает Ефим, — хотя и белые этим занимаются.

Пройдя шагов сто, они наталкиваются еще на несколько трупов. У всех у них отрублены головы. С трупов снята вся одежда, и они совершенно голые. Тела изрезаны, изуродованы...

— Пойдем скорее, — торопит Ольга Ефима. Она не в силах спокойно созерцать следы зверской потехи белогвардейцев.

— Идем, — отвечает Ефим, но в тот же момент его внимание привлекают две, рядом торчащие, точно воткнутые в землю головы.

— Я знаю, я знаю одного из них, — кричит Ефим, подбегая. — Это — Калманович!

Они оба стоя зарыты в землю и их шеи стиснуты двумя параллельными бревнами, связанными между собой.

— Звери, — только и может выговорить Ефим. В бессильной злобе он трясет кулаками.

— Идем, идем отсюда, — уже силой тащит его Ольга.

Дальше оба идут молча.

У обоих одно дело. Но у каждаго свои думы. Ефим — сам питерский. Рабочий. С шестнадцати лет у станка. Жил и работал, пока революция подхватила, понесла, пока забурлила в нем самом...

И теперь он — Ефим, знает, за что он борется, куда идет, и ему не страшны лишения, ни страдания, не страшна сама смерть...

А она — дочь крестьянина, видевшая город всего месяц, два, но чутко воспринявшая все, впитавшая в себя, скоро сделавшаяся нужной для дела, ценной и необходимой...

И вот фронт: она санитарка. Сколько ран, сколько перевязок, сколько людей, благодарных ей за облегчение их страданий. А она знает: она исполнила только свой долг.

Награда? Разве это делается за награду!

Может быть, ее награда... Ее любовь к Лазо...

Оба молча шагают по обледенелому снегу и думают свои думы.

— Кто-то сюда едет, — первый прерывает молчание Ефим. —Как жаль, что нет бинокля.

— Я вижу и так, — отвечает Ольга. — Их четверо военных и, повидимому, японцев.

— Неужели японцы? Надо спрятаться. — И Ефим смотрит кругом, ища место, где бы можно было прилечь.

Но их уже заметили. Бежать нет возможности. Также сопротивляться. Через минуту их окружают японцы.

— Откуда? — спрашивает их офицер по-английски.

— Не понимаю, — отвечает Ефим по-русски.

Японцы о чем-то совещаются. Потом, решивши вопрос, знаками показывают Ефиму и Ольге следовать между ними. Один из японцев ударяет Ефима нагайкой и приговаривает:

— Ходи, буршуика, ходи!

_____

Штаб.

— Прошу вас допросить этих двух красноармейцев — обращается к Луцкому японский офицер. — Они русские, должно быть, большевики.

— Хорошо!

Он входит в комнату и пытливо осматривает обоих.

— Обыщите их, — он отдает краткий приказ по-японски стоящему у пленников конвоиру.

Конвоир выворачивает карманы Ефима и ощупывает его самого со всех сторон. Когда он хочет то же самое сделать с другим красноармейцем, он получает крепкую пощечину, вынуждающую его отступить на несколько шагов. Но японец опять приближается, срывает с головы фуражку и вытаращив глаза докладывает Луцкому, коверкая русские слова:

— Гоцпадзин пурковник... Этто-о дженчина.

Только теперь Луцкий поворачивает голову и видит прекрасный профиль женщины, разгневанной грубостью японца.

— Как вы сюда попали?—-невольно вырывается у него. За что вас арестовали? Откуда вы?

Молчание.

— Отвечайте на мои вопросы, я требую.

Ольга упорно молчит.

Луцкий поражен таким поведением. Какова бабенка! Здорово. А она мила даже в этой шинели, неуклюже облекающей ее фигуру.

— Вы так и не скажете, откуда вы?

Плотно сжатые губы. Гневные глаза. Плевок слова:

— Нет!

— Почему? — Луцкий почти умоляюще смотрит на нее. Он всегда был противником расстрелов, и ему не хотелось бы...

— Ну, отвечайте же — почему.

— Это требуют интересы народа...

— Вот это здорово!

Не зная, что дальше предпринять, он говорит ад'ютанту:

— Отведите ее пока.

Потом про себя:

— А храбрая девченка! И откуда такие берутся?

Может быть, спасти ее. Увести с собой?

— Народ! — на миг, как будто что-то теплое вливается в сердце. Интересы народа. Да, ведь, и он борется ради этих интересов. Почему же они враги, такие кровные враги.

Странно.

Глава 11-я

ТАЙГА ЗАМОЛКЛА

1. В шкафу

Армия разбрелась. Кочуют одиночки, кочуют группы бывших отрядов,об‘единяются случайно под предводительством более отчаянных, идут, жгут, грабят...

Порой встречаются с каким-нибудь отрядом красных или белых. Завязывается бой — или побеждают, или спасаются бегством. Больше последнее. Причина: дезорганизованность бандитов, их состав случайный, шкурнический.

В деревнях и селах крестьянство в панике. Приходят и уходят отряды. Все берут, всем надо. Крестьяне пугливо прячут последние мешки с зерном, зарывают, закапывают в землю. Ночью тщательно закрывают амбары, все двери, калитки. Опасно подойти близко к большим дорогам.

Ильицкий уже пятый день в пути. Осторожно наводит справки о местонахождении Лазо. Никаких сведений.

Под деревней Утесной чуть не столкнулся с шайкой вооруженных бандитов. Сзади — он знал — шел отряд семеновцев. Кудя спрятаться? По обледнелым канавкам, местами проваливаясь в воду, Ильицкий дополз до ближайших строений. Оказывается — дом лесничего. Попробовать ли наугад? Другого выхода нет. Ильицкий постучал.

— Кто?

— Свой, откройте.

Дверь открывает пожилой мужчина. Местный лесничий. Семеновцы разграбили его скот, и он сделался очень подозрительным. Меряет Ильиикого взглядом.

— Вы семеновец?

— Нет. Я так… По делу — невнятно бурчит Ильицкий.

— Войдите.

Разговорились. Узнав, что лесничий сочувственно относится к японцам, Ильицкий решает использовать это.

— У меня поручение к князю Кудашеву. Мне нужно во что бы то ни стало этой ночью пробраться до ближайшего японского отряда.

…Тук-тук-тук-тук… кто-то стучит в дверь. Крики, перебранка. Много голосов:

— Отвори, чортова харя!

— Это бандиты, — решает Ильицкий. — Мы их не пустим.

— Возьмите револьвер.

Лесничий схватывает его за руку.

— Бесполезно! Они все равно вломятся и убьют, если будем сопротивляться. Лучше спрячьтесь в этом шкафу, я их угощу, и они уйдут.

Град ударов прикладами в дверь.

— Открывай сукин сын, пока душа твоя цела!

— Сейчас, сейчас!

Ильицкий влезает в шкаф. Приходится согнуться и скорчиться. Лесничий бежит к дверям.

— Войдите, дорогие, войдите!

— То-то — дорогие! А ждать заставляешь! Ну, ставь жратву! живо!

В комнату, стуча винтовками, вваливаются человек десять бандитов. Подозрительно озираются по сторонам, заглядывают в углы, усаживаются за столом. Едят, паребрасываюгся грубыми шутками, хвастаются друг перед другом своими похождениями.

— А что ты держишь в этом шкафу? — задает вопрос лесничему глава бандитов.

— Да так, дела лесничества, — дрожащим голосом отвечает лесничий. — Бумаги всякие.

— Ну, из-за бумаг таких шкафов не держат. Это ты другому заливай.

— Небось, деньжонки прячешь?

Лесничий бледнеет. А вдруг, вдруг узнают, что в шкафу. Тогда смерть тому, и, конечно, и его расстреляют.

Бандиты замечают волнение лесничего. Обступают его, трясут за плечи.

— Ты чего это?! Ну-ка, открывай шкаф!

У лесничего пульс 90 в минуту. Как быть? Хоть бы самому спастись.

— Хорошо, я сейчас, — шепчет он. — Я сейчас достану ключ. Тут — в сенях.

Бросается к дверям. Бандиты смеются:

— Ишь струсил. А ну-ка посмотрим, что у него там.

Лесничий не возвращается.

— Где это он пропал?

— Э, ребята, чего там ждать! Митька, давай топор!

Большой дубовый шкаф с треском валится на пол. Несколько ударов топором — двери шкафа разбиты и...

_____

Выскользнув в сени, лесничий бросается бежать. Прямо по тропинке в лес. Бежит, спотыкается, зацепляется за пни, кусты, бежит без оглядки вперед, вперед...

— Стой, куда бежишь? — Чья-то рука лесничего за шиворот.

Перед ним японец. Слава богу!

— Братишка! Там у меня твой человек. От штаба. Бандиты расстреляют...

— Где?

— У меня. В доме лесничего.

— Сколько бандитов?

— Человек десять.

— Йес!

Японец побежал вперед, что-то передал второму разведчику. Через пару минут японский отряд, человек в тридцать, мчится к дому лесничего.

_____

...Удивленные бандиты вытаскивают из шкафа Ильицкого.

— Ты кто?

Ильицкий уж не может назваться агентом японцев. Все равно, смерть неминуема. Он поднимает гордо голову и говорит:

— Я — красный.

— Вот как?! Здорово! Говори, откуда?

— Не скажу. Ни слова!

— Говори! — рукоятка револьвера пребольно ударяет

Ильицкого в узбы.

— Не скажу!

— Ну, так умри, собака! — и бандит поднимает револьвер и прицеливается.

На момент Ильипкому кажется, что он слышит чьи-то приближающиеся шаги. Может быть, это ему только чудится. Но, может быть, спасение еще возможно. Еще бы выиграть только минутку. Все равно рисковать осталось нечем.

Ильицкий выпрямляется и быстрым сильным движением ударяет бандита в подбородок. Затем, схватив положенный, кем-то, на стол револьвер, он бросается к дверям. Еще секунда — и он во дворе.

Вслед ему — беспорядочная пальба. Ильицкий бежит, но — странно: — ему кажется, что он слышит выстрелы и впереди себя. Споткнувшись о камень, он падает, больно ударяется обо что-то и теряет сознание.

2. Ильицкий — друг японцев

Ильицкий раскрывает глаза. Что это? Вокруг него японские офицеры — о чем-то хлопочут, он на чистенькой койке в большом просторном помещении…

— Где я? — спрашивает он по-английски.

— Вы среди своих, — отвечает один из офицеров. — Скажите, — вы командированы штабом по какому-то делу?..

Ильицкий моментально вспоминает все происшедшее. Но как он очутился у японцев? Однако, раздумывать некогда. Надо немедленно рассказать историю, могущую внушить к нему доверие.

— Да, я командирован к князю Кудашеву.

Японцы вопросительно смотрят на Ильицкого.

— Где мой пиджак — я вам покажу пакет и мои документы.

Ильицкий знает, что он выбежал из дома лесничего без пиджака, теперь он видит, что это дает ему возможность вывернуться.

— Мы вас подобрали без сознания — вот так, как вы есть, — говорит офицер. — Мы не догадались произвести обыск. Я сейчас туда пошлю людей.

— Ради бога. Только скорее — это очень важно. — И Ильицкий делает возможно испуганное выражение лица.

Трагическое приключение Ильицкого в шкафу, рассказанное им самим с некоторыми украшениями, вызывает полное сочувствие к нему со стороны японцев. Те обещают дать документы и деньги для дальнейшего продвижения Ильицкого...

. . . .

Через полуоткрытую дверь доносится из соседней комнаты чей-то хриплый бас:

— Говори! Говори!...

Там допрос арестованных. Приводят и уводят мужчин и женщин, случайно задержанных или выслеженных японскими агентами.

Слышно, как допрашивающий ударяет кулаком по столу и сердито рявкает:

— Откуда же у вас записка Лазо?

Ильицкий настораживается.

Лазо? Что это значит?! Он подходит к дверям и заглядывает в комнату. У него чуть не вырывается крик изумления.

Там — Ольга.

Первая мысль Ильицкого — броситься к Ольге, защищать ее от человека, посмевшего с ней так обращаться. Но тут же другая мысль: так он погубит и себя и Ольгу.

Он делает знак Ольге. Она, увидев его, ни одним движением не выдает своего удивления. Допрашивающий полковник, заметив присутствие Ильицкого, становится вежливее, но, ничего не добившись от Ольги, приказывает отвести ее.

— Беда с этими шпионами, — будто жалуясь, говорит он Ильицкому. — Никто не хочет говорить, потому все знают, сколько ни расскажешь — смерть неизбежна.

— А не разрешите ли вы мне посмотреть кой-кого из ваших шпионов, — говорит Ильицкий. — Может быть я кого-

нибудь узнаю и это вам поможет...

— О, пожалуйста, — говорит полковник. И, позвав ад'ютанта, они направляются через двор к низенькой землянке, приспособленной под тюрьму.

Ильицкий с равнодушным видом обходит арестованных. Задает незначительные вопросы. Улучив минутку, поровнявшись с Ольгой, он шепчет ей:

— Сегодня ночью,— хотя он сам еще не знает своих намерений. Но знает одно — Ольгу нужно спасти и как можно скорее.

Еле заметным движением головы Ольга показывает, что она поняла.

3. Бегство

— Не окажете ли мне содействие в дальнейшем продвижении? — говорит Ильицкий японскому полковнику.

— О, конечно, — любезно отвечает полковник. — Я вам дам документ и пароли.

— Очень вам благодарен.

— Подзалста. Вы когда думаете отправиться?

— Хоть завтра.

— Прекрасно. О-та? обращается он к своему ад‘ютанту. — Дайте мистеру пропуск и пароль.

— Благодарю вас.

— Подзалста. Прошу, — и полковник пожимает его руку.

_____

В час ночи у тюремного барака смена караула.

Стоят двое: один у дверей барака, другой — на другом конце его.

_____

Ильицкий, плотно прижавшись к боковой стене барака, в темноте совершенно невидим. Он ждет, пока удаляется разводящий и старый караул, а вновь прибывший, укутавшись в свои собачьего меха дохи, начинает прогуливаться вдоль барака.

Спустя некоторое время, один из них усаживается около дверей, другой продолжает ходить по другой стороне барака.

Ильицкий, как кошка, подкрадывается к углу барака и, выждав момент, когда караульный проходит мимо него, почти вплотную, бросается на него, схватив крепко за шею.

Неуклюжая доха делает караульного неповоротливым, путается у него в ногах и через секунду, оглушенный ударами Ильицкого, он валится на-земь.

Ильицкий быстро одевает доху и папаху караульного, берет его винтовку и равномерной спокойной походкой огибает угол барака, направляясь к второму полудремлющему караульному.

— Са-то, — говорит японец, увидя его и принимая за своего товарища. Но прежде, чем он успевает его разглядеть, он уже тесно прижат в угол, а винтовка его отброшена далеко в снег.

Ильицкий затыкает ему рот его же рукавицей и связывает его по рукам и ногам.

С дверью справиться оказывается легче, чем он ожидал. Она деревянная, и, хотя впереди и повешены внушительные замки, она держится на стареньких заржавелых шарнирах, прибитых гвоздями.

Ильицкий без труда отламывает их штыком.

— Ольга!

— Я! — раздается слабый женский голос.

— Идем скорее.

— А лошади?

— Есть! Я еще днем приготовил. Теперь только быстрее — скоро следующая смена караула.

_____

— Мы не успеем скрыться, — говорит Ольга, поровнявшись с лошадью Ильицкого.

Вдали, на синевато светящемся снегу дороги, видны черные движущиеся точки. Расстояние между ними и беглецами все сокращается.

— Да, нам не удрать. Они слишком быстро спохватились. Хорошо, что сейчас начинается лес, и они упустят нас из виду.

Они сворачивают влево от дороги, но по тропинкам пробраться на лошадях совершенно невозможно. Приходится опять вернуться на дорогу.

— Вот что, — говорит Ильицкий, — они уже близко и сейчас настигнут нас. Слезай с лошади и спрячься тут где-нибудь.

— А ты?

— Я попытаюсь завести их подальше, если это просто солдаты, то я как-нибудь выпутаюсь. У меня есть пароль и пропуск.

— А как же я ?

— За тобой я вернусь утром. Тут где-то недалеко должен быть отряд наших...

4. Ночь в могиле

Сквозь узоры листьев — молочно-голубые блики луны. Ни малейшего ветерка.

Спит лес.

В свете луны — пни и кусты — фантастические тени чудовищных существ. Сломанный ветром сук, упавший посреди тропинки — леший, прилегший отдохнуть. Он точно схватился за голову руками и вот сейчас-сейчас кувыркнется, прямо под ноги и дико захохочет: «ха-ха!».

Тихо.

Хруст сучьев под ногами — бежит Ольга.

Куда?

Куда-нибудь. Только поглубже в лес. Спрятаться, выждать до утра.

Топот копыт все ближе и ближе. Вот уже почти рядом.

Ольга слышит, как японцы разговаривают между собой. Слышит, как харканье — гортанные слова команды старшего.

Несколько японцев соскакивают с лошадей и, нагибаясь к тропинке, рассматривают на снегу следы, куда они идут...

Затаив дыхание, Ольга ползет по тропинке. Платье цепляется за сучья, руки мерзнут в обледенелом мху.

А тут, кажется, какая-то яма — углубление. Тут можно будет спрятаться и выждать ухода японцев.

— А-ах! — Рука ее нащупывает под собой что-то мягкое и склизкое, и, инстинктивно отдернув руку, у нее вырывается невольный крик.

Под ней труп. И не один. Вся яма полна трупов. Очевидно, тут недавно было сражение, и могилу не успели зарыть.

Японцы настораживаются. Один что то сказал, — остановились.

Потом они направляются по тропинке в сторону могилы.

Ольга, не теряя ни секунды, лежа, сдвигает на себя сбоку лежащие трупы. От неприятного запаха кружится голова. Тошнит. Как сквозь сон, Ольга слышит, как японцы, подошедшие к яме, о чем-то разговаривают, затем медленно проходят дальше.

— Спасена, — думает Ольга. — Но что теперь делать. Неужели ей придется умереть среди этих уже похороненных?

Ольга не слышит, как японцы, окончив осмотр, садятся на коней и едут обратно. Ей все чудится, что они все еще недалеко, около ямы, и она не смеет делать ни малейшего движения.

Только открытые глаза видят сверху небо. Облака плывут быстро, точно куда-то торопясь, мимо луны, белые такие, пушистые...

Неужели она видит их последний раз? Неужели ей придется задохнуться среди трупов, умереть страшной смертью?..

Она вспоминает свое детство, мать, отца... Потом работу, фронты... И вот ее первая беззаветная любовь — Лазо. Он ее герой, она его подруга, сосватанная с ним в боях и в огне...

Как все это скоро кончилось. И тут вдруг смерть, такая жуткая, нелепая...

— Ох!.. Тяжело давит грудь лежащий на ней труп. Тяжесть подступает к горлу. Трудно дышать.

— Ох! — Она уже не сдерживает слабого вздоха. В глазах мутнеет, луна начинает двоиться, троиться... Много кругом больших светлых лун...

Что это? Точно трупы над ней зашевелились, задвигались...

В паническом ужасе Ольга хочет вскочить на ноги, но ноги уже не подчиняются силе воли. Она чувстствует, что уже не уйдет. Она в плену у мертвецов...

Холодные мурашки пробегают по ее телу. В страхе она закрывает глаза...

...Вот, вот опять трупы задвигались, зашевелились. Не может быть, чтобы это была галлюцинация. Вот она чувствует, как с ее ног сползает один труп, затем другой, третий, ударяясь стиснутыми зубами об ее лоб... У Ольги мутится сознание.

Неужели мертвецы ее не выпустят? Нет! нет!!! Вот чьи-то холодные руки трогают ее лицо, охватывают шею, ноги, приподнимают ее...

Она лишается сознания.

–––––

Медленно врезываются в мозг первые проблески мысли. Ольга открывает глаза — над ней наклонилось какое-то черное косматое чудовище...

— Пустите! — в ужасе кричит Ольга.

— Не бойтесь! Это я, Кононов...

Знакомый голос. Откуда? Может быть это сон...

— Я, я Ефим. Разве вы меня не узнали?

Не сразу Ольга овладевает своими взвинченными нервами. Наконец, успокоившись, она начинает медленно расспрашивать Ефима.

— Тебя увели, — рассказывает Ефим, — а я остался в штабе японского отряда, там, где нас допрашивали.

— Ночью, проломив доску сарая, в котором я был заперт, я добрался до ближайшей деревни. Там оказывается есть кое-кто из наших.

— Наши! — Ольга радостно схватывает его руку. — А ты не слыхал что-нибудь о Лазо?

— Нет, о Лазо там ничего не знают. Но они обещали помочь нам добраться до него.

— А как ты попал сюда — в могилу?

— Сегодня ночью я отправился на разведку. Я хотел узнать, где находится тюрьма, в которую перевели тебя.

— Ну и...

— По дороге я увидел с той стороны двух всадников и подумал, что это японцы. Я спрятался здесь недалеко от могилы и видел все, но не мог окликнуть тебя раньше ухода японцев.

— Ну, идем скорее, подальше от этого жуткого места.

И Ольга с Ефимом, опять вместе, направляется в деревню.

5. Тайга замолкла

— Кто едет?

— Свой.

— Какой отряд?

Молчание. Потом — мягкий топот лошадей по снегу...

— Стой, стой! Мать твою... стой: тар-р-ах-чок-чок... И раз'езд кидается во мглу предрассветную тумана в погоню, — на скаку стреляя по невидимым всадникам. Только крупы лошадей темнеют в тумане.

Передовой нагибается — прицеливается:

— Чок. — Кажется сшиб... еще...

Лошадь валится, подминая всадника, но тот не растерялся и лежа — в упор наезжающему казаку:

— Трах...

— Ой! — схватывается тот.

На поводу у стрелявшего другая лошадь. Подтянул, — рвется, храпит. За гриву — раз и, на седло... И бешеным скачком отрывается от налетевшего раз‘езда и — ныряет в туман.

Ему — несколько выстрелов в спину, в туман наугад...

— Эх! — рыжий, сгиб... проклятые... — Ильицкий думает, смотрит в биноколь на дорогу, туда, вниз, в лощину, между сопками...

— Далеко... ну, едва ушел... А ловко его смазал... — продолжает осматривать долину.

Уже солнце взошло. Слепит только что выпавший за неделю снег.

Здесь высоко, хорошо, безопасно...

— Ворочаться ли... — думает Ильицкий, — как быть с Ольгой... она там осталась... как выберется?..

Но бесполезно — лошадь одна... время не ждет — надо скорее доскакать к Лазо... дороги все заняты... по следу разыщут — все равно не добраться.

— Вон, проклятые! — и Ильицкий тихонько осаживает в сосны лошадь, продолжая смотреть.

Внизу, в лощине, на рысях проходит японский кавалерийский отряд; впереди небольшая казачья разведка.

— Тоже Интернационал... — смеется Ильицкий и считает отряд.

— Надо ехать вперед, только вперед и скорее...

А кругом — тишина. Вдали синеют гряды оснеженных сопок, ближе — белым саваном покрытая тайга.

В тайге, под этим белым саваном много лежит товарищей — спят они тихо, неслышно...

С их последними выстрелами смолкла тайга — покрылась саваном.

Тихо... Ни звука кругом.

Только высокая синь неба, да белые сопки.

Мертвая, могильная тишина.

А солнце по прежнему ярко, и больно блестит снег.

Тишина — в долине, тишина там, высоко в горах.

Кругом снег — тишина.

Ильицкий опускает в футляр бинокль, подбирает повод, чуть трогает шенкелями.

— Ну... — и начинает спускаться в долину, — туда, скорее, вперед... все вперед...

Глава 12-я

САЛОН БАРОНЕССЫ

1. Торжество победителей

...«По-бе-ду благоверному воинству на-а-шему на супротивные даруя»... — из запахов ладана, духов и пудры несутся звуки к ясному голубому небу Манчжурии. Истинно русские православные люди, злой судьбой заброшенные в далекие песчаные сопки, горячо возносят хвалу за победы христового воинства, отбросившего вражеские силы антихриста на запад до Урала.

Теперь можно вздохнуть свободно, полной грудью, без тревоги за будущее...

На плацу перед собором — весь цвет эмигрировавшей контр-революции. Манчжурское солнце медленно ползет к зениту, играя лучами на золотых погонах офицеров.

Впереди, почти у самого аналоя, стоят вершители судеб: Гондатти, Хорват, затем свита, а затем — море голов.

Несколько дальше блюстители порядка гонят толпу любопытных китайцев, разинувших рты:

— Шибко, шанго, капитана!

— Шанго, хо!

Общую картину дополняют коренастые фигуры с раскосыми глазами, — японские офицеры — снующие между молящимися.

У самой ограды собора плотная фигура Луцкого. Это — офицер генерального штаба. Его черные блестящие глаза устремлены вдаль, через головы бесчисленной толпы молящихся. Полковник спокоен: — Сибирь очищена, большевики отброшены... Армия, хотя и разбросанная, но есть, деньги... есть.

Деньги? Мысли Луцкого на вопросе о деньгах сжимаются комком, упираясь в какую-то пренеприятную точку.

— А чьи деньги? — Зрачки Луцкого суживаются, лицо напряженное. Он медленно поворачивает голову... и, как бы ответом на вопрос Луцкого, мимо проходят три хаки с желтыми околышами на фуражках, три японских офицера, льстиво, вежливо кланяющиеся, улыбающиеся лукаво и предупредительно.

Полковник до боли прикусывает губу. Надменно кивнув головой, круто поворачивается, и краска ненависти выступает на его лице.

— Сволочи! — шепчет он.

Не доезжая площади, останавливается на Вокзальном проспекте чей-то бесшумный автомобиль. Опираясь на руку франтовато одетого ад'ютанта, из автомобиля выходит баронесса Глинская.

— Найдите мне Леонида Дмитриевича, — говорит она ад'ютанту.

— Слушаю-с!

Сквозь лорнет скользит по толпе взгляд баронессы, и останавливается на Луцком.

— О! Кто это?

В это время группа офицеров, во главе с генералом Хорватом, окружает баронессу. Глаза его превосходительства подернуты похотливой дымкой.

— Здравствуйте, ваше превосходительство! — и Глинская нехотя отводит лорнет от Луцкого, — здравствуйте, господа! Ну-с, Леонид Дмитриевич, что нового?

— Прежде всего, баронесса, всегда приятной и лучшей новостью являетесь вы...

— Ваше превосходительство!.. но офицеры не дают ей говорить, засыпая ее комплиментами,

Баронесса слушает их равнодушно. Она привыкла ко всему этому, как к должному и полагающемуся...

— Скажите, кто этот красивый офицер, справа от нас? — спрашивает баронесса кого-то из присутствующих.

— Это офицер генерального штаба Луцкий. Большая умница и милейший человек. Смелый, талантливый и, главное, любит Россию.

— Откуда он?

— Он приехал к нам, прорвавшись через большевистский лагерь, и сразу проявил себя, как отличный организатор. Вероятно, он будет помощником генерала Андогского.

— Познакомьте меня с ним, — лениво играя веером, говорит баронесса.

— О, пожалуйста!

Кто-то из офицеров направляется к Луцкому и сообщает ему о желании баронессы. Луцкий уже заинтересовался лорнирующей его дамой. Он не может скрыть своего восхищения, когда подходит к баронессе.

Медленным движением баронесса протягивает ему руку, и, когда он почтительно кланяется ей, она непринужденно говорит:

— Я очень рада!

— Благодарю! Считаю за счастье.

— Ну, а теперь, господа, я вношу маленькое предложение. Молебен кончается, — едемте ко мне. Ведь сегодня наш общий праздник. Надеюсь, что и вы не откажетесь, — обращается она к Луцкому.

— Баронесса, я не ожидал такой чести. И, если хотя на минуту сумею доставить вам удовольствие, я буду счастлив...

— Ну, вот и хорошо. Едемте!

2. Банкет

Отель Модерн. Два, соединенных вместе, роскошно обставленных номера — один в две, другой в три комнаты, — занимает баронесса Глинская.

Большая гостиная залита солнечным светом, сверкает золотом бра, багетов, бордюра и граненым хрусталем царски сервированного стола.

Шумное общество, сливки харбинской аристократии со смехом и шутками — только что от молебствия.

Декольте. Тюль. Бриллианты. Желтые скулы японцев. Фраки. Мундиры. Блеск.

Событие национальной радости отмечает баронесса банкетом.

По правую руку баронессы — генерал Хорват. Плавно покачивается седая борода, и в руке высоко... бокал.

— ...и кончая мою речь, господа, я должен сказать, что три солнца сияют для нас в этот праздник: первое божье, на небе; второе — оттуда, с Урала — солнце победы и третье...

на губах улыбка, бородка склоняется:

— третье — в глазах нашей прелестной очаровательной хозяйки...

— Браво! Браво! Шарман!.. — в восторге две молодые княжны Голицыны.

Луцкий вспоминает невольно четвертое солнце... То... Над зданием японского консула.

— Еще, господа, два слова. Скоро Россия будет снова единой... И в деле спасения родины немалую роль сыграет Дальний Восток. Здесь собрались лучшие русские люди... Отсюда — заря спасения. Правда, Николай Львович? Ведь вы хорошо знаете нашу окраину...

— Разумеется... да, — подтверждает Гондатти с улыбкой... И не поймешь: насмешливо или серьезно.

Умен Гондатти! Умен.

— А теперь — и Хорват в сторону полковника Изомэ — за здоровье наших друзей и союзников — доблестный япон-

ский народ — ура!

— Ура-а-а!!!

Изомэ привстает;

— Русски... Японски народ... друзья.

— Ура-а-а!!!

Хорват кончил.

Разговор разбивается, дробится тихим, солидным журчаньем... Яркими вспышками. Здесь... там...

Стук ножей, вилок. Дамский смех. Бокалы о бокалы... дзинь...

— Я полагаю — Востротин, профессор, редактор «Русского Голоса» — я полагаю: спасение России — в тесном содружестве классов под управлением твердой руки. Кроме того, Россия — страна земледелия... Да... Рационально поставить хозяйство может только помещик. Народ самому себе нельзя предоставить... Мужик без опеки — глуп, нерасчетлив, лентяй... Ваше мнение, господин Садовский-Ржевский?

— Тоже!

— Да... Лучшие русские люди придут к одному... Даже из левых... Вы были эс-эром?

— Да! Эволюция. Ныне-ж Россия — только ребенок... Путь революции опасен... Результат — большевизм и анархия. А по идее был я эс-эром. По идее я собственно им и остался... — и жиром заплывший Гарри Садовскй-Ржевский пьет залпом бокал за бокалом.

Луцкий глядит удивленно.

— А по моему — драть мужика!.. И жидов перевешать — юный Голицын, корнет, ад'ютант барона Унгерна, глазами рысьими тупо уставился в рюмку... — Драть!

— За здоровье хозяйки! Ура-а-а!

— Ура а-а!!!

— Ха-ха-ха-ха! Мама! Мэри! Послушайте, что он говорит! — звонко смеется красавица Лили Голицына.

— Я говорю, что в любви и дворянки, и пейзанки одинаково хороши, — делает изящный поклон молодой князь Ухтомский.

— Кня-а-зь!

— Поверьте, я знаю Россию и русский народ! Здесь в Харбине, например, я во всех газетах — сотрудником.

— Кня-а-зь!

— Пардон!

_____

Красным полымем рдеют края небосклона.

Вечер.

Баронесса устала смеяться, слушать, пленять, вести дипломатию.

Юный Голицын, за портьерой, украдкой сыпет на палец белый порошок. Нюхает... В рысьих глазах — переливами блеск... Гнется осиная талия...

Стол. В стаканах недопитый кофе. В вазах остатки бананов, груш, винограда.

Вечер. Устали. Прощаются.

Баронесса тихонько — полковнику Луцкому:

— Полковник! Разрешите мне вас задержать на минутку.

— С восторгом!

Хорват:

— Чаровница! Надеюсь, видеть вас у себя перед поездкой во Владивосток. До свиданья!

Старый Голицын любезно ведет генерала под ручку. Нельзя же — патрон.

Баронесса идет провожать.

Луцкий один. Задумчиво смотрит... Потом подходит к камину и видит: стоят на консоле две статуэтки:

Сократ

и Венера.

3. Первая страница романа

— Полковник, прошу вас, — и баронесса, кивнув головой в сторону будуара, исчезает за обитой голубым шелком

дверью.

Полковник Луцкий следует за ней. Да, ему нравится баронесса. Он это и не скрывает. Разве она может не нравиться? Он зачарован ее мягкими жестами, ее всепокоряющим изяществом...

— Как здесь хорошо, — говорит он, опустившись на покрытую щелком кушетку. Матовый свет сквозь абажур люстры играет радугой в маленьких хрустальных колокольчиках — цветах, свисающих с потолка. Везде на столиках изящные безделушки, вазочки, на стенах китайские пано.

— Не правда ли, здесь можно и помечтать, — говорит, улыбаясь, баронесса, усаживаясь на низкий пуф напротив полковника.

Сильно декольтированная, она напоминает натурально сделанный восковой бюст, только для приличия прикрытый тканью.

Полковник, как зачарованный, не отрываясь смотрит на баронессу. Мысленно он срывает с нее намеки платья, впивается губами в ее тело и пьет томную дурманящую влагу...

— Григорий Григорьевич, — говорит баронесса, — я хотела с вами посоветоваться...

— Баронесса, — я вас слушаю,

— Могу ли я использовать вас для нашего дела?

— О! Всем, чем могу быть полезным.

— Так слушайте.

Она придвигается еще ближе к полковнику. Она жжет его своим дыханием, туманит его мысли. Нечаянное прикосновение ее руки — электрическая струя по его телу. Он уже чувствует — он весь во власти этой женщины, готов по первому ее приказу исполнить любое ее поручение...

— Вы, вероятно, слышали историю с полковником Солодовниковым, — продолжает баронесса, — его арестовали тогда под Иркутском.

— Солодовниковым? —- переспрашивает Луцкий. Он что-то не припоминает.

— Он ехал в закрытом чемодане из Петрограда. Он являлся уполномоченным тайного отряда Генро 23 + 18.

— Это что? — опять не понимает полковник.

— Это шифр Генро. Отряд Генро оказывал нам уже немаловажные услуги. Помните историю с Яковлевым?

— Да, я слышал.

— Так вот, теперь в наших руках имеется уже достаточно сил, чтобы приступить к захвату власти самостоятельно ...

— Но как же Генро?

— О, Генро, конечно, имеет свои планы... Нам придется их провоцировать, чтобы использовать.

— Понимаю. Но как это сделать? Все наши организации, вместе взятые, ничто по сравнению с контрразведкой Генро.

— Да, они следят за нами. За каждым нашим шагом. Но мы их перехитрим.

Полковник с восхищением смотрит на баронессу. Он сейчас не в состоянии оценить все, что говорит баронесса. Но ее затея ему кажется грандиозной, величественной... в пользу родины и народа...

— Наш план, — говорит баронесса, понижая голос, — заключается в том, чтобы...

...Чье-то ухо тесно прижалось к замочной скважине и жадно ловит каждое слово баронессы...

_____

— Так вот она какая! — думает Луцкий, когда баронесса кончает изложение своего плана; он в восторге. Но что надо этим людям, руководимым ею? Какое отношение она имеет к генералу О-ой? Странная женщина!

— Это требуют интересы нашей родины. Интересы нашей великой страны, великого русского народа, — говорит баронесса.

— Я всегда стоял за интересы своего народа, — вдохновенно отвечает Луцкий, — можете на меня положиться.

Баронесса улыбается.

— Я знаю! Я верю вам! Поэтому я выбрала именно вас. — Она нежно смотрит на полковника и протягивает ему свою руку. — Хотите, я вас просто буду звать Гри-Гри. Можно?

— Хочу ли, — полковник наклоняется к руке баронессы и покрывает ее горячими поцелуями. Мягкая надушенная рука резким контрастом вызывает в памяти чей-то образ.

Полковник вспоминает: японский штаб... допрос... эта девушка... и слышит, как она говорит следователю;

— Это требуют интересы нашего народа.

— О чем вы задумались? — медленно отнимая руку, спрашивает баронесса. И пронизывает его точно до глубины души страстным взглядом своих серых больших глаз. Полковник Луцкий тонет в этом взгляде: исчезает воспоминание, исчезает дело, исчезает все...

— Я думаю о вас, баронесса. Я думаю... и не в силах закончить фразу, он, пошатываясь, медленно направляется к дверям.

— Итак, завтра вечером, — произносит вслед ему баронесса.

— Завтра вечером, — отвечает Луцкий.

4. Не всякий лакей — лакей

Два часа ночи.

В глухом переулке Харбина, в передней маленького домика, долгий резкий звонок.

Ольга просыпается и прислушивается: — кто бы это мог быть?

Кроме своих, ее тут никто не знает. Она недавно приехала из Амурской тайги больная, усталая... Не может быть, чтобы ее уже успели выследить. На всякий случай, она проверяет обойму браунинга.

— Кто?

— Ольга, это я — Ефим.

— Фу, как ты пугаешь людей, — говорит смеясь Ольга, впуская Ефима. Разве можно так бешено звонить?

— Я очень тороплюсь, — запыхавшись говорит Ефим, — мне нужно еще обратно.

— Куда?

— На банкет! Я только прибежал сообщить тебе очень важную тайну.

— Тайну? Откуда ты узнал?

— Я подслушал у дверей. Белогвардейцы собираются перехитрить японцев и расторговать Россию. У них составлен подробный план с указанием адресов белогвардейских агентов, находящихся в России и заграницей. Нужно во что бы то ни стало овладеть .этим планом ...

— И отправить его в Россию, — перебивает его Ольга. — Тогда мы вырвем белогвардейские организации с корнем и разоблачим иностранных агентов.

— Вот, вот!

— Но, как это сделать ?

— Завтра вечером полковник придет к баронессе, и она передаст ему план. Так они условились.

— Ну, и что же?

— Я, как всегда, буду прислуживать баронессе. Видишь, это место лакея в Модерне весьма пригодилось. Вероятно, они будут пить кофе или вино. Если всыпать порошок в стакан Луцкого так, чтобы он выпил его перед самым уходом, то не трудно будет выкрасть у него документ.

— Да, это, пожалуй, план хороший. Что же, действуй... Хотя... постой... Кому, ты говоришь, она должна передать его?

— Да,, Луцкому! Фу, чорт... я и забыл о нем сказать... Ведь ты-ж его знаешь... Помнишь, допрашивал нас...

— Помню, как же. Он, кажется, симпатизировал мне, и, только благодаря этому мне удалось выбраться.

Ефим смеется.

— Ну, это, кажется, вообще человек увлекающийся. Он только что познакомился с баронессой и уже не отступает от нее ни шагу.

Ольга о чем-то думает.

— А знаешь, Ефим, мы пожалуй и это используем.

— Как?

— Я пойду к нему сама.

— Ты?

— Да, я!

— Но ведь тебя сейчас же узнают и арестуют.

— В лицо меня знает только он. Я же к нему приду под вуалью. А потом...

— А потом ?

Ольга, что-то придумавши, загадочно улыбается.

— А потом можно будет и без вуали. Увидишь!

— Хорошо, я согласен. Только давай теперь подробно обсуждать, как мы все это устроим.

И, сблизивши головы, они долго о чем-то шепчутся и вперемежку смеются.

_____

Смеется еще один. Этот кто-то, тщательно скрывающийся за поворотом улицы и зорко следящий за домиком Ольги.

— Тама пошел капитана, — шепчет фигура про себя.

— Шима нада капитана, така поздна ...

Глава 13-я

БЕЗ СТРАХА

1. Мухин

Только и видно:

Вспышками камелька освещены два профиля: один молодой, строго очерченный, другой — простой, несколько полный, чисто русский. Ниже — все остальное теряется в темноте. Вот разве по временам — красный отсвет углей падает на край скамьи, на светлый кружочек — дуло маузера, а дальше — на синь стали, гашетку, ручку.

Да еще чуть-чуть — угол, задымленный, черный. Там тоже сидит человек... Третий, — пятном, ничего не разобрать.

Вот лицо молодого поворачивается: глаза, как черные большие сливы, да крупные сочные губы полуоткрытого рта, да — смоль кудрей.

Это — Лазо.

Он говорит:

— Остается только одно, товарищ Мухин: вам вернуться немедленно в Благовещенск и начать организовывать силы, а здесь в тайге — собирать вокруг себя отряды.

— Их много здесь, разбрелись... — репликой бросает Мухин, наклоняется и начинает помешивать в камельке.

Угли трещат, разгораются, вспыхивают, освещая пространство больше выше. Вот на миг показалось бревно, за ним настил, поросший мхом. Это потолок... низкий, черный, придавленный... и — снова погрузился во мрак.

— ...Да, их много, но все они разрознены, дезорганизованы.

— Иные даже очень...

— Ничего! — и Лазо также наклоняется к камельку. — Соберите с'езд... Они вас знают. Доверяют. Организуйте. Станьте во главе их и вот — сила.

— Только одно...

— Что?

— Не надо увлекаться армейскими соединениями.

— Да уж какое там увлечение!.. так — отряды сколотить... небольшие, крепкие...

— Верно. Партизанские отряды, чтобы ничем не связывались... Никаких тыловых организаций.

— Тайга... вот наш тыл. — И Мухин улыбается.

— Теперь только одно — партизанская война.

— Да-а, время бы протянуть до весны, а там — тайга заговорит...

Молчат оба.

— ...Вот почему, — как бы своим мыслям отвечает Лазо: — вот почему я и думаю — вам надо здесь начать, а я — уйду с отрядами в Приморье. Там буду собирать и организовывать силы, а к весне, сплошным партизанским фронтом на-

двинемся из тайги на магистраль...

— ...От самого океана, до Забайкалья... хорошо...

Крепкий, коренастый Мухин поднялся.

Настоящий приискатель — в высоких унтах[1]. Надел шапку-ушанку.

— Ну, товарищ Лазо, значит — так! — и подал руку.

Крепкое пожатье.

А потом Мухин надел рукавицы, вскинул за плечо японский карабин и, низко согнувшись, шагнул за дверь зимовья.

В звездную холодную ночь.

Вкусно пахнет на кухне.

Косматая голова свесилась с нар, маленькие глазки блестят, ноздри раздуваются — нос почуял добычу, курносый, такой же маленький и живой, как глаза лохматой головы.

Вот протянулась жилистая и длинная рука к печке на сковородку и, как клещами:

Мигом — хвать пирог! И в рот...

Нет его.

Пока Прасковья оглядывалась на входившего грузчика с подушкой, — пирога уже на сковороде не хватало — пустое место пенилось маслом.

— Ах, ты окаянный — корявая твоя морда! — и она в шутку дернула его сковородкой по ляжкам...

— Что, Прасковья Ивановна, недочет в пирогах. Опять курносый слопал?

— Опять, сердечный...

На нижних нарах смех, шлепанье карт и голос:

... — А верно, брат, он блатной, настоящий... и контрабандистом был и деньги делал...

— Да, ну?! — один из играющих, новичек.

---

[1] Высокие мягкие сапоги из звериных шкур.

— Говорю, значит правда! В домах Шоколо, на Зейской — там делал, там его и накрыли впервой...

— Давно это было?

— Да лет десяток будет...

— Да-а, дела-а!.. А вот на-поди, что сталось с человеком...

— А что, молодец — линию понял свою, значит пришло...

— И ругали его, здорово! Ну, а только Советом он правил лучше всех. Наш был настоящий! неподдельный!

— Не то, что его прежние фальшивки ?

Гогот с нар...

— Ну, он не дурак. Не забыл и старое рукомесло. Тоже и нынче делал деньги... Только настоящие! «Мухинки», так их и звали.

— Блатной!.. — и говоривший забулькал банчком. Налил стакан, потянул ...

— Да, будет тебе, окаянный!.. — из кухни Прасковья увидала, кричит: —- пьяница ты!.. а еще говоришь: он да он, молодец... А што бы самому в люди выйти... Человеком стать... — а то — так и сдохнешь контрабандистом, убьют, как собаку, а то повесят!

— Что, и то не плохо !.. Всякому своя планида...

— Планида!.. А у него что?

— Дура-матушка, не всякому быть им: он, брат, парень во-о! был и у нас-то первый... Таких контрабандистов не много знал Амур — смерть была стражникам — смерть! Зато своим — рубаха-парень: все поделит, последнее отдаст. Золото, а не товарищ. Ну, а чужим, пограничникам — зверь. Боялись его, страсть!

Помолчал, потом :

— Не всякий, матка, таков... Он, брат, один у нас — и там был, да и здесь не подгадил...

Говоривший опрокинул стакан в глотку, сочно, чмокнул, крякнул, отер широким рукавом губы и принялся резать кету.

— Он, брат...

— Да ты хоть прожуйся-то, греховодник старый!.. — опять Прасковья из кухни.

— Ничего, матка... — продолжая есть:

— Он, брат, и в Совете...

Скрипнула дверь, распахнулась широко и в парах холода, низко нагибаясь, в кухню шагнула широкоплечая фигура таежника-приискателя.

— Здравствуйте!..

Говоривший выглянул с нар, — замер:

— Товарищ Мухин!..

— Он самый... — и снял и отряхнул от снега шапку, да к Прасковье.

— Ну, мать, — покорми...

Но мать, разиня рот, стояла, как ошалелая:

— Батюшки-светы! Он... Расстреляют всех, — в голове мыслями.

— Ну, живей, поворачивайся! — и контрабандист спрыгнул с нар и побежал к Мухину помогать раздеваться.

Прасковья очнулась — и зашумела на плите.

— Хорошо у вас, тепло... — выдохнул Мухин, снял полушубок и подсел к печке, поближе к теплу.

— Хорошо, Федор Никанорович.

2. Связь

— Видел?

Оба к окну, — а там по снегу крепкая, коренастая фигура взад и вперед ходит, да поглядывает...

— На стреме! — улыбнулся Ефим.

— Верный человек, старый контрабандист, знаю давно... — и Мухин хитро подмигнул...

— Ну, а теперь давай разговаривать...

— Нет, ты скажи мне, как меня нашел, — удивляется Ефим, — я, можно сказать...

— Нашли, брат... Давай лучше, выкладывай, что у тебя есть для меня.

Кононова разбирает любопытство, но не время расспрашивать: — приехал из Харбина и сам Мухина искал, а вы-

шло так, что он его нашел...

— Ловко... — только и может сказать Ефим, садится на пол и стаскивает сапог.

Долго ковыряет в каблуке ножем, а потом, как подрезал, — вытаскивает шелковинку:

— Вот! — Мухину.

Тот к окну. От луны — все как на ладони видно: и печать, и шифр, и план.

— Все? — оборачивается к Ефиму.

— Все! Только разве на словах велено добавить Сергею, если его скоро увидишь...

— Третьего дня видел...

— Ну!.. Где ?

— В тайге... Он уходит с отрядом в Приморье.

— Вот так и Ольга говорила...

— Рада, небось, будет?.. — и глаза Мухина смеются...

— Известно — не каменная...

— Молодец она!..

— Что говорить...

— Ну... а еще что? — и Мухин мельком заглядывает опять в окно.

А там:

. . . .

Яркая луна в дымчатом кольце — высоко в куполе неба.

Холодная, светлая ночь.

Снег белыми огоньками на лунных отсветах.

— Ну, яскори их, — долго что-то засиделись там... ххолодно-жеж, чортова бесина, сегодня... Ххолодно!.

И человек переминается с ноги на ногу — греется. Под валенками хрустит снег.

— Ух, и ххолодно-ж, яскори!..

—————

3. Губернатор

Управляющий губернией Иван Сергеевич Алексеевский недоволен... Нервно курит папиросу за папиросой и шагает по столовой из угла в угол.

— Фу, чорт возьми! Аннушка! да прибейте вы этот ковер... в конце-концов!.. чорт знает, что такое!..

— Слушаю-с, барин, я сейчас...

— А, да не зовите меня барином... сколько раз говорить вам?

— Простите, Иван Сергеевич.

Управляющий губернией смотрит на часы... Восемь. Скоро. Сегодня у него бал... т.-е. не бал собственно, а так, вечер, именины жены... Бал — неудобно... Пахнет старым, губернаторским... А он социалист, социалист-революционер... простой... демократичный...

Но...

Управляющий губернией... Ответственность...

И потому... достоинство.

Вот и нужно, чтобы было и просто и с достоинством.

А, кстати, есть цели особые, политические... И значит именины — политические.

Но управляющий губернией озабочен: сочетание губернаторского апломба и социалистической невинности не всегда ему удается, вернее — никогда...

А сегодня важно: будет, приехавший из Харбина, полковник Луцкий, будет атаман Кузнецов...

О-о! Атаман Кузнецов.

Алексеевский досадливо горько кривится.

. . . .

— Я раньше всех!

— Войди, войди!

Низенький, коренастый эс-эр Иокист, журналист и пьяница, вваливается как-то боком и говорит, как всегда, горя-

чо, порывисто, махая нечесаной лохматой головой и слегка заикаясь.

— Товарищ Ялексеевский! чуешь, вчера два пьяных офицера приходят в редакцию, чуешь, и — мы — говорят — всех большевиков — нас-то, чуешь, — на дуэль, говорят — перестреляем.

— Ах, знаю... Стоит ли?.. ведь пьяные... да и арестовали же их.

— Кой дьявол! гуляют... да, чуешь, товарищ Алексеевский...

— Ну, хорошо, хорошо, потом... Я вот, голубчик, хочу сказать тебе... Знаешь... вот видишь ли... не зови ты меня при всех товарищем... Кузнецов будет... Сволочи... но, понимаешь, неудобно... Что? Пришел? Кто, Аннушка? А-а, прошу, прошу!

Слегка щурясь, не то ласково, не то насмешливо, входит полковник Луцкий.

— Были у Кузнецова? — Алексеевский Луцкому, после, как поздоровались.

— Да.

— Ваше мнение?

— Что-ж, атаман, — человек, все-таки дисциплинированный.

— Дисциплинированный?.. Неправда!.. — Иокист вскипает.

Натянуто хмурый Ялексеевский напрасно пускает в ход свою дипломатию.

Иокист не обращает внимания.

Шум... смех... говор: комната заполняется гостями... Вот и китайский консул — толстый веселый плут...

Иокист не обращает внимания.

— Отряд Кузнецова признает только его... И.., ничего не поделаешь.

— Чуете!..

Луцкий и сам знает: атамана не уговоришь.

Помнит... На предложение о слиянии и контакте белых армий Кузнецов ему так:

— Разумеется. Единства требует наша родина. Но в настоящее время, здесь, на Амуре, я окружен большевиками явными и тайными... Ответственность на мне...

Луцкий понимает: атаман Кузнецов первенства не отдаст и...

Шум смолкает...

Полковник Луцкий почтительно встает.

Тинькая шпорами, в зал входят два офицера: Кузнецов и его ад'ютант.

Атаман, подойдя быстро с холодной улыбкой, целует руку «мадам Ялексеевской» и поздравляет «с днем ангела». За начальником, по чину,—тоже ад'ютант.

Алексеевский секунду колеблется. (Губернатор или любезный хозяин? Кем быть?)

Но затем — к атаману, молча, улыбаясь приветливо...

Когда же супруга Ивана Ялексеевича приглашает гостей к столу, то атаман твердо:

— Прошу прощения! Мне некогда. Я еду! Я заехал на минуту, только поздравить. Извините! Всего хорошего!

Алексеевский вздрагивает и атамана — в сторону... где Луцкий и Иокист...

— Простите, атаман (он дает себе право называть его атаманом, а не «ваше превосходительство»), я предполагал, что мы сегодня, после вечера... ну, вы понимаете... пользуясь присутствием полковника... мы поговорим о...

— С полковником Луцким я уже переговорил. Если же что либо имеется у вас, то, я думаю, мы поговорим об этом конфиденциально.

— Ну, разумеется... разумеется... я...

— А сейчас я должен вам сказать, что еду в штаб, куда вскоре прибудет майор Ки-о-синша от имени генерала О-си-мара.

— Зачем?

— Не осведомлен... Но, думаю, завтра вам, как управляющему губернией, это будет известно... Корнет, который час?

— Без пяти двенадцать, ваше превосходительство — вытянулся ад'ютант.

— Через пять минут майор Ки-о-синша будет у меня. Прощайте!

И по лицу атамана тенью мелькает улыбка.

Медленно подходит к Иокисту полковник Луцкий и, взяв его под руку, улыбаясь:

— Скажите... а сильно вас всех этот атаман пугает?..

— ?! — Иокист мотает возмущенно головой...

— Вижу, вижу... Но я тоже должен итти... Прощайте!

–––––

Уже на исходе второй час ночи. Вино... Шум... Винные пятна на белоснежной скатерти рдеют. Управляющий губернией говорит речь очень демократическую, и в то же время полную достоинства, об кульминационном по тяжести моменте, переживаемом «нашей дорогой родиной».

В это время в столовую влетает Каравайчик, щупленький, плешивый адвокат, юрисконсульт «взаимного кредита»:

— Господа, Мухин в городе!

Бомбой рвется известие... В пьяные мозги острой болью осколки...

Мухин в Благовещенске.

Мухин... бывший председатель Совета, глава всего края... Амурский Ленин...

— Да нет, неправда! — первым приходит в себя управляющий губернией — неправда, нелепость... какой глупый слух!

И сразу... Вздохом облегчения... говором... шумом:

— Ну, да, ну, да!.. Ну, разумеется... Глупый слух...

4. Глупый слух

А глупый слух растет.

Упругим мячем — от базаров в улицы... Из дома в дом — обывательский радио.

— Слыхала, матушка?.. Мухин-ат... Антихрист...
— Слыхала, слыхала... Не попусти, господи!..
Крестятся две старухи.

_____

— Да, что вы... Правда?
— Ей-богу!.. Наш телеграфист видел.
— Ловко!..

_____

— Степан Парамоныч!.. да вам-то какое беспокойство?
— Как это какое? — по прилавку... аршином... Серди-то: — теперь этой шпане, прости господи, голодранцам забурхановским все на руку... Пойдут мутить... А што толку-та...
— Именно-с... Толку-то и нет... Да и атаман, я чай, не дремлет.
— Так-то оно так.. Атаман... Помоги ему боже!

_____

— Врешь, дьявол?!.
— Право слово... Чего мне врать?..
— Здорово!.. Вот, поди, эта сволочь-то бесится...
— О-го... Видел вечор... атамановцы на конях гоняют, как угорелые...
— Приперчило, чать... А, ты как думаешь?.. не зря это он... не спроста...
— Наверно!
— Не поймали бы только...
— Ну-у-у...
Пароходский смазчик уверенно сплюнул.

_____

5. Среди бела дня

«— ...Поубивали тысячи неповинных людей, банки ограбили, армию свою обманом завели в тайгу и бросили — это большевики... это социалисты... А сам Мухин — этот контрабандист и фальшивомонетчик — которому вы доверили Совет, — бежал за границу с золотом...»

— Ложь! Гнусная ложь!

Мертвая тишина.

Все головы, как по команде — туда, на окрик.

Там — никто не верит:

Мухин. Сам Мухин! — забрался на шестерню, стоит и весело смотрит в толпу рабочих, руку поднял, хочет говорить:

— Товарищи, вам достаточно наговорили здесь эти господа зс-эры — прихвостни атамана Кузнецова. Вы меня знаете — я вас никогда не обманывал: я работал среди вас вот здесь, на этом заводе Чепурина, восемь лет...

И вот — я снова среди вас, чтобы напомнить вам, что Советы живут...

— ...Вооружайтейсь, товарищи, — да на этих лгунов...

Чья-то рука в мозолях крепко за ногу рванула:

— Товарищ Мухин! кузнецовские молодцы окружают, идем, братишка... — и несколько рабочих тесным кольцом из толпы, через литейную, с ним, да за ограду, в поле...

А там — ищи ветра...

. . . .

Ни к чорту вышел митинг, устроенный эс-эрами на заводе Чепурина: — рабочие еще больше уверились в большевистской правде.

А когда расходились с митинга, весело болтали о Мухине:

— Вот — молодец, смелый мужик, крепкий... Наш брат — амурец таежный... А про себя думали:

Верно — Советы живут...

Он не показывает своего волнения. Он только крепче сжимает кулаки и зубы... Он — атаман Кузнецов... когда ему сообщают о появлении Мухина.

Но так... сквозь зубы:

— Ерунда!.. Все враки!..

И только тогда, когда на взмыленной лошади.. вестовой... сообщает о митинге, только тогда:

— Начальника контр-разведки!.. Живо!.. Погоню!

И через минуту летит по улицам взвод личной охраны атамана.

А сам...

С начальником контр-разведки... в кабинете... как тигр в углы мечется...

— Сегодня ночью... Облаву... Обшарить все дома... Слободку китайскую вверх дном перевернуть... По дорогам дозоры конных!.. Из города — никого!.. Поняли?

— Слушаю-с, ваше превосходительство!

— Идите!

В штабе атамана, в канцелярии управляющего губернией, в казенных учреждениях, за шторами окон, кондового молоканского купечества (все Саяпины... да Косицыны), везде живет натужная, шопотливая, страхом наполненная тишина.

Мерещится... чудится... бесформенное, страшное, чему имя: Восстание, — революция...

Страх не покидает ни днем, ни ночью. Стоит рядом при исполнении самых интимных человеческих обязанностей. И быть может, еще долго держал бы он всех в колючих лапах своих, но...

Но...

6. Но...

Холодное, но яркое зимнее солнце сияет в зените... А по большой улице, прямой, как линеечка, мимо универсальных магазинов Чурина... и дальше — Кунста... сотни малень-

ких красных солнц на белом фоне квадратных тряпок реют и трепещут, на концах ножеобразных штыков.

Сотни рядов маленьких скуластых желтолицых солдатиков в раз, как механические куклы, смешно выкидывают ноги и бьют тяжелыми башмаками уверенно и твердо.

А на тротуарах — толпы. Жмутся... теснятся... Шум и стоголосый говор... И надо всем царит единый, изумленный гул:

— Японцы!.. Японцы!!!

Но тысячи оттенков в этом возгласе: от подло радостного — до затаенно злобного...

— Японцы!..

Резко звучат для русского уха хриплые команды японских офицеров, и мерно топают желтые машины, расходясь парадом по площади старого собора.

Сила... Страшная сила!

В сторонке толпа сгрудилась...

Японский унтер-офицер поблескивает на толпу черными глазками.

— Руська карасе!.. Японска карасе!.. Руська барышьня очень карасе-е! — тянет японец, и глубоко в узких щелках исчезают черные глазки, лучами тянутся тонкие морщинки, и желтые блестят скулы.

— Эй, ты, японец! а большевики?

— Бурсуика-а? Не карасе! — Сжалась в кулачек физиономия, огромные белые обнажились зубы, еще холоднее огонь черноглазия и хриплое еще:

— Бурсуика, оцень не карасе-е!

— Видите, сколько? — Луцкий Алексеевскому — рукой на тяжелые колонны.

— Да, — сжалось эс-эровское сердце предчувствием краха, от недавнего страха еле освободившись.

— Эге-эх... То плохо и это плохо... Хотя, конечно... Японцы... Спокойнее. А в общем — паскудно:

— Прощай губернаторство...

_____

— Видите, сколько? — Атаман Кузнецов — штабу рукой; — на те же колонны.

— Да! — отзывается ликуя штаб, со смехом уверенных и ободренных душ.

— Ваше превосходительство... — и начальник контр-разведки... в ухо почти... взволнованно, почтительно:

— Ваше превосходительство! Есть! Открыто убежище Мухина. Сведения точны... Люди высланы... Сам корнет Щелгунов...

— Хорошо! Хотя теперь он не опасен... Ого-о! Японцы — надежная сила... Но все-таки... хорошо. Я ему теперь... Я всем им теперь... такое...

Атаман вытянул кулак и родителей своих помянул густо.

Глава 14-ая

БОМБА

1. Чистое небо

Слегка покачиваясь на упругих стальных рессорах, почти бесшумно скользит большой четырехместный автомобиль.

От вокзала по Алеутской, поворачивая на Светланскую — солнцем залитую, морским ветром пахучую, — главную улицу приморской столицы — Владивостока.

— Красиво смотреть на него сверху, с сопок — говорит баронесса Глинская. — Я люблю его ночью!

— Скоро он будет нашим, — смеется генерал Хорват. — И днем и ночью. Навсегда!

— Не слишком ли вы оптимистичны, генерал? — замечает ад'ютант баронессы, управляющий автомобилем вместо шофера.

Генерал Хорват улыбается.

— Если-б было иначе, я не стал бы тут раз'езжать. Я коротал бы свои дни в Париже или занимался бы египтологией. Во всяком случае, мы нашли бы себе занятие.

— Да, у вас, генерал, сильная уверенность, — говорит ему баронесса, кивая головой. — А это уже много значит.

У генерала Хорвата план. Оттого он так оптимистичен. Оттого он так уверен. План простой: стянуть броневики Семенова, Калмыкова, Орлова... А там... О! генерал Хорват знает, что надо будет делать потом, когда наступит нужный момент... Эс-еры не устоят.

— Через месяц Владивосток ляжет к нашим ногам... Что Владивосток! — Все Приморье... может быть вся Россия... Вы вспомните меня, баронесса!

— О, это будет приятное воспоминание! — блещет жемчуг зубов в очаровательной улыбке баронессы. — Поезжайте потише. Здесь так интересно!

На тротуарах Светланской — самая разнообразная публика. Звуки различных языков, далеко друг от друга лежащих стран. Англичане, чехи, японцы, китайцы — все прогуливаются по тротуарам новой Приморской демократии.

Несколько портовых рабочих, прислонившихся к решетке сквера, смотрят на расфранченную толпу и сосредоточенно, угрюмо потягивают «махру».

— Эн, глядишь, какая расфуфыренная! — говорит один из рабочих, сердито сплевывая вслед проезжающему автомобилю Глинской.

— С генералом ехать — как же иначе, — отвечает матрос со шхуны «Дерзкий».

— Ух, сволочи! — не может стерпеть злобы рабочий. — И что они сюда лезут? Никак уняться не могут!

— Бомбочку им надо — вот что, братцы. Этак в автомобильчик! — ра-аз! — и одним генералом меньше. Уж это верно!

Автомобиль проезжает мимо театра «Золотой Рог». На углу Китайской, ад'ютант несколько приостанавливает машину.

— Куда поедем?

— В японское консульство. Налево.

... Чал-чаллл-лалллл-лал...

Сверху точно звук разбиваемого стекла. Вслед за тем...

. . . .

Хорват хватается за голову и неуклюже выскакивает из автомобиля. За ним — баронесса, ад'ютант...

2. Бомба

Отталкивая в сторону швейцара, стремительными прыжками, вверх по лестнице бежит человек. Еще минута и он бесцеремонно врывается в комнату, случайно оказавшуюся комнатой управляющего гостиницей.

— Простите, — возмущенно вскакивает управляющий. — Как вы смеете?!.

Он не договаривает фразы, так как его зрительные нервы немедленно доносят сознанию, что то черненькое, что он видит устремленным на себя, содержит несколько свинцевых шариков, достаточно тяжелых, чтобы, получив их, управляющий лег навсегда.

Сообразив это, он считает благоразумным тотчас же присесть и поднять руки. В таком положении он и остается.

Ворвавшийся же человек подбегает к окну.

— Эх, чорррт! Плохо видно, — ругается он. — Ну, все равно...

Он ударяет локтем стекло, выхватывает из кармана, завернутый в бумагу блестящий цилиндр, что-то поворачивает, и бросает через окно вниз...

На улице раздается оглушительный взрыв.

Управляющий от страха падает на пол, закрывает глаза и уже не смеет подняться.

Когда он поднимается, незнакомца уже нет. На улице раздаются крики. Подбежав к окну, он видит толпу, окружившую дом.

— Что там такое? — старается выяснить положение управляющий.

Сзади кто-то кладет ему руку на плечо.

— Вы арестованы.

Управляющий безмолвно шевелит губами. Он уже не может говорить. Он потерял способность речи.

3. Ателье мод мадам Танго

— Мадам! эта шляпа к вам замечательно идет...

— А как вы думаете, Гри-Гри? — в зеркало полковнику — улыбкой больших серых зовущих глаз.

Полковник сзади также смотрит в трюмо, но у него утомленный вид. Он молчит.

— А? — тогда поворачивается к нему баронесса. — Хорошо?

— Хорошо...

Баронесса недовольна. Она переходит на английский язык, и разговор принимает интимный оборот: баронесса не стесняется — возле них стоит продавщица магазина, — она ничего не понимает.

Но баронесса ошибается.

Глаза маленькой кудрявой девушки, через большое роговое пенсне — вспыхивают любопытством. Вся она — настороженность...

Она слышит:

— Вы расстроены... Может быть эта ужасная бомба?

— Ах, мне безразлична судьба этого старого дурака.

— Да?! Как давно вы стали так думать, полковник?

— Неужели и вы, баронесса, такая чуткая, умная, думаете о них серьезно? Какие же это на самом деле спасители ро-

дины?!.. Мелкие интриганы, тщеславные трусы и жадные карьеристы; за один лишний просвет на погоне готовые продать эту самую родину, не сморгнув глазом.

— Ах, но вы, Гри-Гри, говорите сегодня совсем по новому! Ну, ничего!.. а все-таки... какое нам дело до них!.. Наша задача — все для родины. Использовать все необходимое, ценное, в нашей сложной и большой игре.

— Да они то неценны... Они...

Два глаза, такие поразительно знакомые — сквозь стеклянные разноцветные нити японской портьеры на дверях.

Полковник застыл — устремленно тревожно на них...

— Они? — Баронесса на миг видит в трюмо чьи-то глаза — быстрым поворотом головы на Луцкого.

— Миг — но глаз уже нет.

Полковник чуть взволнован, но тверд...

Баронесса видит, не понимает. Больно закусывает нижнюю губу жемчугом острых зубок, молчит — ждет... Опять к зеркалу, спокойнее :

— Я слушаю, Гри-Гри...

Звонок — и в ателье мод быстро входит молодой безусый офицер. Прямо к баронессе:

Почтительным наклоном головы — английский пробор блестит.

— Баронесса! — целует руку, — генерал Хорват просил вас. Вот, прочтите пожалуйста:

И тонкий, длинный надушенный розовый конверт в руках баронессы.

Прочла — по лицу тенью. Что-то сразу решив:

— Идемте, господа!

К продавщице:

— Так вы, пожалуйста, вот это и это и модистку пошлете ко мне в отель. Знаете, в Золотой Рог.

— Да-да, сегодня же, мадам... — чуть-чуть улыбка и девушка быстро составляет модели — закрывает картонки и слышит:

— Почему, полковник?

И опять по-английски ответ баронессы:

— Уезжает в Харбин, сейчас...

— Струсил... — полковник зло улыбается.

Баронесса не отвечает.

Молодой офицер почтительно открывает дверь магазина — пропускает баронессу, полковника...

А потом и сам за ними.

Дверь закрывается.

_____

... — Ха-ха-ха-ха-ха...

... — Ха-ха-ха-ха-ха...

Заглушенно смеются за японской ширмой в ателье мод двое, через ширму смотрят в витрину магазина на улицу:

Одна — маленькая черноволосая, кудрявая...

Другая — высокая, синеглазая с большими русыми косами.

Это — две Ольги :

Маленькая и большая.

Смеются и шепчутся.

— Хорошо... — шепчет большая...

— Иди сейчас же...—говорит маленькая.

4. Рабочий Красный Крест

— Бомба!

Бомбой влетает Коваль в ЦЕБЕ.

— Что бомба ?

— Бомба!—повторяет снова.

— Да что бомба? — оглашенный, говори! — Раев встал из за стола и оперся своими корявыми кулачищами о край.

— Только что сейчас на Китайской брошена бомба...

— В кого?... — все вскакивают в комнате, переполненной рабочими.

Эффект. Коваль торжествует:

— В Хорвата...

— Ну?! — напряженное.

— Даже не ранен проклятущий! — И Коваль садится к столу Раева. Общее разочарование.

Начинаются догадки, как и почему и кто бросил. Все устремляют глаза на Раева.

Тот невозмутим. Ничего не прочтешь на его серьезном, корявом липе, сильном и простом.

Только в сторону глазами — на черного красивого парня в студенческой потертой тужурке.

Тот — тоже.

Быстро глазами сговорились...

Раев встает и, как ни в чем ни бывало, уходит в соседнюю комнату.

Через минуту уходит также и студент, говоря что-то, на ходу, Ковалю.

Тот доволен: уселся за стол вместо Раева, и зашумела комната от его шуток; да и дела тоже не задержал.

Везде поспевает Коваль. И по ЦЕБЕ, и по рабочему кресту, да и в окно не забывает поглядывать...

Не мешает все таки, — хотя чешеньки и воздерживаются трогать Раева в ЦЕБЕ. Ну, да известна их «дружба» предостаточно... все до времени...

И Коваль, нет-нет, да и выглянет вдоль по улице — и вверх и вниз, к бухте; и, успокоившись, сядет — там ребята на страже похаживают.

А улица за окном бурлит.

У Семеновского базара, в гуще китайских кварталов-харчевен и театров, лавченок с шелком, чесучей и чаем, где сидят всегда флегматичные, то толстые и потные, то тонкие и желтые купезы.

В гортанном шуме разноязычной толпы, то там, то здесь, кричит желтыми зубами и мутными глазами, полутрупом, качаясь на ходу, тощий, ходя:

— Чу-да-Яна[1].

В руках у него трубка с длинным бамбуковым чубуком и заженная фитильная лампочка.

---

[1] «Приходите курить опиум». Шествует китаец, за ним полицейский. Наказание, в первый раз, за опиокурение.

В гуще этого шума, специфической вони китайских кварталов — в центре, у бухты, откуда соленым туманом дышет море, находится Центральное Бюро Профессиональных Союзов Владивостока. Там же и Рабочий Красный Крест.

Это единственное место — маленький большевистский островок, пока еще легальный, — где рабочие собирают свои разрозненные разбитые силы, залечивают свои раны. Это настоящий пролетарский остров среди огромного моря врагов всех мастей, всех наций.

Он — всегда на страже.

_____

А за стеной, в комнатке, — балконом в бездну китайских лабиринтов уличек и улиц — происходит Конспиративное Заседание.

— Бомба... — раздумчиво говорит Раев — как бы не вышло из за нее какой заварухи...

Снизу, за балконом, китайской дудочкой — свист.

Студент — на балкон...

— Кто? — Раев спрашивает.

— Андрюшка Попов... — И веревочную лестницу — быстро вниз.

...Кудрявая белая голова, веселые глаза, широко улыбающееся лицо... и Попов, упруго, без шума, на мускулах, через перила балкона легко перебросил свое тело — в матросском бушлате и клеше.

— Игорь, вот на тебе, с губы!.. — И он передал ему папиросу, а сам прошел в комнату.

— Ты знаешь про бомбу? — встречает вопросом Раев.

— Знаю, и кто бросил — знаю.

— Ну?!

— Индивидуальный террор, — понял?.. Один железнодорожник, Журавский... Он уже пойман...

Вошел Игорь. С раскрученным мундштуком папиросы. Там и была записка. Услышав Попова:

— Ну, — произнес. — Теперь готовиться к налету, пожалуй, нечего...

— Напротив... — И Попов шопотом добавил: — с первой речки ребята сообщили...

Опять сигнал за балконом, внизу.

И таким же манером поднялась Ольга-большая.

Убрана лестница.

Все в комнатке шопотом...

А Игорь Сибирцев слушает, а сам достал лимонную кислоту да кисточкой по записке... И, одна за другой. Цифры по проведенным полоскам строятся рядами...

Читает шифр—и тоже шопотом :

— Надо устроить побег с гауптвахты, — сообщают, что удобно в час дня, когда происходит смена караула чешского японским.

— Немедленно, пока не поздно... — шопотом Ольга. И Попов также твердо головой.

Решают быстро:

— В субботу, в час.

Дальше... — а когда Ольга сообщает —

Игорь и Андрей улыбаются хитро и переглядываются.

Также быстро все решают: послать двух Зой, маленькую и большую — выследить.

А ночью опять собраться на Гайдамаковской...

Только хотели кончить, разойтись — сигнал из большей комнаты: свист Коваля...

Все насторожились.

И... —

_____

...Коваль еще свистит...

Входят быстро, с револьверами в руках, два контр-разведчика, расталкивают рабочих и прямо к Ковалю:

— Ты что свистишь?! — и револьверами на него.

— Зуб с дырочкой! выломал... — Видишь, пробую!..

Сдавленный смех в комнате.

— Я тебе попробую!.. — и один контр-разведчик рукоятью револьвера на него. Видал?

Тому хоть бы что: —

— Видал...

5. Мать Огарческая

Ночь.

По под'ему Гайдамаковской улицы метет пылью с бухты — ветром свистит, визжит по окнам, хлопает по ставням, завывая в трубе.

...тук-тук-тук-тук... ииу-ииуyy...

— Маша! — с кухни голос — отвори, наши стучат...

— Да это ветер, Прокопьевна...

...тук-тук-тук-тук...

— Слышиш, опять четыре раза... свои это, отвори!

... Ешьте, товарищи! Ешьте...

Целая ватага ребят за столом, здоровых, краснощеких, веселых...

Смеются: —

— Ах, Любовь Прокопьевна, да разве нас нужно еще просить?! — скулы как жернова, — работают — только хруст стоит за столом, да сочное прихлебывание из большой миски — общая она на всех...

И Любовь Прокопьевна на них смотрит — стоит над ними — довольная, что ее ребята едят хорошо...

Любит она их до страсти, как и боится за них еще больше: с'едят белые ее соколиков, неровен час — поймают...

А ребята и в ус не дуют — только за ушами пишит, вот как уплетают!..

Они все знают хорошо, как она их любит и заботится о них. Платят они ей тем же, и зовут в шутку:

— Мать ты наша, Огарческая...

— Любовь, ты, свет, да наша Прокопьевна!..

Она отмахивается и серьезное лицо делает — будто сердится. Только глаза выдают — хорошие, добрые, простые,

так и смеются, сияют материнской любовью...

Три головы вместе уткнулись — тихо разговаривают.

— ...Да, ну...

— Я тебе говорю, — правда!.. Дядя Володя до того изнервничался, что все равно сидеть не в состоянии. А потом —эти смены караулов, удобно...

— ...Сделаем... Только приготовьте место... Паспорта Игорь имеет...

... А что остальные? Ты видела их всех.

— В прошлую передачу видела. — Говорила...

— Ну?..

Голос маленькой Ольги падает до шопота болью:

— Не хочет, попрежнему...

— Раев прав...

— Ну да, Андрей, а что делает...

Вот... И еще тише разговор.

Совсем не слышно.

. . . .

А за дверями, рядом, слышно, как Коваль рассказывает про свое сегодняшнее председательство в ЦЕБЕ и разговор с контр-разведчиками.

По временам оттуда долетает смех.

. . . .

...Зеленый огонь, — значит путь свободен, — входят в полумрак комнаты двое.

— Ольга! Идите сюда! — им навстречу с кровати, где примостились трое, — голос маленькой Ольги.

— Вот, ребята, это Александра Николаевна, про которую я тебе рассказывала, Ольга.

И они подсаживаются на кровать дружно, тесно.

— ...Там я ее с Игорем свела, а здесь, Андрей, ты с ней договорись, а потом с Раевым уже устроите сами... я же с Ефимом, на днях, должна уехать в Харбин...

И опять общий разговор... тихо, полушепотом.

Ольга улыбается, рассказывает...

...А она поедет с Танечкой.

— Еще бы, куда угодно!.. ты видишь какая она... Да вот, мы сейчас ее позовем и расскажем ей все, увидишь. И Ольга в соседнюю комнату приоткрыла дверь:

— Любовь Прокопьевна!

— А, что?

— Сюда! к нам, на минуточку...

— Сейчас, Ольга Семеновна! Иду!

. . . .

Вошла, подсела к ним близко, и тоже шопотом... Так увлеклись, что не слыхали, как кто то тихо стукнул по раме окна. Еще раз, — сильнее...

Тогда все насторожились.

Попов бесшумно в соседнюю комнату — предупредить.

А Любовь Прокопьевна к окну: —

— Кто там?

. . . .

... — Ну, что, дочка, из деревни пишут?.. — смотрит по простому. Пожилая женщина; из-под шарфа выбились белые пряди волос.

А возле, на лавочке — дочка: молодая, беленькая, с веселыми светлыми глазами — читает газету, смеется...

— Да пишут, что Москву взяли уже...

— А который-то раз? — и седая женщина качает головой, — грехи!..

— И, да уж и не знаю который... — дочка весело, а сама острыми глазами по вагону.

Мало пассажиров.

Стучит и гремит расхлябанный, старый жесткий вагон. Давно уже рассвело, а темно в вагоне. Весь Амурский залив в тумане. Мутными клочьями врывается в дверь, соленою слизью оседает по стеклам, стенкам, скамьям...

... — Читать, мамаша, еще? — остроглазая белая, хитренько так, на старушку.

— Не стоит, дочка...

Подумала, покачала головой.

— Нэма в свити правды, колы брехливый свит настал...

Вздыхает, кутается.

— Каждый день берут Москву... утешаются...

— И не возьмут, Любовь Прокопьевна... — Танючка ей на ухо весело, уверенно.

— Дай-то, господи...

И Любовь Прокопьевна истово крестится.

— Ничего, не смейся, востроглазая, — я по своему большевичка. Старуха я, — простительно...

Улыбается...

Глава 15-я

СНОВА В ГОРУ

1. В трамвае

Ра-азз, — и ногой на подножку.

Динь-динь-динь-динь... динь-динь... динь...

Звенит трамвай, спускаясь по Алеутской.

Остановка. Вскочивший протискивается в вагон.

Трамвай заворачивает на Светланскую. Мелькают витрины магазинов, в его зеркальных стеклах, отражаясь в обратном движении.

Смотрит: что это?

Сразу не смеет поворотить головы, — оглядывает осторожно, не торопясь, публику вокруг... успокаивается, и потом, незаметно, медленно двигается к передней площадке вагона.

Остановился — смотрит: — бритая голова, загорелая шея, защитный френч...

— Фу, чорт возьми, тот самый, что на фронте из палатки сшил, — думает...

Рука загорелая, черная — держит газету.

На переломе, под пальцем заголовок:

КОНЕЦ АРМИИ ЛАЗО.

Впился, читает:

> Нет армии Лазо...
>
> Разбита, разбрелась — уничтожена.
>
> Он, один, всеми покинутый, — даже своими, — ушел в тайгу... Быть может, умирать.
>
> А его банды, раскинувшись по окружным деревням, грабят, насилуют и ....
> ....
> ....
> ....
>
> ...И что же...
>
> Большевики не умели воевать вообще: это была пьяная, разнузданная, дезорганизованная масса...
>
> Но Лазо — надо отдать ему справедливость, хотя он и наш враг, —
> был единственный та-
> лантливый полко
> самый серьез наш про...

...пальцем на заголовок, а сам говорит вслух, читает: — «Конец армии Лазо»...

Бритая голова чуть откинулась, но не поворачивалась...

Жжжиии — шшии...

Публика шатнулась, и пассажиры волной к дверям...

Шш-шиии — трамвай стоп: —

— Мальцевский базар, станция второму участку — кондукторша.

— На Абрекинскую, здесь слезать, да? — бритая голова кондукторше.

Та кивает головой.

Встает, прячет газету в карман, выходит последним.

Идет в сторону экипажа, а впереди — тот самый, который... Догоняет — поровнялся. Идут вместе.

Шопотом:—

— Спускайся направо, к бухте, — подожди у доков...

Разошлись...

«Конспирация», подумал каждый: правильно, хорошо сделали...

Но на углу, у экипажа, дымит папиросой человек — под фетровой шляпой не видно лица — военный американский костюм — на ногах обмотки и желтые остроносые ботинки.

На повороте бритый заметил что то — и быстро, бегом к бухте. А там — сел на каменный парапет.

Вытащил газету. Закурил папиросу.

Ждет.

— Что этому «американцу» надо? — думает... Заметил, как тот спускается к нему — шпион.

Одним глазом в газету, другим на него...

Подходит, и —

— Николай, здорово! опять с тобой встретились... ловко, совсем не ожидал...

— Ну, и я тоже.

— Похоронил уж я тебя совсем...

— Как многих других...

— Да...

Замолчали.

И картинами проходят десятки, десятки лучших товарищей, погибших там, в тайге.

... — Ты знаешь, Александра Николаевна здесь...

— Жена Яковлева?..

— Она самая... — Она здесь, как большевистский Калита, собирает раздробленные силы. Сегодня, как раз, должно быть первое организационное собрание сибиряков и здеш-

них, приморцев...

— Где? когда?..

— Все скажет...

— Почему ты в американском? Я уж подумал — шпион. —И Николай смотрит, ждет.

— Хо-хо... Ловко, брат, и не придумаешь лучше... — И Ильицкий весело добавляет: — у американцев служу... в штабе...

— Да, действительно, хорошо...

— А Ольгу Лазо видел?—опять Ильицкий.

— Нет еще, но я здесь близко подошел к местным... — Знаешь маленькую Ольгу и Танючку?..

— Нет.

— Ну, узнаешь... Так вот, через них. А к Раеву у меня была явка от Краснолобова... Да, а сам он где, — ты знаешь?

— Краснолобов? Нет... Как расстались там, на Зее — так с тех пор и ничего... И об Яковлеве ничего не слыхал.

— И Александру Николаевну...

Шорох по гальке. Оглянулись.

По виадуку спускалась она.

Быстро подошла.

— Я заметила — за вами смотрит какой то американец в шляпе, — разойдемся. Вот вам пароль и адрес.. Время собрания — одиннадцать ночи.

Уходя:

— Ольгу видела — тоже придет...

Но уже поздно: успела уйти только она, как шляпа из-за угла — тут...

Николай быстро решает:

— Я купаюсь... ты поезжай на шампуньке в Гнилой Угол... Одежу забери, — там встретимся.

Ильицкий еще плохо соображает, как и что... Но уже быстро — к шампунькам.

Слышит — булькнуло за спиной... Не оглядываясь, идет.

А Николай далеко вынырнул и мерными широкими взмахами поплыл через бухту Золотой Рог, сверкая бронзой точеной головы и загаром плеч.

–––––

— ...А здорово мы его обтяпали... — во всю, не может удержаться, хохочет Ильицкий: — ведь он не знал, сначала, за кем идти, а потом решил — за тобой; искупается-де, мол, и вернется, все равно голый не убежит...

— Малость ошибся... — выдыхает Николай; улыбается и часто дышет. — Устал...

— Здорово устал ?

Николай закрывает глаза, кивает...

Вытянулся на траве, жмурится на солнце — блестит тело каплями соленой морской воды.

Опять покатился смехом Ильицкий:

— Вот то будет шпик искать твое белье! — можно сказать — укараулил!..

И опять хохот Ильицкого...

— Ты ему счет представь, — сквозь смех.

— Счет... — и Николай упруго вскакивает и начинает одеваться.

И тоже присоединяется к Ильицкому.

Оба смеются.

Смеется и бухта осенним солнцем...

Весело... солоно...

2. Пуганая ворона

Хвостик солнца через окошко зайчиком по стене. По старым олеографиям из „Нивы“. По канареечке в клетке: ти-и-и-уик-уик!

— Зззззз.. ззинннн... дзинззз... — бьется об стекло ошалелая муха.

Потом перелетает на диван. Долго сидит на чьем-то носу и чешет лапки. Наконец, спускается в рот, спящего на диване Резникова.

— Гммм-аааххх а-ах — лежащий делает гримасу — и выплевывает непрошенную гостью.

Прислушивается: не стучали-ли? Все спокойно.

Идет на кухню. К хозяйке:

— Анна Григорьевна, скажите, меня никто не спрашивал?

— Нет.

— А те, что давеча приходили?

— Те спрашивали какого то Резникова. А у нас такого никогда и не было.

— Так-так, а вы что-же?

— Что же... я и говорю: у нас жилец Смирнов, да я с мужем.

— И все?

— Все.

— А они что?

— Они то что? Молодежь! Похохотали и ушли.

— А зачем им Резников — не говорили?

— Нет. Вы что же так ими интересуетесь? Вы их знаете?

Руки по швам. Нервное движение пальцев.

— Что вы, что вы! Я никогда о них и не слыхал. Я только так...

В передней кто-то стучит.

— Вероятно к вам, гражданин Смирнов.

— Кто же это?

Вбегает Танючка. Звонким веселым голоском :

— Здравствуйте, здравствуйте, хорошо, что застала!

— Пойдемте, пойдемте ко мне! — спешно провожает Резников ее в свою комнату.

Танючка сбрасывает тужурку и тут же выпаливает:

— Я к вам по делу, товарищ Рез...

Резников подбегает к ней и всей ладонью зажимает рот.

— Ради... всего! Тише! Тут все слышно. Не произносите моей фамилии. Я тут Смирнов...

— А-а... — только и может выдавить Танючка, сообразив страшную важность Резниковского сообщения.

— Вот вам бумажка. Напишите, в чем дело, — шепчет Резников Танючке на ушко.

Танючка пишет:

«Сегодня явка у... нужно быть всем обязательно».

— Явка? Не пойду, не пойду! Что они — сумасшедшие! В такое время: кругом шпики, все расконспирировано... Нет, не

пойду!

— Велели, обязательно! — дышет Танючка в ухо Резникову.

— Не пойду! А ты иди домой. Вот тебе книжка, если кто по дороге спросит, где была, — скажи к дяде — за книжкой.

Он подает ей томик Лермонтова и выпроваживает ее.

— Что же вы так скоро барышню-то отпустили, — улыбаясь, говорит Янна Григорьевна.

— Это внучка моя. За книжкой пришла, почитать этак... Знаете — дома скучно...

— Да-да, — сочувственно кивает хозяйка.

Что это она, — думает Резников. Не подозревает ли что.

— Ха-ха-ха — беспричинно смеется он. — Молодежь — все книжками балуется...

И, чтобы окончательно замести следы, берет хозяйку фамильярно под руку и говорит:

— А нам так и в козла играть хорошо.

— Что-ж... сыграем, — дружелюбно соглашается хозяйка.

3. Снова в гору

Ветер свистит и рвет.

— Ну-ну, не отставайте, товарищ центро-сибирец! Это вам не Иркутск, — покрепче, покрепче шагайте...

Клочьями сквозь ветер долетают слова и смех Кокушкина.

Три темных фигуры скользят по щебню, карабкаясь в гору.

— Будь проклят ваш Мальцевский овраг, — сзади кряхтит и ругается бас.

Лезут...

Вот уже гребень сопки:

— Дайте хоть передохнуть, — опять сзади, просительно .

Сжалились — останавливаются.

Оборачиваются, подставляя спину ветру, и бас ахает...

Небывалой панорамой лег сказочный город там, внизу — к бухте сбегая многочисленными ручейками огней. Огромным амфитеатром раскинулись скалистые кручи — далеко в море замыкая круг рогами: Тигровым и Черным мысом.

Клочья облаков по небу.

Черными пятнами внизу бухта.

В просветах — белые полосы:

Вон там, в прорыве, у входа в море — серебряная синь по ряби залива — лунными бликами.

— Чертовски!..—только и может пробасить он.

— Ну, отдышались, товарищ, — опять Кокушкин, — и первым вперед еще выше...

— Ох... сзади вздохом...

Впереди, выше — заминка... и голос:

— Держи вправо.

— Нет, влево, — ответом Кокушкин.

— Пароль?

Кокушкин в темноте близко на ухо тому:

— «Снова в гору».

Ему ответом:

— «Прямо и круче налево».

Прошли.

— Ох, еще выше... — слышно жалобно сзади.

— Еще, — насмешливо шопотом впереди.

— Ох... — протяжно.

В разрывах облаков луна да звезды.

Шорох — далеко слышно гальку.

Низко надвинута на глаза широкополая шляпа — поворачивается часто... крадучись ногами, прихрамывая... перебежками от дома к дому по теневой стороне. Потом — в ущелье Рабочей Слободки, во тьму.

Вздох облегченья...

И только шагнул дальше —

Ослепило:

Под самым носом электрический фонарь...

— Кто?

Чакают зубы... рыжая борода трясется...

— Пароль, — снова, и дуло револьвера в полосу света к глазам:

— ... Сссс-с-свой...

Смех. Гаснет фонарь.

Тьма.

Еще одна фигура из тьмы на гору.

Остановилась...

Точно приросла к гребню сопки — широкая, коренастая.

Лунным бликом из туч: —

Это — Раев...

Стоит крепкий, спокойный, смотрит вниз на город: он знает его тайны. Он любит его вечно бурлящую авантюрную политическую обстановку.

Он любит борьбу в нем — тонкую, ловкую — страшную:

Не на живот, а на смерть...

Борьба эта совсем было замирала — слабли силы большевиков. Но вот сегодня опять начинается.

Недаром же он и сейчас поднялся в гору — на самый гребень: в самую гущу Рабочей Слободки.

Смотрит: —

А город оттуда — огромный, сверкающий — дышет тяжело, жутко, по чужому... — своими шантанами, разгулом офицерства, бесконечными контр-разведками, разноязычной оравой врагов, китайскими опио-курильнями, пьяным торжищем женского цветного тела — рынок интервенции...

— Погоди, — огромным кулаком ему, — будешь наш, вычистим до тла...

И зашагал, крепко, уверенно:

— Снова в гору.

_____

4. В подполье

— Ни черта не видать... — ощупью Раев из сеней.

— Вот и хорошо, — молодыми голосами в ответ.

— Ну, вы там, куропатки—закрякали... шагнул, остановился :

— А сесть где?

— Садись, где стоишь, — опять те же голоса. Пригляделся — различает едва очертания, контуры людей в комнате... Кто — где: на полу, на кровати, на скамье, на столе...

Нелегальные — в сборе.

Александра Николаевна, как организатор об'единения сибиряков с владивостокчанами — делает сообщение — просто, коротко, всем ясно...

Только одному не ясно:

— ...Ну, вы, товарищ Рез...

Из угла, из темноты поспешный испуганный голос:

— Товарищ, не забывайте, Петров я, Петров...

Из другого угла задорный смешок.

— Вот, вот... — продолжает то же голос: — вот почему мне не ясно — молодежь все здесь...

— Знаю, «товарищ Петров», — перебивает Александра Николаевна: — знаю, что вы думаете о приморцах — молодо-зелено... плохие конспираторы...

Раев крякает иронически.

Пуганая ворона — куста боится... — ему на ухо молодым задорным шопотом.

— ...Но... безотговорочно — нужно об'единение, нужен Ревком... Местничества всякие...

— Долой!.. — заканчивает Раев.

. . . .

Ревком избран.

Дальше.

Раев сообщает о положении совета у чехов в концентрационных лагерях:

— Плохо им, — говорит. Надо поскорее их оттуда вытаскивать...

— А почему до сих пор этого не сделали? — удивляется Александра Николаевна, не зная местной обстановки.

—Вот тут то и заковыка... — и в темноте видно, как Раев чешет затылок...

— Заковыка — Костя причиной... говорит — не может бежать, когда красноармейцы сотнями гибнут в лагере, не имея такой возможности.

— Да-да... А все таки вредная сентиментальность.

Молодежь подхватывает слова Александры Николаевны:

— Верно. Хуже будет потом всем...

Раев еще добавляет: —

— Губельман, да еще два-три согласны, хоть сейчас идут... Ну, мы им устраиваем побег. И ребята уже назначены...

Подумав еще:

— Костя еще спрашивает: где Краснолобов, Лазо, Яковлев...

Александра Николаевна молчит.

Всем как то не по себе: догадываются — Яковлев убит... Ей трудно выговорить это слово — больно, тяжело за нее всем.

. . . .

А потом две Ольги — маленькая и большая и Ефим шопотом о Луцком, о баронессе...

Молодежь насторожилась, слушает — интересно... — напали на верный след большой шпионки.

Раев подводит итог:

Луцкий — со счетов долой, мягкотелый «тилигент» — раскис, не опасен теперь...

— Нет, я думаю — будет полезен... — большая Ольга, с хитрецой.

— Ерунда!.. я хотел сказать... и не полезен... Ну, да с ним там видно будет... Понаблюдай пока — поручаем тебе... А вот баронесса... эта — тут дело серьезное: вот ее надо взять на

прицел...

Игорю поручили это...

. . . .

Последнее:

О Лазо. Что он двигается из Амурской тайги к Приморью...

Ильицкий и Николай сразу:

— Надо к нему, навстречу...

— С чем... с голыми руками?.. — из угла голос... Лунным бликом на подоконник, через него, туда, пятном на говорившего.

И рыжая борода из темноты:

— Не голыми, а с винтовками... — молодой сочный голос.

— Верно, Игорь. — Вся молодежь за ним.

— Ну, и идите... — Чужое насмешливое опять оттуда, из угла.

— И пойдем, — несколько голосов.

— Ревком, товарищи, есть, не торопитесь, — Раев спокойно. — Успеем и это решить...

— Ну... — и опять в ухо Раеву: —

— Верно — пуганая ворона...

Раев молчит.

— Верно...

Глава 16-я

КАПРИЗ

1. За завтраком

— О, баронесса! Я зет бил в Японии... Я думаю, ште у них не настоящий культура... Они хитрый народ, но... тен-

то... не умный... У японцев ум такий... желтый, як они сами.

— Ха-ха-ха! — звонким серебром звучит — вы очень остроумны, мосье Чечек... — и в глазах баронессы Глинской блеск... лукавый... ласковый... приветный...

— Еще кофе!

— Спасибо. — Чешский прокурор улыбается —доволен. — Я не хочу. Я зет! Накушаль. Сколько времья? Ого! Второй час.

— Вы торопитесь?

— Да. Я должен ехать на Первую Речку... в военнопленный лягер... Ви знаетэ? Там немножко неспокойно... Ест там едэн мадьяр Либкнехт... он об‘явил гольодовку.

— Мадьяр? Кто такой? Большевик?

— Да. О, знаете — он интересный человек.

— Именно?

— Он бил мадьярский офицер... А потэм служил у большевиков в Иркутску.

— Ну?

— Егда мы взяли Иркутск... а... Читу... тэн Либкнехт ушэл со своим мадьярским отрядэм в тайгу...

— В тайгу?

— Да... Он бил сначала в Амурской области, а потэм вышэл в Приморье.

— Да... И что же?

— Ну... егда Лазо бил разбит — ви знаетэ... Лазо теперь о-кон-ча-тель-но разбитый...

— Да, да, знаю... ну?

— Ну... тэн мадьяр Либкнехт бил пойман... А потэм... его — сюда... в наш лягер. Високий такий, красивый, черный — негодьяй... большевик...

— Ха-ха-ха!.. Вы его не очень любите, мосье Чечек.

— О-о-о!.. Ви сами знаетэ — чехи не любят мадьяров.

— Да?.. А почему же, скажите, он об'явил голодовку?

— О, понимаетэ... он говорит, что в лягере... пльохо... обращение... а... тэн... другие... большевики... тоже... з ним... бунтуют.

— По-моему, такой человек опасен.

— Ну, конечно!.. хотя-я...

— А он не убежит?
— Нет!.. Караул японский... а... чешский...
— Чего же с ним возятся?.. Вы как думаете, его расстреляют?
— Я думаю... Такий негодьяй... Но... теперь... Ви сами знаетэ... Американцы... а... правительство...
— Да, да... А вот, что: помнится мне, бывает так: приезжают в тюрьму или в лагерь несколько офицеров... Если есть опасные большевики... Ну... забирают их... и... увозят. Кончено. Пароль, приказания есть... кажется словесные... И администрация лагеря тут не причем. Бывает ведь?
— Да... Било... Ноо...
— Мосье Чечек! Ведь это правильно! Борьба... В интересах дела. Тем более такие люди, как... А вы знате, что!.. Вы меня заинтересовали. Мне очень хочется увидеть этого Либкнехта. Можно?
— Конечно,
— Вы едете сейчас. Разрешите мне с вами?
— С большим удовольствием.
— Вы очень любезны.
— Пожалюста...
— Так едем?!
— Едэм.
— Я сию минуту... Так значит, чехи не любят мадьяров?..
— О-О-о!

2. Концентрационные лагери

— Что мы не люди, што ли?..
— Звери?!
— Собаки?! Да?
Толпа заключенных шумит, волнуется:
— Голодом морят!
— Хлеб это разве?.. Свиньи есть не станут!..
— Не станут...
— Да-а-а...

— На обед баланда какая-то...
— В баню не водят...
— Вши совсем заели...
— Доктора нет...
— Да-а-а...
— Больные вместе со здоровыми валяются!..
— Помирай, как хочешь!
— Да-а-а... И мрем.
Шумят... Грязные... серые... страшные...
— Каратышка Баранов... рукава засучив, юлой вертится... Глазенки сверкают... кричит:
— Сволочи!.. Командира нашего до чего довели! Голодать заставили! Уморят...
Прокурор Чечек:
— Нэ вольнуйтэсь... нэ беспокойтэсь... Это будет разобрано... Подождитэ... Же будетэ вольноваться... тэн-то... вам хуже будет...
Быстро подходит комендант лагеря Вилк.
— На-здар, братрше прокурору!
— На-здар, братрше коменданту! Если они почнут слишком... то ви...
— Нэ беспокойтэсь. Я того лиду знаю... Я справлюсь.
Смолкают. Вилк свиреп.

Узкая камера. Окно с решеткой.
Либкнехт лежит на койке... Худой... бледный.
Восемь дней голодает — ослаб.
Дверь скрипит... открывается...
Вскочил.
Входит прокурор Чечек. С ним дама. И... на Либкнехта — через лорнет. Что ей надо?..
Чечек, волнуясь, говорит по-немецки:
— ... это все, что можно сделать. Остальное, то, что вы просите...
— Требую!

— пока невозможно. Там посмотрим... А теперь вы должны прекратить голодовку.

— Нэт!

— Лагерь волнуется. Вы делаете плохо и себе и им. Ответственность на вас. Говорю вам, — прекратите.

— Нэт!

Поворачивается спиной.

Чечек про себя:

— Сакраменто!

В автомобиле:

— Мосье Чечек! Я, кажется, права: это человек... очень опасный.

— Ничего... Ему тоже... будет...

— Да?! И следует. Кстати! Я буду очень рада видеть вас сегодня у себя... Вечером... часов в десять! Будете?

— С большим удовольствием.

— Жду.

3. Хочу

Две Ольги, большая и маленькая, о чем-то взволнованно шепчутся. Работу забыли.

Мадам Танго... немолодая (молодится — это позволительно), одета с достоинством...

Томно просматривает книгу заказов.

— Олечка! Этот... ваш знакомый... все еще голодает?

— Да.

— Я знаю. Бедный! Мне говорил Роберт Поллак... А вы знаете, этот чешский солдат очень милый... Не правда ли?.. да? Надо не забыть послать с ним в лагерь передачу...

— Кто это под‘ехал?.. Смотрите! — полковник Луцкий!

Ольга большая быстро встает и уходит... за портьеры.

— Один?!. Странно!.. А, вот и баронесса… Олечка, ты пришила канзу. Готово? Хорошо. Приготовь… — и мадам Танго жеманно приветствует баронессу и Луцкого.

— …вы сами видели Либкнехта?

— Да.

Они говорят по-английски.

Маленькая Ольга укладывает тюль и вся — внимание…

— Он необычайно красив…

— Гм…

— Но, вы знаете… такой враг опасен. Вчера вечером был у меня Чечек. Я говорила с ним… Он со мной согласен.

— Да?

— А у меня к вам просьба.

— Слушаю.

— Вы сейчас свободны?

— Не совсем, но…

— Милый, сделайте мне одолжение… Разыщите этого сотника… Баулина… Спешно… И пошлите ко мне. Я хочу…

— Что?

— Впрочем, это не важно… Так вы разыщете?

— Да. Но… что вы хотите?

— Я… Хочу… Чтобы вы сегодня вечером были у меня…

И баронесса улыбается. Лукаво… загадочно…

4. Действуют…

Все в сборе.

Две Ольги, Танючка, Кокушкин, Игорь Сибирцев.

Бледный, курносый Кокушкин не сидит на месте:

— Слушай, Оля! Тебе это не померещилось.

— Да нет же. Вот странный… Спроси Ольгу.

— Или это просто… так… Пустяки.

— Нет. Не пустяки… Видно сразу, что Глинская что то затевает.

— Недаром она просила розыскать этого палача Баулина.

— А ведь правда. Тогда знаете что? — Кокушкин сразу

вспыхивает, — не хотят ли они его тайком вывести в расход?

— Вот видишь, какой ты... — смеется Танючка — то пустяки, то — в расход.

— Нет... правда...

— Не знаю... — Ольга большая хмурит бровки — она говорила, что он очень красив... И в голосе у нее было что-то такое... непонятное.

— А может быть, она влюбилась в него и хочет переманить к белым... — опять вспыхивает Кокушкин...

А маленькая Ольга... тихо-тихо:

— Едва-ли... Я что-то боюсь за него, надо предупредить Раева.

Танючка — Игорю:

— Слушай... ты что же молчишь?

Игорь поднимается и... медленно:

— Я за него не боюсь... но... странно... Во всяком случае, Ольга, пиши записку... Этот самый чех у твоей мадамы сегодня будет?

— Да.

— Сделай так, чтобы было передано. Пиши.

_____

Ее рука на его плече... и глаза близко-близко...

— Вот видите, милый прокурор, это очень просто... От вас нужен только пропуск и приказание отпустить его на допрос... А дальше... дело конвоя... Во время попытки к бегству... Понимаете?

— Есть... Понимаю?

— Целуйте.

Рука... белая... нежная-нежная.

_____

... — Итак, сотник... теперь вы знаете, что это большая, важная тайна... Я выбрала вас... Все должны думать, что ему

удалось бежать. Это необходимо... С ним мы уже давно сговорились... Это будет наш лучший шпион... Но вы об этом — никому... Благо родины...

— Слушаюсь, — баронесса! Можете положиться.

— Я знаю... — и— также, как и прокурору:

— Целуйте.

5. Каприз исполнен

За решоткой окна чех часовой стоит и тихо-тихо поет:

«Ма мила матичка
Либала ма личко...»

Замолк... Слушает: как будто стукнуло что-то.

Нет. Снова и снова поет:

«зарныца выходзи
Мила мня не будзи...»

Заснуть бы... Что это такое?

В глазок двери рука... Просовывается... и на пол — записка.

Вскакивает. Тихо... Берет...

К двери — где из корридора лампочка светит... Читает:

«Тобой заинтересовались. Будь готов.»

Кто? Неужели?!.

—————

— Кто идет?

— Штык.

— Кого нужно?

— Комендант Вилк дома?

— Нэ знаю!.. Кажется дома...

— Где?
— Направо.

. . . .

— По приказанию прокурора Чечека, отпустите на допрос заключенного Либкнехта. Вот бумага.
— Какой допрос? Ночью?! Нэ могу!
— По приказанию...
— Нэт! Завтра. Утром...
Вилк сердит... Вилк упорен...
Тогда... сотник Баулин подходит и на ухо:
— Да что вы не понимаете что ли?.. ведь, мы его... того... При попытке к бегству... Поняли?
— Д-а-а! Круце фикс! Я нэ знал. Добре, добре! Пожалюсто... Возьмите.

_____

Скрип двери...
— Либкнехт! одэвайтэсь, на допрос... Ну, живо!
На допрос? Ночью?
Понял...
У Вилка усмешка — злая.
Ночь. Темно... На небе яркие звезды...
— Сюда!
Что это? Автомобиль?! А-а-а...
Открывается дверца...
— Входи...
Наклонил голову... входит... садится и... чья-то рука... маленькая... теплая... нежная... берет, прижалась...
— Тише! Не бойтесь! Молчите...

_____

Глава 17-я

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ РЕАКЦИИ

1. Смена

«В субботу, в час...»

Рука в кармане, а там — браунинг. На углу у проволки, у часового —

Стоит Попов.

Смотрит на жирный затылок чеха. Приготовился:

...Вот — сейчас...

Заметит—

Прямо в жирный затылок.

Пулю...

–––––

Взяли дядю Володю под руки и щебечут...

А за проволочными заграждениями много — и Совет в полном составе, и ответственные работники, комиссары и «просто» большевики...

На прогулке — на свиданье.

Сегодня передача.

А вдоль проволоки чех прохаживается... Винтовочка новая, русская...

Все быстро, быстро говорят: хочется много сказать. Не знаешь, что раньше... Полчаса — такие короткие.

— Же врьемя кончи... — Разойдись!.. — из караульного помещения чех — разводящий.

— Ашж! — Японский взвод встал, винтовки с плеч. Только ножевые штыки сверкнули, да чак приклада о гальку — враз.

Чешский офицер японскому рапорт:

— Караул смэнайсь!..

. . . .

Японские солдаты к арестованным — строят их по двое, считают...

Ругаются по своему... Грубо толкают... Другие — гонят посетителей также грубо...

Потом — застопорили вдруг: ищут — не хватает...

Замешательство —

Японский солдат что-то докладывает офицеру.

Маленькая Ольга по-английски ему же:

— Офицер, почему вы допускаете такое грубое обращение?!.

Японский офицер исподлобья — увидел: — девушка...

— Ниц-циво...

— Разрешите уйти? — опять по-английски к нему.

— Модзно. Ниц-цево... Модзно... — рукой своим солдатам... Модзно... — Потом неожиданно улыбается:

... — Ол-райт!.. Модзно... Идит... — еще неожиданнее.

. . . .

Шагают, не оглядываются — быстро за проволочную ограду — плотнее сжались трое:

Тук-тук-тук... — сердце громом у всех.

Слышат.

Вышли. Миновали последнего часового — японца... Вон и Попов...

Скорее бы за угол.

Завернули — вниз, бегом...

2. Результаты П. И.[1]

А ровно через три месяца — 18 ноября...

---

[1] Приморский идеализм.

«...При попытке бежать убиты конвоирами арестанты Суханов и Мельников»...
...Комендант концентрационных лагерей.
...Поручик Вилк.» —

А на самом деле было так:

Сначала —

... — Главнокомандующий союзными войсками генерал О-ой интересуется судьбой бывшего председателя Владивостокского Совета Суханова. Что вы намерены дальше делать?

— Мы... Готовы...

Будущий президент Чехо-Словакской Республики господин Массарик делает карьеру.

И по телефону сейчас же ночью только три слова:

— При попытке бежать...

Вилк весит трубку. Закуривает папиросу.

Скоро утро. Скоро... Потом —

Чуть утро... Туман слизкий, холодный — пронизывает.

Высоко подняты воротники пальто...

... Костя еще обернулся.

— Смотрите, улыбается.... Машет рукой... Ушли...

Тюрьма ждет — их повели два конвоира и сам Вилк.

Увели в туман. А там — . . . .
. . . .

— Братрше! Шагай скорей...

Конвоиры поотстали.

Вилк сам — двумя револьверами: — Сзади тихонько, к затылкам:

И...

... А потом конвоиры докололи.

3. Ольга и Танючка

Тырн... Тырн. Трынрррррррррынн... Открыли дверь.
С туманом в дверь... высокий, здоровый...

— Чех?
Напугались...
— Что вам?
А он:
— Здесь есть малэнкая Ольга...

. . . .

— Да! — вышла к нему.
... — Наши чехи...
А самого трясет...
— Сегодня утром убили Костю...
— И Мельникова... — добавил.
Тут —
Не выдала себя.

. . . .

А ночью — весь рабочий Владивосток уже знал.

Там, наверху, в слободках, далеко за полночь окна светили жуткими пятнами в туман...

Рабочие Владивостока были угрюмы — женщины плакали...

. . . .

Плакали и еще двое.

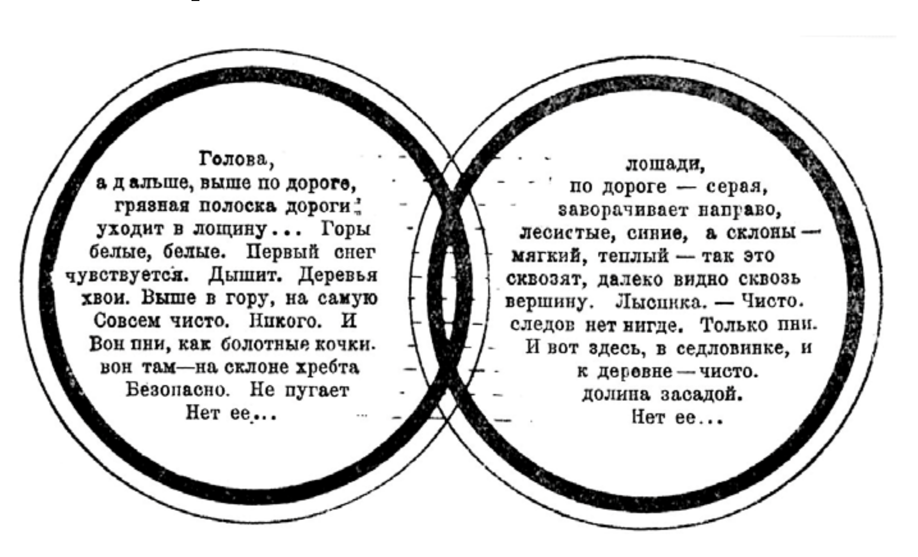
Там, по Шестой Матроской, в маленькой комнатушке уткнувшись в подушку, тихо рыдали две:

Ольга и Танючка.

4. Семь стариков

— Вот!

И он передал бинокль:

— Можно ехать! — Враштель ад‘ютанту. Тот к авангарду:

— Двигайсь...

— Модзно!.. модзно!.. — Японский офицер продолжает смотреть.

Отряд двигается. На скаку — тоже.

Вдруг —

Он нагибается, кричит:

— Стойт!.. стойт!.. там...

— Что? — Враштель впереди, оборачиваясь.

— Смотряйт... там... бурсунка ...ысс... там — ысс... Но не оканчивает фразы.

Залп Винтовочной сопочки из леска:

Чуить... чуить... чуить... пых... пых... чак... ссс...

Несколько кавалеристов дернулось, рванулись лошади.

Лошадь хорунжего мотнулась вправо, шатнулась и рухнула в канаву.

Другой грузно ткнулся в грязь дороги, молчит, убит...

Кавалеристов в миг сдуло с коней: мишень.

— В цепь! — кричит Враштель, осаживая лошадь в кана-

ву, — пулемет!

Японский офицер соскочил с лошади, тянет ее тоже к канаве...

— Цек-цек... ну... дергает он за повод. Та нейдет.

Пюик — пулька в голову лошади, — та вздыбляется, подбрасывает на поводу японца.

Потом — оба в канаву...

–––––

... — Батюшка, родной — смилостивись!.. — Женщины валяются в ногаху Враштеля, в грязи на площади и молят.

— Перед народом! срам ведь... стыд... старики... вели, чтоб там, в холодной пороли, пожалей седину... Молод ты сам и у тебя отец... вели...

— Молчать! — сволочь... Эй, там — снять штаны...

Их восемь... Все это старики села Гордеевки, самые древние в целом округе... Теперь их за сыновей, за всю деревню, за всю волость собираются пороть на площади перед всем сходом.

Стоит вся деревня — молчит. Потупились глаза у баб, угрюмо смотрят мужики.

А на козе, без штанов — голые, худые ноги стариков повисли натуженные, примотанные веревками к перекладинам.

— Срам-то какой, срам... — вздох в тишину одного старика с козы.

— Ну, живей! — там...

Принесли пучек лозы.

Вихрастый пьяный казак схватил:

Взмах... Свист...

Женщины закрыли глаза, зажмурили крепко, — чтобы не видать.

А сход, а толпу кольцом окружил карательный отряд — шашки у них блестят — лезвие острое, отточенное...

Ругань... Крики...

Двоих казаков срезало... Один стонет...

Толпу не пускают, окружили, чтоб не разбежались: смотри и казнись...

— Так их... так...

Стиснули зубы старики, ни звука.

— Хлеще их!.. — кричит какой-то с седла...

И хлещут — свистят прутья...

Резко, как хлыст — вопль женщины — она валится...

— Так вам, сукины сыны! Будете скрывать своих сыновей..?

— Будете давать подати?.. Будете прикрывать партизан?..

Молчание холодное, мертвое — в ответ в толпе.

Она — застыла.

Сжала: глаза — женщины, зубы и кулаки — мужчины.

. . . .

А потом —

ночью их еще пытали: на каленую лопату садили, горячей водой наливали...

Духу уже не было, да и плоть умирала, едва теплилась...

Тогда...

Под утро Враштель:

— Собирайсь! — скомандовал...

— Ваше благородие, а стариков куда?..

— Развесить по хатам!..

и вытащили на коньки и повесили с крыш над окнами крайних хат.

А одного — на журавль, потом вызняли... — все на краю деревни.

И висит над колодцем старик... болтается... бородой гуляет по ветру.

Восемь повесили — всех.

Сами уехали под туман...

Только один сорвался, ожил — уполз...

Семь осталось — висят...

И выглянули сотни глаз — прильнули к окнам...

— Ой, батюшки-светы! — Иван-то, матка... Ой! — на журавле... висит...

— Родимые... Родненькие... Ой!.. — и закликала девка, забилась, заумирала — припадочная.

5. Село Ивановка

— А морозец сегодня здоровый какой! — говорит Василий, входя в хату. Он снимает полушубок, стряхивает снег, и потирает замерзшие руки.

Около весело потрескивающего огня в печке — его сосед Клим.

— Что, замерз? — говорит он встречая Василия. — Да, мороз сегодня крепкий.

Потом задумчиво прибавляет:

— Нам тут хорошо, а каково нашим ребятам в тайге!

Оба мужика садятся у печки, разматывают кисеты, набивают трубки.

— Ну, что слышно? — спрашивает Клим.

— Давеча тут приезжал Степан с Кириллом за овсом. Говорит — готовимся. Скоро, говорит, наступать будем.

— Ну, это уж зря. Мало у них еще сил?

— Ну, так чтож. Если надо будет — разве мы не поддержим. Село у нас богатое — живем, как у бога за пазухой. Пусть берут — все дадим.

— Это вестимо, как оно есть. В этом сумлеваться не приходится. Дадим и сами пойдем — всем селом — истинный господь.

— Вот оружие бы нам только. Ружьишек! Пулемета какого-нибудь: видал, как косит: та-та-та-та. Здорово!

— Ну, тебе еще пушку! — смеется Клим. — Целую автономию.

— А что же? Мы и свою антимонию можем развести. На что нам эти генералы и полковники. Слышал — давеча, одного стражника за баней застрелили — из Благовещенска.

Входит Андрей, сын Василия, только что приехавший из

соседнего села.

— Говорят, японцы в Благовещенске хозяйничают во всю.

— Ну, до нас еще далеко... — говорит Клим. — А о Мухине ничего не слыхал?

— Говорят, готовится к восстанию. Отряд у него отважный — маху не даст.

— Эх! — хорошо бы прогнать всю эту свору.

— Да-Да-а... — задумчиво произносит Василий. Делишки! Ну, пойти спать, что ли.

Он стягивает валенки и, лениво раздевшись, влезает на печку.

— Эх, и ночка хорошая! — смотрит Андрей через окошко на улицу. — Звезд-то, звезд-то сколько...

— Ишь, загляделся. Спать пора. Завтра раненько нужно за дровами ехать...

Из доклада японской контр-разведки:

„...настроение среди населения отрицательное. В некоторых селах, как например Ивановка, крестьяне активно поддерживают партизан, снабжая их продуктами“...

— Ну, значит, в Ивановку — решает начальник японского карательного отряда.

— Правильно! Хоть одно село... проучить, как следует — чтоб им!..

С трех сторон к селу под'езжает японская артиллерия. Только одна сторона остается свободной — русло замерзшей реки. Но оттуда путь только один — в тайгу.

— Мы их выкурим отсюда, — грозит командир отряда. Пусть бегут в тайгу — морозец сегодня славный.

От разрывающихся снарядов уже загорелось несколько зданий.

В селе суматоха. Крики, шум, шопот. В перемежку пулемет:

...та-та-та-та...

Бегут крестьянки, накинув поверх рубашек полушубки... Спешно на ходу укутывают детей, грудных младенцев...

О защите села и думать нечего. Но отдаться в руки японцев — верная смерть.

Единственный путь спасения — по руслу реки в тайгу.

— Идем, — распоряжается Василий среди своих. Скорей собирайтесь. Андрей запрягай лошадей.

Но это последние его слова. Снаряд разрывается в двух шагах от него, ранит осколком в грудь и он ложится плашмя на земь, смешно раскинув руки и ноги. Андрей и Климов бросаются бежать, забыв про лошадей и про добро.

В русле реки паника. Бегут крестьяне, погоняют лошадей, скот. Все смесилось в причудливую толпу, колыхающуюся, движущуюся...

Над обрывом реки, в снежном сугробе упала женщина. В ее руках трепещущее маленькое тело — ее дитя. Никому до нее нет дела. Она останется тут одна... одна... умрет со своим ребенком...

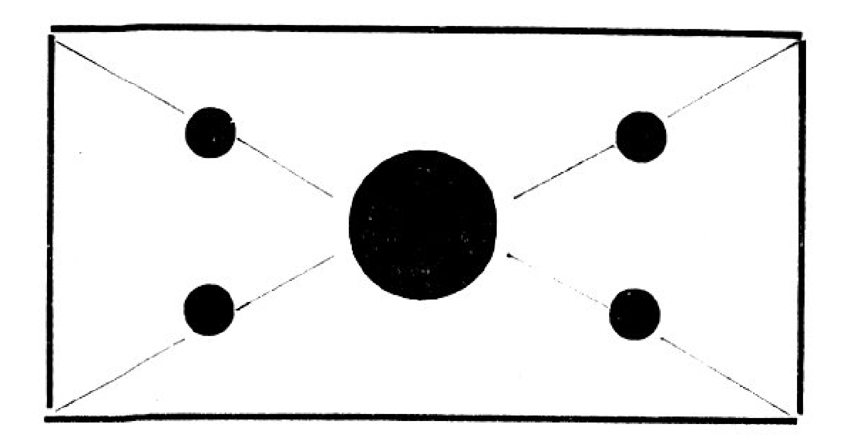
Вперед, вперед, без оглядки, в ночь, в холодную снежную тайгу...

А за спинами бегущих — зарево пожара: горит родное село.

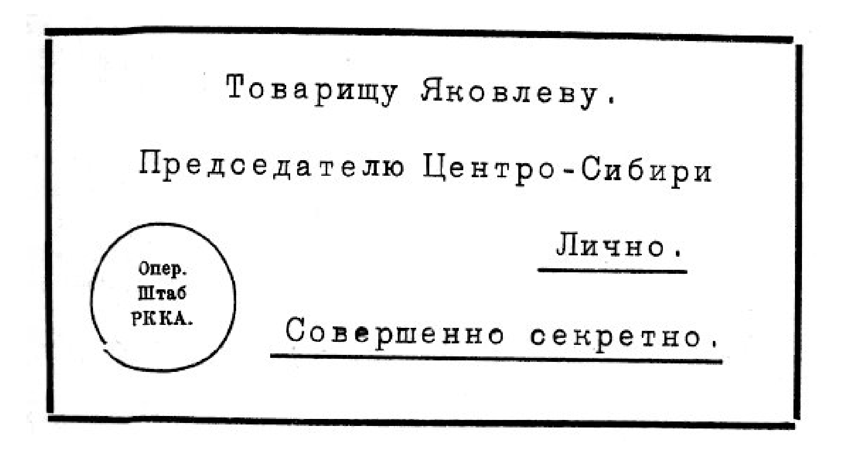
–––––

6. Опять
(Рассказ Ефима).

— Вот вам, товарищ, пакет:

Смотрю — сургучные печати, пять штук... Перевернул:

— Вот, товарищ, вы отвечаете собственной головой за целость этого пакета и его доставку адресату. Остальное —

вам расскажут в Разведупре. Прощайте.

И крепко пожал мне руку.

Он меня знал еще, когда мы брали Зимний дворец: я тогда по его личным поручениям ходил в разведку. Ну, теперь вспомнил, вызвал.

Стою, работаю; только запустил стружку, — из коллектива секретарь:

— Зовут в штаб, срочно — Подвойский. Бросай работу.

Остановил станок и в штаб.

А в Разведупре мне и говорят: «Должен поехать секретно на экспрессе Петроград-Владивосток. Отходит завтра в тринадцать часов».

Поехал...

Остальное тебе известно. Спецам не доверяли, да и белогвардейцев надо было обмануть — вот и послали два пакета...

— Значит, у этого полковника был фальшивый пакет, а командировочные документы — того отравленного...

— Так оно и было...

Теперь ему все понятно...

...А-а лай-ла... у-гу... у-у-ху... тягучее однообразное... доносится точно издали... из другого мира...

Он думает...

Оба молчат — каждый про свое...

А над головой только бездонная пропасть неба.

Не хочется ворочать головой. Глазами чуть ниже — верхушка мачты, край паруса... — старый, черный, дырявый... чуть треплется...

Чуть ветром по волосам — хорошо... не жарко...

Даже не хочется думать...

Отдых...

После такой тяжелой борьбы.

Одно только — что стоило пробраться сюда...

И мысли на Аян.

А там...

АЯН

...Седьмые сутки без пищи... маленький отряд измучен: дальше не в силах итти... Остановились... Он с ординарцем поехал в разведку... Заплутались... Попали на какие-то брошенные прииски... Едут... Крик сзади... Оглянулся — пусто, тайга, болото... Ординарца нет... И коня... Назад вернулся... дыра... и ничего больше... В окно провалился... В шахту... вместе с конем...

...Потом едва нашел место, где оставил отряд... отряда не было... Только место костра, да... кости... человеческие — кого-то с'ели... Наверное гольда... А потом ушли... может быть все погибли...

...Добрался к реке... таежная, быстрая, глубокая... Опять — неделя — только морошка, да голубица... — а потом уж и ее не мог есть... тошнило...

...Под утро увидел лодку... человек в ней... Звал под‘ехать... грозил — мимо едет... Прицелился — выстрелил... Человек ткнулся в лодку...

...Разделся, поплыл за лодкой... едва не утонул... ослаб с голода... — все-таки догнал... ранил его только... Отдал ему лошадь... взял муки... спустился на лодке до устья... чуть не унесло в море... — помогли рыбаки... Добрался на японском хищнике до Николаевска.

НОЧЬЮ

Маленький город дрожит, как придет ночь.

Стук в ворота:

— Бурсуйка, отворяй... — Входят — фонарь к лицу каждого... потом к себе в книжечку — посмотрят... погоргочут по-своему...

— Бурсуйка... идзем... сворчь... — и забирают с собой...

. . . .

Глухие шаги японского патруля. Жутко...

— Макаки... — шепчутся на окраинах, смотрят в щелки

закрытых ставней, во тьму ночи... прислушиваются...
Сидят без огня...
А потом... — залпы за городом...
Расстреливают...
Утром солнце.
— Коросо!.. — желтый квадрат маски улыбается...
— Рюцкий... барыцня...

. . . .

Два дня и две ночи он не спит — настороженно смотрит, слушает... маленький чужой город не знает... Он не знает, ни его не знают... Но белогвардейцы шнырят... случайно... могут узнать... лучше скорее... С рассветом на мол — уплыть с китайцами...
Вышел — идет...
Только к молу повернул...
— Цыган, что продаешь?.. — сбоку... посмотрел:
— Ефим... — Стоит, улыбается, глазом мижет...
— Идем.
Вышли на мол...

НАШЕЛ

А теперь... на шаланде хорошо... Берега далеко... Небо, да вода... Да китайцы... Да они с Ефимом...
...А-лай... ла... уи... уи...
Поет на корме китаец... шевелит рулем... Тихо... тепло... хорошо...
Глаза зажмурил...
— Нашел... — слышит...
— А все-таки я тебя нашел, Сергей... Вот — повезло...
— А...
Но Сергей сквозь дрему —
Только улыбкой...
— А Ольга-то... во Владивостоке... теперь... — Ефим ему.
...Улыбка еще ярче, теплее...
— Ольга...

— ...Вот мой план действий, — расскажи там, а это — передашь, как шифр и пароль... Довольно там паники и слез... Надо сейчас же приступить к организации отрядов в сопки... Заводы остановить... Взорвать, если понадобится... Дезорганизовать тыл, — вот наша задача теперь... сейчас... — передай там... Ну... прощай...

. . . .

Один — спокойный, уверенный... С новыми силами.
Опять — в бой...

7. Что делать?

— Стой, стой!.. Не бросай...—это что?..

— Да так, старая газета,— видишь грязная, — все равно ни чорта не разобрать...

Тот берет, разглаживает ее, присматривается.

— Смотри! — и начинает ему читать вслух:

ОПЯТЬ

. . . .
. . . . **терпеть**
этих большевиков . . . .
. . . .
. . . .
. . . . **Опять** . . . . .
. . . . **банды** . . .
Еще больше . . . .
. . . . **сам** . . . . .
. . . . **Лазо.**
. . . . **в Ольгинском уез.**
. . . . **Пера** . . . .
. . . . **конец** . . . .
. . . . **уничтож**

— ...Видал — миндал!.. Как они его боятся?..

— Да-а!.. Я говорили — убит...

— Враки!.. Как и Москву каждый день берут... Я видишь — организует отряды в Ольгинском уезде... Ну, значит, доберется и до Сучанской долины...

— Доберется, — там шахтеры...

У-уу...у-ууууууу...

— Слышишь, гудит — идем скорее, а то закроют ворота...

Бегом в завод.

Мимо далмата[1] в механическую...

Там —

У станков по рукам, группами — ходит обрывок газеты...

Разговор полушопотом. Подмигиванье... Тайные взгляды...

— Дело будет! — К новичку слесарю Дубровский, токарь: — Видал?

— Пора... — только и сказал тот.

— Верно... Ша—работать! Надо собираться в сопки.

— Дело!..

Всю ночь говорили — ни до чего не договорились. А надо бы:

Здесь — Сухановы, Мельниковы гибнут... Там — Гордеевки... Ивановки...

Край стонет от расстрелов, виселиц, нагаек...

Города живут жутью.

Пора...

С чем... Как...

Кто...

-----

[1] Портовая полиция.

— ...Он... Лазо... здесь... даже белогвардейские газеты об этом трубят.

— Рабочие знают... говорят! — что мы молчим?..

— Есть, которые сами к нему собираются...

— Знают его...

— Это... — командующий...

— Да... — Игорь вошел: — Вот... читайте...

Разрушать заводы... всеобщую забастовку... Организовать рабочие отряды — в сопки... Дезорганизовать тыл...

— Ну!.. — десяток молодых голосов.

...Все готовы.

Хоть завтра, хоть сейчас...

А глаза — огнями.

И таинственность.

... «Старики» остались...

...Молодежь —

К Лазо...

Глава 18-я

ЭШЕЛОНЫ СМЕРТИ

1. Кочегар Спиридоныч

— Кто до Красноярска?.. Прошу возвратить билеты.

— Как, уже?

В вагоне поднялась суета. Стаскивают с полок чемоданы, наспех увязывают узлы. Плачет ребенок. Скоро. Поезд прибавляет ходу.

Та-та-та-та-та-та: чаше колеса. Скоро. Уже за холмом справа зубчатой каймой поднялись сторожа Енисея— горы.

Растут... приближаются... и —

Еще поворот...

Колокольни... Дома... Водокачка...

Приехали.

Публика — валом к дверям... с корзинками, узлами, но...

Дверь отворилась...

Четверо.

Папахи... шашки... наганы.

— Прошу, господа, приготовить документы.

Осмотр.

Замолкли. Готовят документы. Недовольны.

Про себя, втихомолку:

— Черти... Чтоб им подохнуть... На каждой станции смотрят.

Бедно одетый, среднего роста, молча — белый листок... Глаза — в сторону.

— Гм... — Низенький офицер с красным носом и бесцветными глазами долго смотрит... Потом — на язык...

— Ага!.. пристает и... кисло.

— Мытый?

— Что?

— Мытый, говорю, паспорт?

— Нет!.. Что вы.
— Ладно. Дурака не валяй. Забрать!
Забрали.

—————

— Не говорит, кто он?
— Нет, путается... Да не видно, что ли: красноармеец... из лагерей бежал, должно.
— А, чорт с ним. В тюрьму!

—————

А через пять дней:
...при сем препровождается в ваш эшелон для дальнейшего направления... и проч.
Комендант эшелона — караульному унтер-офицеру:
— Петренко! Ткни его куда-нибудь.
— Слушаю-сь, господин поручик!
Звякает замок, и с визгом медленно откатывается дверь теплушки. В просвете лица: бледные... синие... грязные...
— Чего высунулись?.. Назад!.. Ну, а ты... Полезай!
Замок звякнул... Закрыли.
Темнота... духота... вонь... И чей-то голос над ухом взволнованно:
— Спиридоныч! Ты ли?
— Я!

2. Живое кладбище

— Моя пампушка, моя!.. — кричит китаец.
Хлебная корка, брошенная через окно вагона, подхватывается десятком рук. Но китаец держит ее крепко.
— Моя, моя...

В ту же секунду, кто-то ударом сапога в висок сваливает его.

— Бей его !

— Лупи!

Наваливаются гурьбой. Давят коленями.

— За что? — Кто-то интеллигентного вида пытается протестовать.

— Крой его, крой!

Несколько рук вырывают корку из желтых плотно сжатых зубов китайца.

В теплушке девяносто человек. Удушливый смрад: едкий дым махорки и человеческих испарений.

Вторая неделя: вши, грязь. Без хлеба. Двери заперты.

Куда они едут? Куда их везут? От станции к станции...

Они —пленники белых.

_____

Слышно—открывают дверь.

Голова прапорщика Колгунова.

— Кто тут Марченко?

— Я! — откликается в углу лежащий человек.

— Выходи на допрос.

— Он болен...—за Марченко отвечают другие.

Но прапорщик Колгунов, как всегда пьяный, не терпит возражений. Он с руганью лезет в вагон и, ударяя наганом направо и налево, пробирается к больному.

— Вставай! — Пинок ногой.

Больной не шевелится.

— Вставай!—Колгунов вздергивает его на ноги и силой выталкивает из вагона.

Больной падает, ударяясь головой об рельсы.

— Это зверство! Нельзя так обращаться с больными, — восклицает кто-то.

Прапорщик Колгунов оборачивается.

— Кто там говорит? Выходи! Ну...

Никто не шевелится.

— Выходи! — и прапорщик Колтунов хватает ближайшего за руку.

Другие заступаются:

— Не смейте!

— Ах, так! Значит, бунт! Хорошо-с...

Прапорщик Колтунов, бросив больного, сильно качаясь, удаляется.

Минут через десять он появляется опять в компании шести таких же, как он, пьяных офицеров. У всех в руках револьверы. Они бесцельно стреляют в стенки вагонов.

— Выходи! Марш все!

— Зачем? — кто-то робко спрашивает.

— Не рассуждать! Выходи!

Все выходят. Их заставляют выстраиваться в ряды и рассчитаться от одного до десяти. Каждого десятого отводят в сторону.

— Становись!

И тут же, на глазах остальных, бравируя меткостью стрельбы, офицеры устраивают живую мишень.

. . . .

— Ну, в вагон, марш! По местам!

Долго не могут оправиться пленники. Каждый знает: и он мог быть десятым...

Может быть будет — завтра, послезавтра.

_____

На верхней наре, около самого окошка кочегар Спиридоныч. Приходится сидеть согнувшись. Хорошо, что окно открыто: свежий воздух — можно дышать.

За окном — лента дороги. Телеграфные столбы. Изредка кустарник. И опять тайга, тайга...

Вот он великий сибирский путь.

Белые кости, высушенные солнцем, обласканные ветром — единственные памятники — там, по полям и дорожкам, по тропинкам тайги уроненных человеческих жизней.

Вот:

Чей-то скелет без черепа. Может быть, это замученный белогвардейцами рабочий. Молодой, полный сил, надежд...

Может быть, где-нибудь за сотни верст, а то и за тысячи верст от этого места его ждут. Ждет старушка-мать, ждет и посейчас сына своего: «Авось вернется, постучится в дверь, нежданно, негаданно»...

— Куда мы едем?—спрашивает свесившаяся с нар голова.

Больной лихорадочный блеск глаз, больших, серых, точно приклеенных к двум бледным скулам. Нет лица: это только обтянутый тонкой кожей череп.

— Куда мы едем? Ха-ха! — беззвучно хохочет сидящий внизу на корточках человек. Он с'ежился в маленький комочек и вот, кажется, когда рухнет то, что в нем еще держится, останется просто сверток тряпья.

...Тук-шшш-тук-шшш-тук-тук-шшш... —

Качается вагон на давно не смазанных осях.

...Тук-шшш-тук-шшш-тук-тук-шшш...

И вперемежку со стуком колес хохот сходящих с ума людей:

— Ха-ха!.. ха-ха!..

3. Станция зверей

Справа под снегом далеко, далеко тянется преддверье Монголии — степь.

Слева холм. На его скате лепится маленькая станция Маккавеево.

Ночь.

Порывистый ветер — внизу — сметает и крутит порошу, вверху — тянет лохматый полог.

Будет мятель... буран.

На станции тихо.

Черною ночью царит тягучая черная жуть.

Белобрысый, прыщавый телеграфист вздрагивает при каждом шорохе и бросает на дверь косые, пугливые взгляды.

В квартире железнодорожных служащих мигают робкие огоньки.

Не спят.

Повитые страхом мысли упорно тянутся туда, вниз, где на запасном пути чернеет грозный продолговатый силуэт. Оттуда в дыхании черной ночи волной выходит ужас и заливает станцию...

Броневик.

В ячейках бетонированных вагонов... с боков... и на верху в башенках — пулеметы.

Спереди за откидной стенкой — зев орудия.

Молчат.

Но в вагоне второго класса, где помещается штаб броневика...

Шум.

Сквозь наглухо закрытые окна доносятся пьяные крики... хохот... ругательства.

Командир броневика эсаул Званных — расстегнутый китель, волосатая грудь — разливает из жестяного банчка спирт и разбавляет водой.

Пьют... кружками.

— А вот я говорю, что прапорщик фон-Фридерикс — дурак! — Длинный, угреватый штабс-капитан Кучко стучит кулаком по столу. — Что он?.. Дал ему пятьдесят плетей, и удовлетворился кольцом да сотняжкой — дурак... Денег нет?.. Врет!.. Чтоб у этого жида денег не было... Да я-б ему семь шкур спустил — нашел бы.

— Его железнодорожники знают.

— Железнодорожники?!. Да они, сволочи, поголовно большевики. Мало их еще угробили. Будь я на месте атамана, я бы их всех на телеграфных столбах перевешал.

— Ишь ты!.. Я баб?

— Баб?!. Сумеем... Маху не дадим.

Тук-тук-тук-тук-тук — стучит аппарат... И белобрысый телеграфист — карандаш в судороге пальцев — дрожащей рукой... по телеграфному бланку.

Начальник станции низко клонит над журналом седую голову... но исподлобья... глаза... в окна... Застыли.

— Семен! снеси... туда...

Станционный сторож с тупым взглядом берет телеграмму и идет медленно, тяжело... покорно.

Ветер рвет.

–––––

— Ого! — эсаул Званных высоко вверх подымает телеграмму: — здорово!

— Ну?..

— Барон фон Унгерн приказывает принять эшелон... триста сорок по списку.

— Есть на закуску! — опять по столу кулаком... штабс капитан Кучко.

— Однако, господа, это не улыбается... Погода — холера, зараза ее возьми... Триста сорок — долго провозится... —Глаза белесые — спокойно.

А поручик Гальк, латыш —

— Долго?.. Так на пулэмэт!

— Браво!

4. На пулэмэт

Кочегар Спиридоныч — его теперь никто не узнал бы: худой... страшный... скелет — лежит на нарах теплушки... Теперь свободно... Умерли... Одиночками взяты — расстреляны... И Вася умер... С Васей-сцепщиком вагонов еще в Питере знаком был... Когда Спиридоныча привели в эшелон, Вася первый узнал его... Я теперь... Васи нет... Умер...

Много умерло...

Голод...

Тиф...

И он, Спиридоныч... тоже наверное умрет... Чувствует... Сил нет...

Или расстреляют... Тоже возможно... Едут... давно уж... Давно...

А куда... И приедут ли... и когда приедут... Неизвестно...

...Умрет...

–––––

З-з-г-зз — до отказа откатывается дверь теплушки. Ветер... снег... бело.

От белого снега глаза зажмурились.

— Из этого вагона все.

— Все? Выходи-и-и!

— Что? Зачем? Куда... — не то испуганно, не то радостно...

— Выходи, выходи!.. Куда? В баню!

Вылезают робко, шатаются...

Холодно. Бррр...

И из третьего... и из четвертого...

И из всех вагонов — тоже.

Кое-где... двух... трех оставляют...

— Выходи-и-и!

Вышли.

Туда... в сторону... шагов на сто от полотна:

— Станови-и-сь!.. В две шеренги... Равняйсь!

— Глянь-ка!.. броневик...

— Правда.

Состав увели, и стало видно...

Броневик... прямо... против.

Офицеры... солдаты — наверху...

Смотрят.

— Ой, братцы!.. Худо...

— Не каркай... Вишь: вылезли все... Да и много больно... Не станут всех-то... Да и слыхал — в баню, говорили... Пото-

му, видно поняли: тиф...

— Огонь!..

— Та-та-та-та-та-та.

Разом... Рвануло... Резнуло... Хлынуло...

— О-о-о-й!!.

Четыре пулемета с боков с башен... Пятьсот пуль в минуту каждый:

Та-та-та-та-та -та-та...

И... только... полминуты...

Кончено!

Тела... лица белым, белый снег красным —

Покрылись и...

Кончено.

Последние судороги — раз... два...

Кровавый хрип в горле и...

Кончено.

Баня.

5. Привидение

Не спится будочнику Силантию. Мурашки по спине:

...Брр...

На печке, а холодно. Ветер в трубе:

...У-гу-жжж-у...

А то, как кошка или младенец:

... А-у-и-оуй-и-и-й...

Дверь слабо на крючке, повизгивает на шарнирах:

...Чи-ик, чи-ик... Ветер.

Такого дня за всю жизнь не видал... — думает про себя будочник. — А ведь на турецкой войне был, в атаках, в огне...

— Зверям и то было-б стыдно... — думает старик. — После таких проделок львам и тиграм в детскую колонию записаться.

Фу! Старику совсем не до шуток. Будка около вокзала. Что им стоит зайти, замучить, зарезать его?

Даже обязательно зайдут! Непременно!

В полудремоте видит: уже зашли. Вот отрубили ему голову и дергают за язык...

— Ну, говори, что большевик, говори! — пристает к нему кто-то в погонах. Он ему кулак: дескать, я вам покажу — теперь без головы и не страшно...

Чу! что это? Точно кто-то дернул дверь.

Будочник моментально просыпается, открывает глаза и смотрит в упор в сторону двери.

В бледном отсвете ночного неба можно различить контуры предметов избушки, косяк двери, крюк.

Вот, вот! — видит, дверь опять пошевелилась. Крюк дрогнул.

У-у-у-жжж-жжж-ий, — завывает мятель и бросает охапки снега о стены избушки.

Да это просто мятель, и зря он напугался.

Но нет, нет. Вот опять совершенно явственно дрогнул крюк, точно кто-то тянет дверь с той стороны.

— Кто там? — кричит будочник, не слезая с печки.

— Откройте!

Ветер: у-ии-жжж...

— Откройте!

Дрожа от страха, будочник слезает и идет к дверям. Чьи-то пять белых пальцев просунуты в щель двери и приковывают его взгляд: рука мертвеца.

— Откройте!—у-и-жжж-ий... — Слово выливается в дикую какофонию звуков бушующей мятели. Точно за дверью тысячи палачей уныло точат ножи и, скрежеща зубами, завывают:

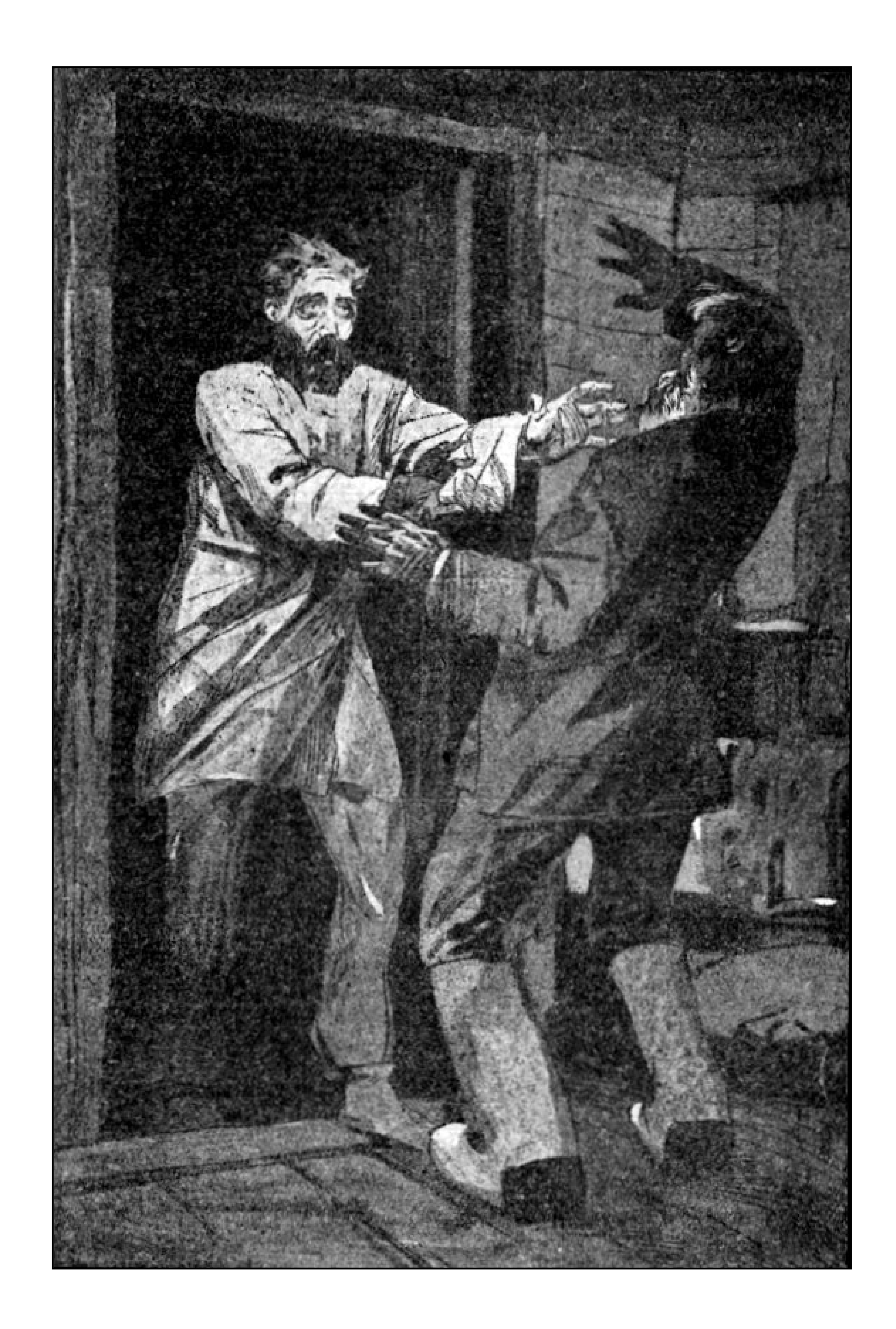
— Откройте!..

Старик почти машинально поднимает крюк. На него валится белая фигура — мертвец, охватывает его крепко, крепко и прижимает к себе.

Кровь застывает в жилах будочника.

Но лишь на секунду.

— Товарищ, помогите! — слабым голосом шепчет Спиридоныч. — Они меня раздели и хотели убить... Я совершенно замерз.

— Сейчас, браток, сейчас.

Будочник закрывает дверь и, прикрыв Спиридоныча кое-как своим полушубком, затапливает печурку.

— Сейчас чайку выпьем. Попьешь — отойдет.

\-----

А за дверью бушует мятель.

Ветер треплет волосы убитых и замученных и... Точно устыдившись белогвардейских зверств, торопясь окутывает трупы белыми снежинками.

Глава 19-я

ПОХИЩЕНИЕ ЗАГОВОРА

1. В пять утра

Уже с полчаса какая-то женщина прогуливается взад и вперед по тротуару недалеко от японского клуба.

Ранний утренний час. Что нужно этой женщине?

Вдруг к ней со стороны клуба быстро приближается Ефим и шепчет:

— Он!

В это мгновение появляется в полосе света автомобиля женщина. Она заламывает руки и с громким стоном падает на панель, почти посреди дороги.

— Остановите машину! — кричит Луцкий шоферу. — Тут упала какая-то женщина.

Он мгновенно выскакивает из автомобиля и подбегает к упавшей.

— Мадам, мадемуазель... Что с вами?

Она, повидимому, без сознания. Глаза закрыты. На нежном овале лица яркий румянец. Тонкие алые губы еле заметно вздрагивают.

Что-то знакомое! Да, да — он ее где-то видел — он припоминает. Но каким образом она здесь?

— Шофер, помогите ее положить в автомобиль!

Китаец про себя двусмысленно улыбается.

— Мадам умирай, мадам капитана...

— Дурак! Поезжай ко мне. Быстрее!

Он бережно укладывает ее на сиденье автомобиля и рукой поддерживает беспомощно спущенную голову Ольги.

Как странно! Опять эта женщина! Но уже не как образ, а в'явь.

Быстро автомобиль доезжает до дома Луцкого. Он берет Ольгу на руки и относит в столовую на большой диван.

Ольга раскрывает глаза.

— Где я? Ох, пустите! Где я?

— Не бойтесь, не бойтесь. Я вам не сделаю никакого вреда. Я — ваш знакомый.

— Вы?

— Ну, да. Разве вы не помните: японский штаб, допрос, офицер. А затем я не уверен, но мне кажется, что я видел вас во Владивостоке.

— Так это вы? — Ольга порывисто схватывает его руку. Но в тот же момент порыв гаснет...

— Вы меня подобрали, чтобы арестовать и повести опять в ваш штаб?!

И с истеричной решимостью:

— Но, знайте, я вам не сдамся... Я...

— Зачем, зачем! Ну, не волнуйтесь. С вами был обморок, и вам вредно волноваться. Я уже сказал, что я вам не сделаю никакого вреда.

— Ну, так пустите меня! Я хочу домой!

— Пожалуйста, но я был бы счастлив, если бы вы разрешили мне довести вас в моем автомобиле.

— Хорошо... Я так устала... — Она уже доверчиво прислоняется к плечу полковника.

Рука ее случайно остается в руке полковника. Полковник не отнимает своей. Голова Ольги медленно опускается на подушечку дивана, и она закрывает глаза.

Через несколько секунд грудь ее равномерно поднимается и опускается — она спит.

— Еще как девочка, — думает Луцкий. — Совсем маленькая, но уже побывала на фронтах, страдала... Чем она занимается теперь?

Он не знает. Но она так мила... невинна...

И, подчиняясь какому-то неведомому рефлексу, он машинально наклоняется к ней и еле заметно дотрагивается губами до ее руки...

\-----

— Очень вам благодарна, — говорит Ольга Луцкому у под'езда его дома. — Уже утро, и я пойду пешком...

— Я буду рад вас видеть у себя...

Ольга сдвигает брови.

— Нет, нет! — предупреждает ее Луцкий, порывисто схватывая ее руку. — Просто так, поверьте мне.

— Хорошо, я верю вам, — отвечает Ольга.

— Я буду ждать вас завтра в шесть...

— Хорошо!

Ольга уходит. Она довольна. Не даром они с Ефимом вслед за Луцким приехали из Владивостока сюда в Харбин... Не даром.

2. Итак, ровно в восемь

— Поймите же наконец, что это и есть интересы нашего народа... поймите, что...

Полковник увлекся своей миссией наставника и говорит, говорит убежденно... Аудитория для полковника благодатная: всего два розовых ушка...

Ольга слушает с видимым вниманием. Изредка возражает, но мягко, точно провинившаяся уступает.

Полковник в восторге.

Как быстро ему удалось повлиять на нее! Вот что значит сила убеждения. Никак — личный магнетизм.

— А теперь расскажите что-нибудь из своих похождений, — просит Ольга.

Полковник не заставляет ждать. Одна за другой перед глазами Ольги развертываются картины его фронтовой жизни, десятки рискованных предприятий, из которых полковник всегда выходил победителем.

И в подтверждение своих рассказов он то и дело демонстрирует фотографические карточки, кинжалы, револьверы...

— Вот эта шкатулка — подарок персидского посла. Когда я был начальником дивизии на Кавказе...

— Вы были и начальником дивизии? — с явным восхищением восклицает Ольга.

— Да! Да вот взгляните на этот документ... — он вынимает и показывает ей мандат штаба.

— Вы, вероятно, занимали много ответственных постов? — не скрывая своего любопытства, спрашивает Ольга.

— О! — и один за другим перед глазами Ольги раскрываются различные мандаты и назначения.

— Интересно! — только и может выговорить Ольга.

Полковник чувствует, как он вырастает в ее глазах, и это пьянит его самолюбие. Ему хочется быть самым умным, ловким, сильным, — чтобы она... да может ли это быть... чтобы она полюбила его крепко, крепко — вот сейчас — навсегда...

Стрелки миниатюрных часов на браслете Ольги показывают без пяти восемь.

— А что у вас за странные трости в передней? — спрашивает Ольга. — Я видела их, когда вошла. Это тоже реликвии?

— О, это замечательная история... Вы заметили, что концы их зазубрены...

— Нет, я не успела их разглядеть.

— Я сейчас вам их принесу.

Полковник выходит. Быстрым движением Ольга схватывает бумажник, раскрывает: нет, нет! Все бумаги! А! Потайное отделение: вот он — голубой конверт.

Два шага к камину. Конец свесившегося внутри камина шнура. Конверт и шнур — вверх.

Одна минута девятого.

Ольга спокойно перебирает коллекции открыток, когда входит полковник. В руках у него две трости.

— Так вот — эта история началась еще в Сингапуре... Мы...

. . . .

С крыши соседнего с домом полковника здания спускается Ефим.

— Все теперь прекрасно. Лишь бы Ольга выпуталась. Ну — она-то сумеет...

Длинные тени ползут за Ефимом.

Неожиданно черный мешок окутывает его голову, и чьи-то цепкие пальцы сжимают горло.

Но Ефим не зря — бывший токарь. Мускулы упругие, крепкие, как сталь пружинясь напрягаются.

Ра-ас-с-с! — резкий поворот, и сразу слышно, как один из напавших со стоном валится.

Он тотчас же вскакивает. Но полторы секунды достаточно, чтобы, схватив через плечо голову другого противника, бросить его на-земь.

В следующую секунду Ефим сбрасывает и мешок.

Только теперь он видит, что напавшие на него: два китайца.

Первый из них вскакивает на ноги, схватывает Ефима за горло. В то же время второй, тоже поднявшийся, наваливается на Ефима сзади.

Три тела клубком катятся по земле. Ефим чувствует, что китайцы все-таки его одолеют. Но что им надо?

Вдруг наверху Ефима лежащий китаец вскакивает на ноги. Одну секунду видит Ефим: в руках китайца голубой конверт. Рванувшись со всей силой, Ефим тоже вскакивает на ноги и схватывает конверт. Удар коленом в живот — китаец падает. В руках Ефима половина конверта.

Но Ефим этого не замечает. Сжав кулак с документом, он бежит изо всех сил.

3. Любовь и долг

Девять часов вечера.

Полковник, достаточно наговорившись, собирает свои коллекции и карточки. Взгляд его на момент останавливается на бумажнике, лежащем на столе. Он берет его и, прежде чем положить в карман, заглядывает в потайное отделение. Он это делает каждый раз, когда берет бумажник.

— Что это? — Зрачки его ширятся. Он стремительно подбегает к Ольге и впивается в нее взглядом.

— Вы?

— Что с вами, полковник? — испуганно говорит Ольга, — что случилось ?

— Не притворяйтесь! Вы знаете, где голубой конверт. Он был тут — в бумажнике. Где он сейчас? У вас?

— У меня нет никаких голубых конвертов.

— Нет? — полковник подбегает к окну. Нет, окно крепко заперто. Документ должен быть тут. Тут в комнате или у нее.

— Вы обманули мое доверие к вам. Я вынужден вас арестовать.

—С этого нужно было начать, — насмешливо говорит Ольга. — Хотя я подозревала об этом с самого начала. Еще с того вечера. И незачем вам было придумывать какую-то историю с голубым конвертом.

Полковник в бешенстве, сжимая кулаки, бегает по комнате. Что теперь делать, что делать?

— Ну, арестуйте же, — говорит Ольга. — Я жду.

Полковник не знает, что делать. Можеть быть, в самом деле она ничего не знает. Но где же конверт? Как он мог исчезнуть?

Нет! Нет! Не может быть, чтобы это была она. Но как же иначе?

С лихорадочною поспешностью он вытряхивает все содержимое бумажника. Пересматривает все. Роется в ящиках стола, шкатулочках, везде, везде, там, где он никогда даже не думал прятать этот документ.

Голубого конверта нет.

Полковник сидит, сжавши голову руками. О, это ужасно! Как это могло случиться? Что скажет теперь баронесса? Каковы будут последствия, если содержимое документа узнают заинтересованные стороны?

— Надеюсь, вы не полагаете, что я тут намерена ночевать, — слышит он спокойный голос Ольги. — Прощайте, полковник, я ухожу.

Как она может говорить так спокойно? Он стискивает зубы. Затем две резкие складки окаймляют рот. Полковник встает.

— Простите! Вы сейчас никуда не уйдете. Вы останетесь тут, пока я позвоню в полицию. Вы — арестованы !

Ольга гневно сдвигает брови. С нескрываемым презрением она смотрит на полковника.

— Вы... вы смеете...

Точно штопором врезывается этот взгляд в полковника. Ах, может быть, в самом деле она ничего не знает? Он опять колеблется. С неимоверным усилием овладев собою, он почти выдавливает слова:

— Но поймите... поймите! Я не могу иначе!.. Мой долг требует.

И, подавляя бурлящую в себе пену нежности, он твердыми шагами направляется к телефону.

— Алло! 5-35.

-----

4. Палец в конверте

— Полковник, я так рада... так рада...

Ольга бросается в об'ятия Луцкого.

— А документ где? — сурово спрашивает баронесса.

— Здесь!

В руках Ольги голубой конверт. Смеясь, она передает его баронессе.

— Получайте!

— Благодарю вас! — Баронесса улыбается и, лорнируя Луцкого, спрашивает:

— Когда же ваша свадьба?

— Через две недели, — отвечает Луцкий. И, повернувшись к Ольге: — не правда ли, Олечка?

— Да, да, милый! Баронесса, если бы вы знали, как нам хорошо. Мне только жаль вас!

— Меня?

— Ну, да! Вам тоже пора выйти замуж.

— Я уже замужем!

— Вы? Кто же...

— Вот — мой муж!

Из-за портьеры появляется Ефим в элегантном фраке. Он подходит к баронессе и целует ее в обе щеки.

. . . .

Все что угодно, но этого и спящий не вытерпит. С остервением Ефим сбрасывает одеяло и долго не может прийти в себя.

— Фу, какая нелепость! — плюется Ефим. — Ну и сон. И приснится же...

. . . .

Ефим думает.

— А что теперь с Ольгой? — Последнюю записку от нее из тюрьмы он получил на прошлой неделе. Прошло уже

пять дней... А он просил ее посылать записки ежедневно.

— Правда, Луцкий к ней неравнодушен. Но ведь он не один. Белые не остановятся ни перед чем, чтобы отыскать документ. Да, Ольге несомненно угрожает опасность. Нужно спасти ее, пока не поздно.

— А документ, — усмехается про себя Ефим, — они все-таки не получат. Документ спрятан в надежном месте и останется там, пока он добудет вторую половину его. А тогда....

Стук в дверь.

Голова боя.

— Капитана! Ваша пакет...

Он подает Ефиму об'емистый конверт.

От кого? Откуда? Ефим спешно рвет края пакета. Из конверта на колени его падает тонкий женский палеи, ударяется об ногу Ефима и скатывается на пол.

Ефим стоит, расширив глаза, ничего не понимая.

Потом, спохватившись, судорожно схватывает записку, находившуюся в конверте.

Она, повидимому, была обернута вокруг пальца, потому что местами запачкана кровью.

Текст ее:

Жизнь вашей знакомой, арестованной белыми, в ваших руках. Мы требуем немного: обрывок документа, имеющийся у вас. Мы ждем вас сегодня в чайном домике Ши-фуна. Приходите одни.

— Что делать? Что теперь делать? Они замучат Ольгу, если документ не будет возвращен.

И он с ужасом поднимает палец, лежащий на полу.

5. Что задумал Ефим?

Вечером того же дня Ефим рассчитывается с хозяином комнаты, которой пользовался для свидания с Ольгой.

— Я уезжаю в небольшое путешествие, — говорит он хозяину, — и не знаю, когда вернусь.

Глава 20-я

ПЕРЕТАСОВКА КАРТ

1. Самостийники

От Харбина к югу в сердце Китая тянется Чан-Чуньская ветка Китайской дороги.

В купэ второго класса сидит полковник Луцкий. Один.

Лицо усталое, грустное.

Едет в Пекин... А там:

Князь Кудашев... Доклад...

Приказала баронесса Глинская.

Недавно, по ее же приказу, вернувшись из Благовещенска, Луцкий вновь отправился дипломатничать. Хабаровск... Чита...

Семенов... Калмыков... Атаманы.

И теперь грустно.

Плавное покачивание вагона наводит дремоту.

На память лепятся обрывки картин...

. . . .

Привольный широкий красавец Амур буйно прорывает хребет Хингана.

Направо... налево по кручам гор тайга...

Дикая, могучая, красивая.

Слегка вздрагивая, быстро вниз по течению идет пароход.

И чуть ли не при каждой остановке с пристаней на пароход вваливается комендантская команда: нюхают, шарят, ищут: в каждом пассажире — большевика, в каждом углу — контрабанду.

— Нахал! — вспыхивает какая-то дама, — как вы смеете... Это безобразие, господин офицер.

Полупьян... Скрывает смущение... Отходит...

— Ишь... коммунистка.

В порыве усердия думал найти большевика у дамы под блузкой.

. . . .

По скатам и гребням трех гор, в садах зеленый Хабаровск.

Атаман Калмыков в кресле своего кабинета... В штабе.

Низенький... Щупленький... Плюгавый. Это тот самый, который налетом ворвался во главе отряда на 86-ой раз'езд и прервал связь между Востоком и Западом.

Тогда он был просто прапорщик, а теперь он — атаман Уссурийского казачьего войска.

Сегодня у атамана шапка на затылке. Все довольны.

Верный признак: шапка на затылке — проси, что хочешь... шапка на лбу — не подходи...

Развалясь в кресле... атаман — Луцкому:

— Что вы говорите... Американцы — друзья?.. Неправда... Плохо вы их знаете, полковник — жиды и большевики.

— Я полагаю, ваше превосходительство...

— Да, что говорить... Недавно чуть было не арестовали двух моих офицеров... Хорошо, японцы там были — выручили. Вот японцы — другое дело... Помогают... Вместе с моими отрядами... По деревням... Большевиков ведь много... А... что тебе?

— Ну, говори, говори!..

Низенький, пухлый прапорщик с пышной шевелюрой вытягивается в струнку:

— Ваше превосходительство! Прошу вашего содействия... вызвать на дуэль ад’ютанта китайского генерала Ли-Ши-Чена.

— В чем дело?

— Оскорбил.

— Как?!.

— Вчера на берегу... какой-то ходя задел меня...

— Ну?..

— Я дал ему в рожу... А тут... китайские солдаты... Человек десять... и с ними ад'ютант Ли-Ши-Чена...

— Ну!..

— Вступились... Оскорбили... Ваше превосходительство... Честь мундира...

— Ну...

— Хочу вызвать на дуэль.

— Молодец!.. Подавай рапорт.

. . . .

Над рекой Ингодой, на песчаном холме, окруженная сосновыми лесами, раскинулась столица Семеновского царства — Чита.

Сегодня атаман Семенов в приеме полковнику Луцкому отказал: спешно едет по вызову в японский штаб, но... и не просил даже, а просто приказал: быть сегодня вечером в шантане.

В шантане?..

Луцкий скандализован:

В шантане...

И все-таки едет.

Успех миссии прежде всего.

. . . .

Довольно большой зал горит широкой люстрой и десятками бра.

Столики... столики... столики...

Лакеи. Бутылки. Фрукты. Офицеры. Дамы. Бокалы. Звон. Шум...

Лысый чех дирижирует струнным оркестром.

У самой сцены — большой продолговатый стол...

Атаман Семенов, окруженный группой офицеров, пьет...

И с ним Маша-цыганка.

Луцкий шокирован, но...

Вежливо, скрывая брезгливость, целует руку наложницы атамана.

Вспомнилось:

На бесконечно унылой Ямурской дороге, направляясь в Читу, он знакомится с харбинским евреем-коммерсантом...

— Что вы думаете?.. Я еле оттуда живым выбрался... Это мне стоило копеечку...

— Что вы говорите?.. Разве атаман...

— Нет!.. Зачем атаман... Я дал Маше-цыганке.

— Как?..

— Я что вы думаете?.. Она там — царь и бог... Что хочет, то и делает.

Теперь вспомнилось...

И Луцкий исподтишка рассматривает легендарную фаворитку атамана Семенова.

Почти... голая.

Большие, горячие, влажные еврейские глаза мечут лукавые, зовущие искры... А губы... Пухлые, жадные... вторят.

Маша держит бокал... и смеется.

А над ней... сгибаясь в три погибели...

Какой-то поручик...

— Помилуйте!.. Я четыре года проливал кровь... Родина... Был неоднократно представлен в капитаны... в подполковники... И... как видите... — поручик разводит руками, — поверьте, я сумею отблагодарить...

И что-то — на ухо.

— Хорошо! — кивает головой: — придите завтра.

Поручик склоняется еще ниже и целует белые обнаженные руки.

. . . .

В Даурию к Унгерну Луцкий не завернул. Слышал... знает: застенки... садизм... грабеж.

. . . .

Нет! Довольно!

Обратно... в Омск... на фронт. Там лучше.

. . . .

Там наивные с бело-зелеными ленточками студенческие полки генерала Пепеляева

поют:

...Вскормили нас и вспоили
Сибири родные поля...

Там легче, свободнее дышится.

А пока...

В Пекин.

2. Атамановская неразбериха

Маленький клубочек белого дыма плывет вперед и расширяется в большое сизое кольцо. По мере увеличения кольца, посреди него появляется редкая щетина тщательно причесанного бобрика. Выдаются надкостницы глаз с густыми седыми бровями и тонкий орлиный нос.

Ниже — бархатный отворот утреннего шлафрока, черный шелковый шарик пуговицы, согнутая рука с длинными пальцами держит визитную карточку:

Григорий Григорьевич
Луцкий
Полковник Генерального Штаба.

Следующий клубок дыма заволакивает карточку. Через окно: жалюзи открыты. С улицы холодок. Бледное, холодное осеннее солнце.

— Дайте визитку.

Князь Кудашев кладет карточку на серебряный поднос. Лакей помогает одеть ему визитку.

— Теперь — просите.

Бесшумно ступая по мягкому ковру, ровным военным шагом входит Луцкий.

— Князь, вы хотели видеть меня?

— Да! Прошу вас.

Луцкий садится напротив князя.

— Вы работаете над созданием национальной армии... — медленно произнося слова, говорит князь. — Отличная идея. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

— Князь, после того, что я видел, проезжая через атамановские районы, мне кажется эта идея неосуществимой.

— Да?.. — протягивает князь. Правая бровь поднялась и изогнулась вопросительным полукругом.

— Вот вам: Калмыков сидит в Хабаровске — организует карательные отряды, ловит и вешает большевиков, ссорит-

ся с американцами, дружит с японцами, никаких приказов не признает и совершенно ничего не делает по плановой организации запасных полков.

— Да?.. — опять протягивает князь. Правая бровь уже спокойна.

— Атаман Кузнецов хочет быть дипломатом, — продолжает Луцкий.— Он боится тайги и еще больше думает о японцах, чем Калмыков. Тоже можно прибавить о Семенове и Унгерне, с той лишь разницей, что один из них организовал шантан, другой — ряд застенков.

— Значит, по-вашему, организация национальной армии теперь... — князь не доканчивает фразы и, прищуря глаза, смотрит на Луцкого.

— ...Невозможна.. — подтверждает Луцкий недосказанную мысль князя.

— Баронесса об этом знает?

— Да!

— Что думает баронесса?

— От баронессы я в восторге. Она прекрасный организатор и, пожалуй, единственная среди нас, наиболее практично подошедшая к осуществлению наших задач. Но мне несколько непонятны ее планы...

— Планы? — правая бровь князя опять поднялась.

— Да... — Луцкий нервно закусывает губу. — Т.-е. я хотел сказать, она имеет... она несколько отклоняется от общего плана прочих русских организаций...

— Ах, так... — В уголках рта Кудашева играет еле заметная улыбка. Он поворачивается к Луцкому.

— Ну, а что вы думаете о самом себе?

— Только одно. Туда, в Сибирь, на фронт...

— Да, вы там больше пригодитесь. Тем более — когда начнется национальное об'единение армии.

Луцкий поддается вперед всем туловищем и смотрит с затаенной надеждой в глаза Кудашева.

— А кто будет ее возглавлять?

— Адмирал Колчак. Так решили союзники. Мы.

Луцкий порывисто откидывается на спинку стула.

3. Претенденты на престол

Как приветливо осеннее солнце...

Особенно, когда, после буйного тайфуна, оно выглядывает из-за облаков раннего утреннего часа...

. . . .

Владивостокский морской штаб.

Маленький балкон в третьем этаже с перилами. За перилами трясутся по ветру две белые кишки. Нет, то не кишки — это штаны адмирала.

Какого?

Вот стоит он в трясущихся кальсонах. Адмирал Колчак.

— Российский престол не за горами, — думает он и трясет через перила недостающую на нем часть одежды.

— Джах-хах-джах! — бьется она о перила.

У адмирала нет еще свиты и слуг. Но будут, непременно будут. Вероятно скоро...

Мечта:

...Вот он на балконе, перед толпой народа. Принимает парад. Внизу площадь, армия. Он говорит речь, вдохновенную, яркую...

— Русские люди!..

А внизу народ кидает шапки в воздух и кричит:

— Урра нашему...

И: «боже, царя храни»...

. . . .

Как приветливо осеннее солнце!

. . . .

Генерал Хорват пьет чай и просматривает газеты.

Отхлебнул полстакана, лениво скользит по газетным столбцам. Ложечка повисла между двумя пальцами, и генерал знакомится с мировой политикой.

Потом ложечка ударяется о край стакана и погружается в чай.

Мировая политика очень интересна.

— А... — произносит генерал. Неизвестно, когда он произнесет следующую букву алфавита, потому что

в газете, черным по белому:

> ...Генерал Хорват должен стать правителем всей Руси.

— Наконец-то заговорили! — восклицает генерал. Что же, он согласен. Если уж это так надо и для народа — он согласен!

— Бой!!

— Иес!

— Шпагу, вицмундир!

Бой вынимает из шкафа тщательно уложенные веши. Хорват бережет их, как святыню.

Медленно зажмурив глаза, он одевает вицмундир и шпагу. Теперь только голубую ленту через плечо.

Ну, чем он не царь?

. . . .

Как приветливо осеннее солнце!

. . . .

РУССКИЙ ГОЛОС [1]	ДЖАПАН ТАЙМС [2]
Искренний порыв и широкое сочувствие народных масс — вот база, на которую мы опираемся. Настоящая демократия может быть только при царе. Этот царь — наш любимый вождь и выразитель наших интересов — генерал Хорват.	...Нужно сохранить учредительное собрание, кончить войну с Германией и заняться благоустройством России. Это благоустройство — парламентский образ правления. Возглавлять же его по нашему мнению может только один — генерал Колчак.

ДЖАПАН АДВЕРТЕЙЗЕР.

50 милл. доларов — это тот посев Американских Соединенных Штатов, который даст наилучшие всходы, как для России, так и для Америки...

4. Антанта глупеет

В здании японского посольства в Пекине.

Сегодня: совещание союзников. Будут решать судьбы России. Кто: Колчак или Хорват?

Маленький японский дипломат Изомэ любезно принимает послов. Огромные роговые очки его поблескивают.

— Подзалуста, подзалуста!

Два боя безшумно скользят по циновкам, которыми покрыт ослепительно чистый пол балкона и комнаты.

Около Изомэ кланяется незаметно подошедший к нему бой.

———————————

1. Орган монархистов.
2. Орган английской ориентации.

— Капитана...
— Что?
— Ваша просила. Там...
— Ага!
Изомэ проходит библиотеку, направляясь в угловую комнату. Там бой раздвигает ширмы, стоящие у стены и открывает потайную дверь. Три шага и темный проход. Затем небольшая комната. На столе — радиоприемник.
— Чей шифр? — спрашивает Изомэ телеграфиста.
— Незнакомый. Нет ключа.
— Вот ключ! — отвечайте:
.. .здесь Изомэ, слушаю...
...Маска...
...Пароль...
...23 + 18... Документ будет! Действуйте...
На радио-станции во Владивостоке политконтроль контрразведки:
— С кем вы переговариваетесь?
Вместо ответа незнакомец вынимает записку на бланке штаба.
— Вот разрешение.
— Тогда пожалуйста.
Человек в матроской форме выходит из радиостанции и насмешливо улыбается. Но следом за ним идет Ефим.

. . . .

Изомэ возвращается обратно в зал заседаний.
Заседание уже началось.
Говорит представитель Франции:
— ...разношерстные группы борющихся сейчас в Сибири с большевиками никем не возглавляются, кроме расслабленного Комуча и болтунов из Директории. С нас достаточно одного опыта с Керенским... Нуланс, создавая фронт внутри большевиков, сообщал нам, что необходимо возглавить движение здесь в Сибири единоличной диктатурой,

выдвигаемой исключительно союзниками.

— Кого? — спрашивает американский консул.

— Французский Банк КВжд считает необходимым передать эту кандидатуру Хорвату.

— Но ведь его совершенно не знают в заграничных дипломатических кругах... — вмешивается английский посланник. — По моему, единственной популярной фигурой тут является адмирал Колчак, большой морской специалист, человек с прекрасной английской выучкой, настоящий аристократ и широко известный, как в военных, так и в дипломатических кругах.

— Но, мистеры! — говорит американский посол, обрезывая серебрянными щипцами кончик сигары, — сорока восьми звездам Соединенных Штатов совершенно безразлично, кто будет возглавлять и управлять этими борющимися группами. Но... — американец делает значительную паузу — пятьдесят миллионов долларов — это палец, золотой палец, протянутый к Сибири. Это может быть впоследствии всей рукой. Но... — американец опять делает паузу — что эта рука может взять обратно?

Мистер Смитсон слегка подтягивает и без того короткие брюки, садится, и сорока восьми звездам на его носках совершенно безразлично, что думают по этому поводу представители Франции и Англии.

— А что думает Япония? — спрашивает французский посланник.

Изомэ решительно поправляет свои роговые очки.

— Япония не думает. Она уже сделала. Ее семь дивизий выброшены на материк и являются единственным реальным кулаком, стоящим на рубеже между Востоком и Западом. Итак, за Восток вы можете быть спокойны.

Лица посланников делаются недоуменными. Кому же достанется Сибирь? Ее колоссальные богатства: Амурская житница, золотоносные пласты, уголь Сахалина и камчатские котики.

-----

5. Глаза желтого прищурены

...Хр — тьфу!..

Пауза.

— Ну?..

У шелкового, расшитого золотыми птицами, трельяжа камина стоит застывшая фигура Изомэ...

... — Им мало наших семи дивизий. Наше пушечное мясо, наши машины, они хотять использовать для накопления золота в своих мешках.

... Хр-тьфу!.. Хр-тьфу!!.

Изомэ ждет, пока генерал выхаркнет все презренье к союзникам и продолжает:

— Союзники хотят поделить всю Россию. Они уже поделили ее...

— Идиоты!.. А наши семь дивизий? — челюсти генерала сдвигаясь, хрустят. — Хр-тьфу...

— Да-да, генерал. Они поделили ее в своих банках, консульствах, блокнотах. Они расписали ее в своих балансах... Но они слишком наивны, думая перехитрить нас.

Первый раз за все время аудиенции щелки глаз генерала внимательно упираются на Изомэ.

— Да, в ближайшие дни мы будем иметь документ, дающий точное представление о намерениях различных антибольшевистских группировок, базирующихся на иностранных ориентациях. Там же будет указано количество золота, затрачиваемого союзниками на поддержку этих группировок. Самое замечательное этого документа — как Франция и Англия без единого выстрела передают американскому доллару весь Дальний Восток от берегов Тихого Океана до Забайкалья. За это Англия получает хлебную монополию, беспошлинный доступ во все порты будущей монархической России, Франция — платиновые и золотоносные руды Урала, уголь Сахалина и нефть Баку.

Хр-тьфу!.. Документ?

— Да, он будет. Половина его уже в наших руках. Наша разведка идет по следу другой.

— Все?

— Все, генерал! — Рука к козырьку. Кругом. И изысканно обходительный в посольской обстановке дипломат, здесь только военный — механически четко выходит из кабинета.

Тишина.

... Хр-тьфу...

Щелочки глаз генерала устремлены через плевательницу на большую стратегическую карту, лежащую на циновках пола.

У него в руке бамбуковая палка с графитом на конце. Генерал делает эллипс, половина котораго ложится на Великий Океан, другая — на весь Дальний Восток и Китай.

Верхняя губа генерала обнажает гнилые корни клыков, выражая на вытянутой нижней злорадно-саркастическую насмешку.

Глава 21-я

23 + 18

1. Человек в маске

Небольшая четырехугольная комната.

За столом человек в маске.

Он прижал к уху трубку телефона.

За стеной другая комната.

В ней у телефона Изомэ.

— Мне необходимо говорить с вами лично,— повторяет уже второй раз японский дипломат.

— Я могу говорить только по телефону.

Молчание. Он ждет, что скажет Изомэ.

— Это невозможно! Генерал О-ой требует, чтобы вы...

— Если генерал хочет требовать, то вы обращаетесь не по адресу.

Изомэ нервно кусает губы.

— Подзалста! Я только хотел сказать, что генерал поручил мне говорить с вами лично...

— Нас никто не подслушает. Я друг Японии, но по некоторым причинам это должно временно остаться тайной. Итак — я вас слушаю.

— Нам нужен документ, часть которого имеется у вас. Вы можете пользоваться всем аппаратом нашей контр-разведки. Вы можете дать нам любые заданья и использовать наших агентов по своему усмотрению.

— Почему такая поспешность?

— Вторая часть документа должна быть доставлена в ближайшие же дни. Так хочет О-ой.

— Прекрасно. Я имею точные данные о местонахождении второй части документа. Нужно только кое-что сделать и мы ее найдем.

— Ваши заданья?

— Немедленно похитить женщину, арестованную белыми по подозрению в похищении документа. Имя ее Ольга.

— Иес! Дальше?

— Часть документа, уже имеющаяся у вас, должна быть доставлена здесь в момент, когда я передам вам вторую часть. Это необходимо для проверки подлинности второй части.

— Иес! Дальше?

— Пока все. Действуйте немедленно.

Изомэ потирает руки.

Устроить побег какой-то арестованной — пустяк для контрразведки.

— Значит, через несколько дней...

— Документ будет целиком в руках Генро!

— Но кто этот человек, так тщательно скрывающий себя?

-----

2. Игра с одним неизвестным

Утро.

Стрелка часов медленно ползет по циферблату. Сейчас они показывают без четверти десять.

Лежащий на полу человек знает:

— В десять он умрет.

Ночь прошла кошмарная, давящая. Страшное напряжение мысли: жить, жить. Но ничего нет впереди.

Только эти стрелки страшных часов.

И сознание:

— В десять. Конец.

Он крепко связан. Но он не хочет умереть!

Луч солнца в глаза.

Мгновенная мысль:

— Есть спасение!

Наклон головы. Зубы достают стеклышко упавшего во время борьбы пенсне.

Теперь: поворот головы, держать стеклышко за самый край против солнца.

Есть!

Яркая точка на веревке.

Через несколько секунд веревка начинает слегка дымиться. Маленький, еле заметный язычек огня.

Но вот на противоположной стене что-то пошевелилось. Бесшумно открывается потайная дверь.

Чей-то насмешливый голос:

— Хе-хе! Однако, остроумно придумано. Я явился очень кстати.

— Проклятие! Смерть! — шипит лежащий на полу.

— Несомненно. Она не минует вас. Но я отведу стрелку часов на полчаса, если вы потрудитесь об‘яснить мне цель вашего приезда в Харбин.

— Я отставной полковник. Я просто — приехал тутжить.

— Гм! А путешествие в чемодане?

— Какое? — по лицу полковника судорога. — О чем вы говорите?

— А купе № 17? Д портфель с документами? Иркутск?

Страх искажает лицо лежащего.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю многое. Но мне нужно узнать еще кое что. Если вы мне поможете, вы останетесь живы.

— Но я... я...

— Не отпирайтесь. Я знаю, вы — полковник Солодовников.

— Да, это я! — бессвязно лепечет полковник. — Я в вашей власти.

— Я это знаю. Вам придется сделать весьма немного для своего освобождения.

— Я согласен на все.

— Вы знакомы с Изомэ?

— Да.

— Прекрасно. Здесь будет устроен банкет, на который вы пригласите Изомэ. Все уже сделано. Вам остается только подписать приглашение и принять гостей. Вы представите меня, как графа Дютруа. Не вздумайте хитрить — мои люди на страже — вы будете убиты немедленно.

— Я согласен, согласен...

3. У кого документ

Амфилада роскошно обставленных комнат. Длинными белоснежными скатертями крытые столы. Хрусталь, серебро...

Жемчуг, сверкающий в затейливых прическах. Бриллианты, горящие на голых плечах. Фраки, фраки, фраки...

Банкет.

— Я должен, господа, представить вам моего спасителя, графа Дютруа! — говорит Солодовников. — Ему я обязан тем, что вновь среди вас.

Все с восхищением смотрят на изысканно одетого графа Дютруа.

Правда, он несколько неуклюж в своей походке. Губы его часто ложатся в саркастическую улыбку. Но это придает ему только известную оригинальность.

— Что-то знакомое! Точно я его видела, — думает баронесса Глинская, взглянув на графа и невольно остановив свой взор... — Странно.

— Полковник! Вы должны нам рассказать историю вашего бегства из Петрограда, — обращается баронесса к полковнику Солодовникову.

— Да-да, это очень интересно, — поддерживают баронессу и другие.

Полковник рассказывает:

4. История загадочного чемодана

Ночью в квартиру мадам Блюнинг врываются люди в кожаных тужурках и арестовывают поголовно всех. Врываются они так неожиданно и их так много, что о сопротивлении думать нечего.

— Забрать с собой все документы и переписку. Произвести самый тщательный обыск! — распоряжается человек с портфелем под мышкой.

Это комиссар ВЧК — Кириллов.

Красноармейцы срывают обои со стен, обивку с мебели, щупают паркет пола, разбрасывают содержимое ящиков комода...

— В чем же дело? — думает мадам Блюнинг, бледная как полотно. Правда, у нее ночует сегодня полковник Солодовников, но ведь он еще ни с кем из белых не встречался.

Она волнуется, но знает, — в квартире ничего нет. Только зачем полковник не говорит им, что он представитель японской миссии и вопрос сразу был бы разрешен. Ведь представители иностранных держав неприкосновенны.

Полковник молчит.

При нем нет никаких документов и он решает выждать, пока выяснится, в чем дело, в чем его подозревают?

— В ВЧК! — говорит Кириллов, усаживая полковника рядом с собой в автомобиль.

В маленькой комнате секретно-оперативного Отдела допрос:

— Вы откуда? Кто?

— Я офицер старой армии. В отпуску! Ни в каких организациях не участвую.

— Зачем приехали в Петроград?

— Разыскиваю родных. Никого, кроме мадам Блюнинг, не знаю.

— Ваши документы?

— Утеряны. Хлопочу о новых.

— Отведите его пока...

— Если можете, скажите, в чем я обвиняюсь?

— В участии в белогвардейском заговоре в Ярославле.

Полковник чуть чуть улыбается. Так вот оно что! Ну, тогда его скоро отпустят, так как к белым он сейчас не имеет никакого отношения.

Совершенно спокойно он следует за конвоиром.

В хлебном мякише шифрованная записка:

ВЧК напала на след нашего шпионажа. Вам угрожает расстрел. Будьте готовы сегодня на прогулке, около дверей склада во дворе. Один из конвойров и рабочий склада подкуплены.

Ио-ши-за.

— Как, уже разоблачен? Расстрел! Вот это он никак не мог ожидать.

Полковник нервно разрывает записку на мелкие клочья. Разжевывает во рту и выплевывает.

. . . .

Поровнявшись с дверью склада, полковник остается позади конвоира. Последний на это не обращает внимания и с остальными гуляющими арестантами сворачивает за угол.

Миг — и полковник исчезает в приотворенную дверь склада.

— Семнадцать, восемнадцать... — считают конвоиры заключенных.

— Где же полковник, которого привели вчера. Одного не хватает.

Оба конвоира смотрят друг на друга.

— Ты не видел?

— А ты?

— Куда же он мог деться? Ворота заперты. Во дворе вез-де караул охраны.

— Беги скорей к комиссару!

Арестованных отводят и во дворе начинается самый тщательный обыск.

Полковника нет.

_____

В тот же день на углу Екатерининского канала с грузовика ВЧК сгружают ящики с товарами, неправильно конфискованными у японской фирмы «Ма-цу-ра».

У представителя фирмы сияет лицо, когда он подписывает расписку в получении товаров обратно в целости и сохранности.

Едва грузовик ВЧК скрывается из виду, представитель фирмы тщательно закрыв двери склада, подбегает к одному из ящиков.

— Вы тут?

Ответ внутри ящика:

— Я!

Через минуту из яшика бледный и измученный вылезает полковник Солодовников.

5. У кого документ (продолжение).

После рассказа полковника, граф Дютруа подходит к Изомэ.

— Попрошу вас на минутку со мной.

— Подзалоста!

Они проходят в соседнюю комнату.

— Вы получили мою записку? — спрашивает граф.

— Иес!

— Вы исполнили все, что там было написано?

— Иес!

— Где пленница?

— В ста шагах отсюда. Вы можете заглянуть к ней в любую минуту. Вот ключ и пароль.

— Прекрасно. Вы принесли свою часть документа?

— Она у меня. А ваша? — недоверчиво спрашивает Изомэ.

— Здесь.

— Надо собрать клочки текста — говорит Изомэ. — Мы здесь в безопасности?

— Пройдем сюда.

Граф Дютруа саркастически улыбается. Нажим невидимой кнопки в амбразуре окна. Жардиньерки отодвигаются: за ними потайная дверь.

— Вот здесь мы в безопасности, — говорит граф, пропустив вперед Изомэ.

Изомэ бережно вынимает из бумажника свою половину разорванного документа. Граф делает то же самое.

Они раскладывают куски документа на маленьком ломберном столике.

Вдруг...

Тьма.

Что-то проваливается под табуреткой Изомэ. Он падает.

Свет опять.

Изомэ один.

Граф Дютруа — исчез и вместе с ним клочья документа.

Глава 22-я

ГЕНРО

1. Парад

Редкие клочья тумана ползут от Гнилого Угла.

Большими голубыми полянами — небо Владивостока.

Солнце сияет.

И отовсюду и повсюду: с хребта Эгершельдова Мыса, с Амурского залива, от Города-Сада, от Рабочей Слободки, по кривым переулкам, по Китайской улице, через Голубиную Падь с гомоном — толпы.

Жмутся к домам. Запрудили тротуары.

Европейцы всех стран. Синеблузые китайцы. Корейцы — белые лебеди. Японки — рукава крыльями, за спинами в мешках ребятишки, на ногах деревянные туфли — топ-топ.

Европа и Азия...

Тона хроматической гаммы.

На рейде суда флагами убраны. Жерла орудий смеются на солнце — сняты чехлы.

По кручам высот дома, как гнезда ласточек... На них... и повсюду: на балконах, на крышах, в окнах — пятна... крас-

ные, белые, синие, желтые.

А внизу... на краю Золотого Рога... волнистая Светланская улица дышит тяжелым и мерным топотом.

Сегодня интервенция демонстрирует свою силу,

Сегодня генерал О-ой принимает парад всесоюзных войск.

В центре Светланки... Улица горбом вздымается от пристани Адмиралтейства. У парапета большого красного здания толпится союзный штаб... А вверху на парапете, врастая в гранит, — генерал О-ой.

Хар-тьфу!..

Смотрит.

Оттуда... с Гнилого Угла... бесконечной лентой колонны... колонны... колонны...

Одна за другой берут под'ем, печатая шаг. Глаза в генерала...

Одиннадцать наций проходят мимо.

Одиннадцать наций огнем холодных глаз сверлит генерал О-ой, приветствуя хриплым голосом.

Одиннадцать наций громко отвечают генералу.

Десятки оркестров белым никкелем и желтой медью... и воздух... в стены зданий... в стекла окон — бравурные марши всех стран.

Смотрит О-ой...

Они... —

В голове парада... Маленькими цепкими ногами уверенно, твердо по чужой земле — желтые мундиры японских войск.

Их много... Больше всех...

И громче, чем все:

— Банзай!..

На балконах японки — волосы густые, черными гребнями изукрашены... в цветных кимоно:

— Банзай!!.

А дальше:

Пестрым калейдоскопом... нация за нацией...

Англичане...

Канадцы...

Серостальные французы...

Американцы... Высокие, стройные... Ноги — ходули... Саженным шагом... Ремешками к бедрам тяжелые кольты прикручены...

Хар-тьфу!..

Дальше:

Румыны в плащах...

Итальянцы... Вот только с подмостков... На бок свисают береты с мохнатыми шишками...

Франты поляки.

Чехи... Одеты в русскую форму, только что без погон, а щитки на руках... Гимнастическим легким шагом... И на лукаво хриплое генеральское:

— Наздар!

— Здаррр!..

Дальше:

Китайцы... В синей грошовой сарпинке... Ногами вихляют... На картузах многоцветные звезды...

За ними...

В хвосте —

Русские...

Дешевые защитные рубашенки... Сапоги... Скатки...

Батальон Иркутского полка особого назначения — интеллигенция:

— Здравия желаю, ваше вскок... дичство!..

Полковник Луцкий внизу у парапета со штабом, но...

На два шага в сторону отошел...

Грустно...

— Где же? И будет ли она... Великая русская армия?

Вспомнил:

У Петра Первого в «Решпекте парада» сказано:

> — ...а сзади идут каптенармусы, лекаря, костоправы и прочая нестроевая сволочь.....................

— Неужели мы... в хвосте боевой интервенции — им служим... тоже... нестроевая сволочь? Нет! Но...

Звякают сабли, блестят штыки...

Возгласы одиннадцати наций приветствуют генерала О-ой.

Зорко смотрит генерал.

Видит:

Те... впереди... литые медные маленькие солдаты крепко держатся цепкими ногами за землю материка.

Знает:

Если прикажет... Если нужно... на одной ноге по таежным тропам, по высям сопок скакать будут. Проблема Тихого океана решится.

На Дальнем Востоке Императорская Япония будет!

А эти?... смотрит О-ой.

— Дураки!!

Харр-тьфу.

2. Свидание в море

... — Радио Таро... — доканчивает генерал Сизо.

— Хрр-тьфу... мы едем сегодня!

— Есть, генерал!

Выходя из кабинета, Сизо говорит ад‘ютанту:

— Генерал едет осматривать форты и бухту Улисс. Приготовьте моторный катер.

–––––

Вечером того же дня.

Моторный катер генерала далеко за бухтой Улисс.

Расплавленное золото заката переливается по волнам Тихого океана, разбегаясь веерообразно.

На палубе катера О-ой — рядом со штурманом.

— Хрр-тьфу!

Генерал не забывает плеваться в предупредительно для него приготовленную плевательницу.

Вдали на горизонте — дымок. Сизо смотрит в морской бинокль:

— Должно быть, это и есть Сид-Зу, — говорит он О-ой.

Хрр-тьфу! — сигнал на мачте?

— Пароль Генро.

— Ну!..

Через полчаса генерал О-ой и генерал Сизо всходят на борт крейсера Сид-Зу.

Их встречает высокий светловолосый японец — Таро, — офицер генерального штаба, ад'ютант для поручений при Генро.

Несколько приветственных приседаний и — Таро проводит их в рубку флагмана.

— Вам пакет, генерал.

— Ну... Хрр-тьфу.

И здесь предупредительно приготовлена плевательница. — Сизо придвигает ее к генералу.

Таро вынимает из продолговатой инкрустированной шкатулки пакет с разноцветными сургучевыми печатями.

О-ой лениво, одним движением обрывает край пакета. Вынимает лист пергаментной бумаги, читает:

Сын двенадцатой династии от Мот-Цу-Хи-То, Император Японии и Сиогун
ИО-ШИ-ХИ-ТО

Генро.

Тихоокеанская проблема.

. . . .

— Хрр-тьфу... Хорошо, едем...

— Есть!

Таро дает распоряжение отправить моторный катер обратно во Владивосток. Крейсер поднимает якорь.

Океан спокоен.

Киль крейсера рассекает гладь океана и фосфорисцирующая пена волн уходит за кормой далекой серебристой лентой.

Звезды — их в миллиарды раз больше, чем во всех американских флагах — яркие просветы на темно-синем куполе неба.

На борту крейсера — О-ой, Сизо и Таро.

— Это будет знаменательное заседание! — говорит Таро.

— Да! — первое в истории Японии... — добавляет Сизо.

О-ой кривит свои челюсти, выражая удовольствие:

— Хрр-тьфу!..

3. Гейша и папироса

Глаза:

Большие, черные, задумчивые...

Устремлены вдаль.

Белое, тонкое, прозрачное лицо, карминные губы — засеребрила, оворожила тропическая ночь.

Покачиваясь в такт звуков бива, девушка поет:

В темном бамбуке
Одиноко прохожу
    Струны чуткие тревожа
    Звуки долгие тяну...
Лес заброшенный густой...
Мне не встретить никого.
    Из-за туч блестит луна.
    В промежутках — тьма...

Молочно-белое плечико девушки обнажено — кимоно чуть спущено, — пояс откинут на циновку, в прорезе — белые детские очертания еще не сформировавшейся девушки, почти мальчика.

В черных глазах — тенями осеребренные луной кипарисы.

Легкий бамбуковый балкон повис над парком. Замолкло биво — девушка задумалась.

Цикады — тропические кузнечики в кактусах:

Тик-чох-чак... си-си-си... ти-ти...

Стрекочут.

Девушка грустит.

—————

— Ми-Ми! — я к тебе...

— Ты?...

— Да, твой рыцарь...

— И принц!

— Пришел целовать обожженные тропическим солнцем вишни твоих белых холмиков-грудей. Я истосковался по тебе.

— А я?

— Из чужой и далекой страны я вернулся к тебе.

— Я знаю, хочешь слушать: я расскажу тебе песней про свою грусть о тебе.

— Да!

И биво тягуче льется и плачет, рассказывая грустную маленькую песенку — жизнь девушки чайного домика.

Жизнь гейши.

Кварталов ночи в Токио.

—————

А потом они много целовались...

Головой в прическе — она лежала на скамеечке, чтобы ее не испортить.

Нацеловались.

Сели...

Ноги калачиком под себя...

Тропическая знойная ночь.

И бесшумно внесен мирокусеки и поставлен на лаковый столик с золотыми птицами между ними.

Тянут соломинками холодное сладкое пьяное мирокусеки.

Смеются.

— Сегодня я привез тебе три подарка.

— Какие? — и глаза Ми-Ми — щелочки, а губы рдеют в улыбке.

— Себя...

— Раз!.. — Ми-Ми считает.

— Вот это черное кольцо, такое же и у меня.

— Два!..

— Когда я умру, я тебе пошлю его: это знак вечности тебя во мне.

— Так... Я три?

Маленькими пальчиками она берет...

Не понимает, смеется:

— Это?

— Папиросы императора.

— Самого императора?...

— Да!

— Это шикарно: самого императора?... и серебром в лунные нити вплетается смех Ми-Ми. Катится, льется в озеро, режется остриями болотной травы; скользит, переливается по плавникам широких лотосов.

Золотое озеро лотосов в дреме.

— Это шикарно! самого императора?..

— Подарок самого императора! — и генерал Сизо зажигает спичку...

...Ми-Ми-гейша закуривает папиросу самого императора Японии.

Ах! — она счастлива, по-детски счастлива: завтра она об этом расскажет всем своим подругам...

. . . .

Снизу под вощенными переборами чайного домика все видно.

Глаз — черный ворочается, ищет по полу.

Рука — худая, волосатая, а на указательном пальце нет сустава, — протягивается, как змея, под ширму и шарит.

Нашла — коробку с папиросами...

. . . .

— Ах, за все три подарка получи...

— Три! — Ми-Ми целует, хохочет, звенит...

. . . .

Рука обратно за ширму, а между коротким пальцем и большим — папироса...

Папироса с императорской короной — в бездонный карман кимоно длинного, худого, бледного японца с белыми волосами.

. . . .

А там, за ширмой опять:

— Еще три!..

и смех, и поцелуи, и мирокусеки... ...

— И тридцать три!!

И еще, и еще —

Поцелуи...

И

Биво запело...
И
Луна
еще выше...

4. Хара-Кири

. . . .
. . . . . Императорская папироса
у гейши—ваш смертный приговор.
Генро.
О-ой.

Пауза.

... — Это — он!.. Таро... Он нашел предлог: папироса... императора.

Молчит, смотрит в озеро на лотосы.

Думает: — а документ погиб... — меня обманули... Я не оправдал доверия Генро. Моя смерть — дань традиции самурая. Я готов... Я должен умереть — военные круги будут успокоены... Честь сиогуна должна быть незапятнана...

А луна еще высоко... — только вот Ми-Ми... улыбается про себя: она маленькая девочка — она еще может спать на лотосе... Она... но — кончено!.. Теперь... еще рано — успею:

— И-Ро-Зу!..— несколько стуков по вощенной стенке.

Сейчас же:

— Иду!..

. . . .

... — Вот это черное кольцо передашь ей, ты знаешь?

Кивок головой.
— Ми-Ми!
— Да!..
— Ровно в два часа.
— Да!..
Пауза.

. . . .

Быстро снят мундир.
Старый клинок, как бритва — вынут.
На колени опускается генерал Сизо.
Крепко сжаты желтые зубы, — губы в спокойной улыбке.
Темнеют глаза.
Острие клинка к животу...
Глаза на часы:
— Ровно в два!

5. Тайна храма

Сквозь широкие бархатные листья криптомерий — протянулись на асфальтовую аллею серебрянные лунные нити.

Упруго легко ступая в стали мускулов, несет рикша свою коляску.

Бесшумно, только в ветре неслышном, — легко подымаются семь рикш по аллее на плоскогорье Никко — подножье священной горы Фузи-Яма.

Гиды — бронзовые мускулы ног — медным плечом подталкивают сзади коляску.

Как летучие мыши, бесшумно скользят по аллее в бликах луны семь рикш.

Поднялись в Никко.

Рикши оставлены.

Семь пилигримов направляются к Священному Озеру.

Кто они?

Скромные кимоно и в руках обычный бамбуковый посох — ничего не говорит.

Пилигримы.

_____

... А в это время:

Токио.

В Токио великая ночь:

От парка Уэно шпалерами протянулись войска. Все прилегающие к императорским дворцам улицы — закрыты для движения. В самом старинном дворце Сио-Гунов — сегодня ежегодное заседание Генро, на котором бывает сам император Японии:

Ио-Ши-Хи-То — Сын великого Мут-Цу-Хи-То, первого императора Японии.

Генро заседает:

Сегодня ночью решаются судьбы Японии, Кореи и —

_____

...Джаннн-Баннн...

И семнадцать пагод самого древнего и самого высокого, и самого священного, и самого таинственного храма во всей Японии — отозвались на разные голоса перекличкой тонов: от шопота самого нежного, едва уловимого — до чутко протяжного стона, до зловещего хохота.

Это — прозвенел гонг.

Это — начало священного танца.

В храме — пусто, темно, тихо.

Вдруг —

Падает золотая капля...

За ней — другая, третья...

И капли разгораются в огонь:

Рубинами, кровью заливаются ниши пагоды — и бесконечное разнообразие летящих птиц оживает в плафонах. резьбе, инкрустации — по стенам, в потолке, на черном матовом шелке ширм.

Вокруг огня:

Три нежных лотоса — три молодых девушки — головами черных светящихся жуков — уткнулись в колени — их причудливые высокие прически только видать.

Второе кольцо.

Семь безмолвных фигур — семь пилигримов: глаза их закрыты...

...Джаннн-Баннн...

Опять застонал, отзываясь всеми своими пагодами- вышками, старинный тысячелетний храм.

Ярче капли огня.

Кровавые полосы глубже по храму разбредаются, ищут, шарят, лижут все уголки.

Вот нашли:

Огромные серые каменные руки, выше — груди — сосцы, шея, — мертво-сжатые в улыбку губы, приплюснутый нос, серые ужасы — полушария глаз:

Еще выше:

Межи рисовых полей — волосы...

Это — огромное семисаженное серое каменное чудовище.

Будда!

Вот:

Три девушки подняли лица.

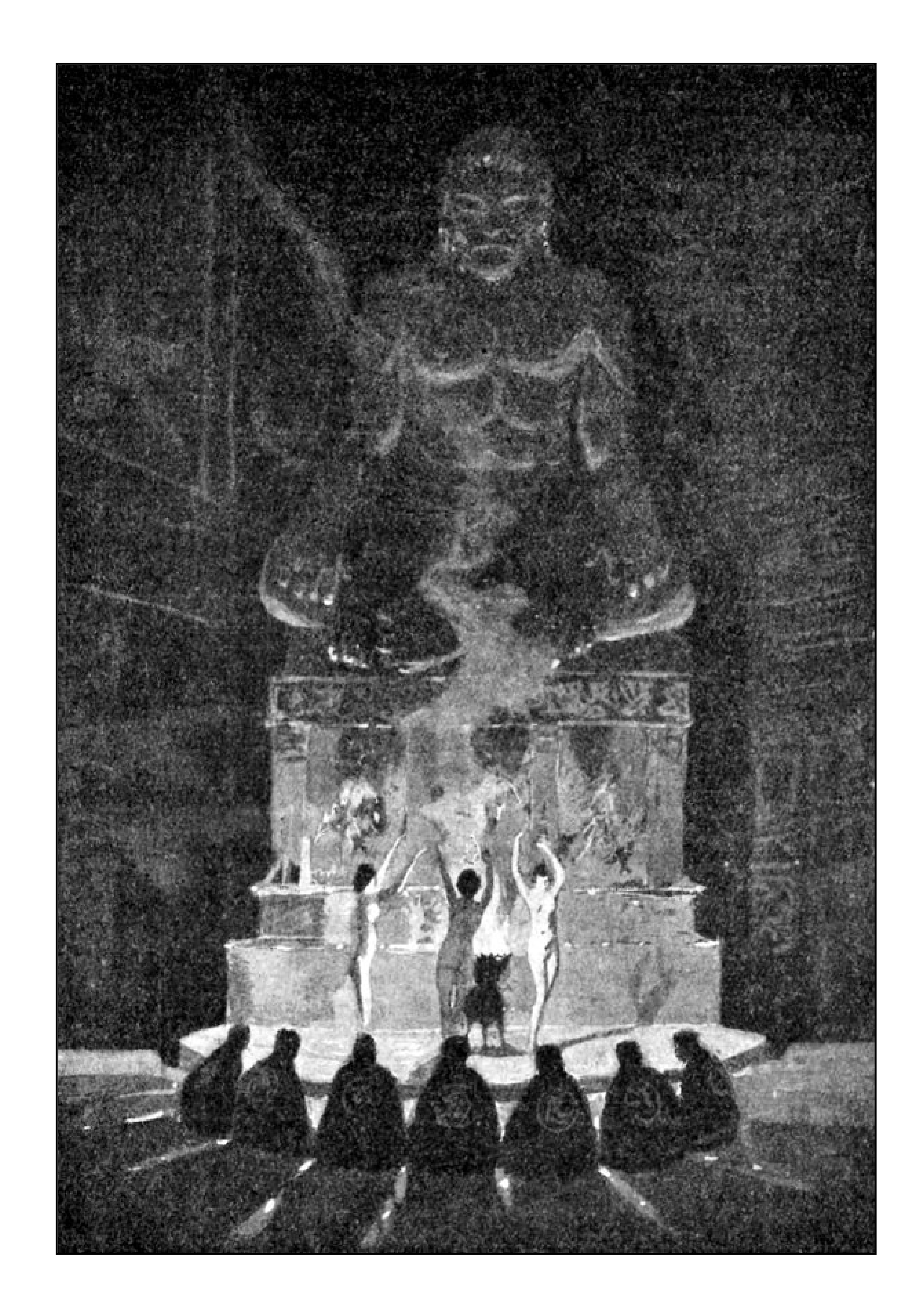
Кровью загораются их глаза. Тонкие нежные поднимаются руки, протягиваются и, как пружины разгибаясь, беззвучно, легко, чуть извиваясь, приподнимаются, отрываясь от пола, голые тела девушек.

Как стебли лотосов, облитые огнем, они горят, переливаясь.

Первая.

Белая Лилия — богиня рисовых полей Японии. — Плодородие.

Вторая.

Золото Банана — богиня Солнца — зноя, который, выпаривая рисовые поля, золотит бархат кожи японских мускулов.

Третья.

Зеленая Пальма — богиня Дождя, орошение рисовых полей — капли радостных слез девушек Японии, отправляющих самураев на войну.

Это — танец трех:

Священный Танец Японии.

Семь пилигримов открыли глаза.

Красными пятнами шесть сморщенных крепких угрюмых лиц.

Седьмое.

Молодое, бледно-зеленое лицо, желтые впадины остановившихся глаз.

Семь пилигримов:

Это — Генро, Высший Тайный Совет Японии.

. . . .

Самый древний потомок Сио-Гунов — князь Има-Мото подымает руку ладонью к огню, — длинные ногти Сио-Гуна просвечивают, как рубины:

— Я, именем древнейшего — передаю волю Генро, младшему из нас Сио-Гуну и самураю О-ой.

Говорить —

— Император!..

Бледно-зеленое лицо не дрогнуло, глаза попрежнему мертвы.

— Я, волею... Генро, послан на материк.

...Императорские войска Японии стальным кольцом встали на рубеже Восточной Лзии, от Холодного Океана, через золото гор и тайгу зеркального Байкала, к горячим пескам Монголии, к истокам реки Желтой и знойно-соленым брызгам тропического прибоя у стен срединного Китая.

Остается это кольцо замкнуть островами от Сахалина до Кореи и Формозо, превратив их в цепь стальных крепостей.

Японское море — будет внутренним военным рейдом нашему флоту.

Материк — в нашем кольце — это неисчерпаемая военная и экономическая база Японии.

Только одно слово Генро:

Согласно.

И —

Печать Императора:

И —

Великая Императорская Япония будет владычицей всего Востока.

И —

Тихоокеанская проблема...

. . . .

...Из красного света сверху — кровавая рука полетом за танцем Зеленой Пальмы — богини Дождя, — уловила, поймала: одевает ей черное кольцо.

Надела!

. . . .

Плавный нажим.
Глубоко в мякоть уходит клинок.

. . . .

Миг — и скрылась рука.

. . . .

Широким красным ртом раскрылся живот.

. . . .

— Ах!.. — тихим стоном проносится в Храме.

. . . .

Крепче на коленях, мускулы в железе — падать вперед.
Маска лица застыла.
Зубы еще плотней — хрустят.
Рука начинает мотать кишки...

. . . .

И девушка скользит, падая на огонь...

. . . .

Глаза генерала Сизо — стекла. Шатнулся.
Падает вперед,
Лицом в циновку...
Ткнулся.

Мертв.

. . . .

Девушка — сгорает.
Урна гаснет.
Тьма в Храме.
Тишина.

Первый том романа «Желтый дьявол» был впервые издан
в Ленинграде издательством «Прибой» в 1924 году.

В тексте, за исключением исправления наиболее очевидных опечаток, сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Иллюстрации, принадлежащие неустановленному художнику, взяты из оригинального издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.